

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

12. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

16.12.12

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

Муса АХМАДОВ. *Адам хила Гамош*.....2

Хьамзат САРАКАЕВ. *«Аполлонан йишин клант»,
я Декхаделла глан*.....4

ПОЭЗИЯ

Докка КАГЕРМАНОВ. *Байинчу вайнехан чевнаш,
я Йэсана тIехь дисина моьнаш*... Стихаш.....13

Адам АХМАТУКАЕВ. *Пусть стоит это древо!*
Стихи. Перевод с чеч. Розы АГОЕВОЙ.....18

Майрбек ЛУЛУЕВ. *Пленник красоты*. Стихи.....33

Габдулла ПЕШХОЕВ. *Ойланаш*. Стихаш.....43

Марьям БИБИЕВА. *Лайн чимаши*. Стихаш.....48

ПРОЗА

Шаран ДАШАЕВ. *Вендетта*. Рассказ.....21

Марем НОХЧИЕВА. Рассказы.....36

Сулиман МУСАЕВ. *Охота*. Рассказ.....45

Аслан ШАТАЕВ. *Приключения Читы*. Рассказ.....50

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Мухамед НЗОВАФЕД. *Пока живу, буду помнить*.
Рассказ.....54

ДЕБЮТ

Марьям ХАДЫСОВА. *На перепутье*. Стихи.....53

Анна Хадиджа ВЯТКИНА. *Твой путь к спасению*...
Стихи.....60

ИСТОРИЯ

Саид-Альви ЛУЛУЕВ. *Корни чеченцев*.....61

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Время создавать. Иса ОКАРОВ беседует с Вахидом
ИТАЕВЫМ.....69

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абдулла ГАПАЕВ. *«Я веду себя на расстрел»*.....73

Тауз ИСС. *Слово о поэте*.....79

ПУБЛИЦИСТИКА

Тамила АХМАДОВА. *Привлекательность
инвестиционной деятельности в
Чеченской Республике*.....81

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Новогодний бал-маскарад*.
Афоризмы.....85

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Мечты сбываются... Подготовила Роза МЕЖИЕВА.....86

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 ГОД.....91

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Лидия МАХМУДОВА. *Бег от времени*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Сацита ИСРАИЛОВА. *С любовью к своим предкам*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Юбилей

Кху шеран 13 декабрехь нохчийн яздархочун Саракаев Хьамзатан 85 шо кхаьчна. Хьамзат дуккха а киникийн автор ву: «Довзазху некъашакула», «Малхана тIаьхьа», «Эдалхан некъаиш», «Эдалхан доттагIий», «Толамах тешарца», «Шира гIап» иштта дIа кхин а. Цуьнан дукхаха йолу произведенеш берашна а, кегийрхошна а лерина ю. Кху номер тIехь оха зорба туху Ахмадов Мусан цуьнан кхоллараллех лаьцна статья а, Хьамзата шен дийцар а.

Адам хила 1амош

Берахь хьан кхетам къастаме бу. Кхиндерг диц а дой, цо Iалашдо жимчохь хьох Iоттаделла Iаткъамениг, цIенаниг, сирланиг, лазамениг – уггаре а коьртаниг. Уьш хьоьца гуттаренна а деха, хьан сирла дагалецамаш хуьлий. Цара ницкъ ло муьлххачу гIайгIанийн догIанера малхе вала, мел холчохь хилча а, «Хастам бу-кх хьуна, Дахар!» – ала.

Xинца а дагайоьгу Саракаев Хьамзатан «Шира гIап» цIе йолу повесть ешча, хIетахь, жимчохь, сайн хилла ойланаш. Цу повестан жима турпалхо Эдалха, цуьнан кегий доттагIий, церан ловзарш, ламчохь сатасар, сатоссуш гIевттина ворданашкахь новкъабовлар, цIийза ворданан сема, да кхелхича жимчу кIентан хилла дог-ойла, кхин а, кхин а – оцу книго кхоьллина дийнна дуьне синкхетаман дакъа а хилла деха хIинца а. XIан-хIа, дагахь ца бисна цу тIера массо а хилам. Дагахь царел а мехалниг дисна – цо кхоьллина адамах болу лазам, цуьнца цхьаьна диканах тешар а.

Дукха хан йоцуш суна доккха хазахетар хилира. Яздархочун керлачу повеста тIехь со юха а цхьаьнакхийтира сайн ширчу доттагIчуьнца – Эдалхица.

– Маршалла ду хьоьга, Эдалха! Со воккхаве вайша юха а цхьаьна волуш! – элира аса цуьнга.

ТIаккха тхойша дIаволавелира адамашна тIевуьгучу, доккхачу Дахаре болчу новкъахула.

Эдалха хийцавелла. Воккха а хилла, лакха а ваьлла. Шорбелла цуьнан бевзачийн, безачийн го. Церан хIинца керла ловзарш а, керла гуьллакхаш а ду. Амма коьртачунна тIехь хийца ца велла Эдалха. Иза, хьалха санна, догдика а, нехан бохамах гIайгIа хуьлуш а, харционна дуьхьал вала кийча а ву.

Кхин цхьа Iаламат оьшу амал а карий суна сайн ширчу доттагIчо Iалашийна – адамех доггах тешар. Цундела вoьду Эдалха шен вуонехь а, диканехь а царна тIе.

XIокху керлачу повестехь а боккха аьтто хуьлу Эдалхин: массанхьа а карабо цунна дика нах. Ойлаел ахь, дешархо, мел хала хир дара Соьлжа-гIалара Ведана гIаш ваха. Ткъа и дан дагахь дIа ма волало Эдалха. Амма кхунна вевзаш а воьчу цхьана дикчу стага Iелас шен вардана тIе хааво хIара, тIаккха Бени-кIотарахь хьаша-да везачу хIусамехь буйса йоккху, оцу йоьцачу хенахь кхуьнан гергарло тасало жимчу кIантаца Салманца.

Дика нах кхин дуккха а бевза Эдалхина. Воккха стаг гIалгIазкхи Савельев Митрий Мефодьевич, хьехархо Альберт Фридрихович, санаторехь хилла кхетош-кхиорхо Варвара Ивановна, кхиберш. Уьш тайп-тайпанчу къаьмнех белахь а, шайн адамаллица цхьатера, гергара нах бу. Хетало, Эдалхина къаьмнаш дан а дац, цунна адамаш ши тайпа го: дика нах а, вуон нах а. КIорггера ойла йича дан а ма ду иза иштта, дешархо. XIун бен ду муьлххачу мотт буйьчуш хиларх, хьан бохамехь воьлхуш, диканехь хазахеташ иза хилча?

Эдалхин кхин цхьа башха амал а ю. Ша мичча кхачарх, муьлххачу а нахаца

гергарло, юкьаметтигаш тосу цо. Иза ца къехка адамех, цо ца лечкъабо шен баланаш царех. Мелхо а кхойкху цаьрга, цунна хаьа стаг дуьнен чуьрчу баланел кхечу адамийн гюьнца бен тола йиш йоцийла. Цундела нахана а дика хета Эдалхица, цо къагадо церан дахар шен догдикаллин серлонца.

Повестехь гойту хиламаш длабоьлху тлом болчу хенахь. Генахь беллахь а, берашна денна а хаало Сийлахь-Боккхачу Даймехкан тлеман къиза садеIар. Чишкарчу берийн санаторех госпиталь йо, тIамехь хIаллакьхилла Альберт Фридриховичан доьзал, тIаме бахна Эдалханан дуккха а юьртахой, Эскаре воьду цуьнан ваша а, дуьхьалонна саьнгарш яха йоьду цуьнан дуьхьарлера безам – Галина.

ХIан-хIа, юьстах ца лаьтта бераш тIамна, тIамо шен йоккха лар юьту церан кхетамехь, кхолламехь. Амма уьш теша кестта вайн халкъо толам боккхург хиларх. Ца тола йиш ма яц бакъо харционал, дика вуонал – тешадо вай повесто. И иштта хилийтархьама, цуьнан къона турпалхой кийча бу мел йоккха а хало лан, мостагIна дуьхьал, шайш ца кхоош, дIахIитта. Цундела деккъа цхьа берийн ловзарш хилла а ца Iа Эдалхана а, цуьнан доттагIаша а мостагIна дуьхьал тIом бан беш болу кечамаш. Шеко яц, уьш иштта хир бара, боккъал а тIеман киртиг шайна тIехIобттича а. Уьш хир бара Марат Казей, Саша Чекалин, Володя Дубинин санна...

Повестехь дуккха а ю, дешархо, хьуна гуттаренна а дагахь юьсур йолу меттигаш. Царах цхьаь ю Эдалханан, Галинин безамах ерш. Дуьхьарлерчу, лан чим санна сирлачу синхаамах йолу агIонаш йоьшуш дог-ойла цIанло, кхин а хазахета дуьне, теша ирсах.

Iаламат хала ду безамах лаьцна стаг тешош яздан. Цу декхарца, цхьадика, ларийна Саракаев шен повестехь. Шеко яц, безамах цо яздинарг дешархочо тIеоьцур ду боккъал а, ша теш а волуш, хилча санна, хIунда аьлча кхузахь яц шалхо, яц моттаргIанаш.

Билгальяккха еза Саракаев Хьамзатан йозанан хотIан кхин цхьа башхалла а. Шен турпалхой цо кхиарехь, оьздангаллин керл-керлачу анайисташка бийларехь гойту. Иза яздархочо до, хIума дуьхьалдIа схьадийцарца кIорда а ца войтуш, тайп-тайпана хиламаш бовзийтарца.

Аьр вай, немцойн мотт хьобхучу Альберт Фридриовичаца берийн хиллачу юкьаметтигех. Цабезам, юьхьза Iитгарш яр дуьгий, шайн хьехархочун кIорггера сий-ларам, бан буйлало дешархой. Берийн кхетамо кхиаран боккха некъ бо. Уьш шайх Iоттаделачо, дахаро ша кхетабо интернационализман коьртачу принципах: адаман къомалле хьаьжжина хадо йиш яц мах, цхьа а къам дац дерриге а вуон, муьлххачу а къома юккъехь бу дика а, вуон а нах...

Повестал сов хIокху сборникана юкьадахана тайп-тайпанчу теманашна лерина дийцарш а. Царех дукхахдерш доьшуш («Ирсе бIаьрхиш», «Гуттар а хуьлда мама», «Асхьабан дийцар», кхидерш) хаало цу тIера хиламаш авторан дагчохь лезна, цо еххачу хенахь шен кхетамехь лелийна хилар. Цундела кхета уьш дешначунна дагах а. Оцу дийцарша а, повесто санна, дешархо Iамаво уггаре халчу, амма дуьнен чохь уггаре а оьшучу говзаллина – Адам хиларан говзаллина.

Яздархочо боху: нагахь хьо адамашца догIена, царна орцах вала гуттар а кийча хилахь, хьо цкъа а вуьсур вац цхьаллехь гIаш некъ бан – тIаьхьакхиьначу дикчу стага шен вордана тIе хаор ву, хьо цкъа а вуьсур вац арахь, дорцехь я догIнехь – хьуна гуттар а йиллина ю дуьнен чохь массо меттахь долчу дикчу адамийн цIенойн наьIарш, хьо вуьсур вац муьлххачу а бохаман йозалла айххьа ловш – дикчу стага буха белш гIюртийна яйийир ю хьуна иза...

Керла дацахь а, и бакъдерш вайх хIоранна а хаа дезаш а, хIораммо дагахь латто дезаш а ду, къабсттина Дахаре болчу некъан юьххьехь лаьттачу къоначара.

*АХМАДОВ Муса,
Нохчийн Республикин халкъан яздархо.
1984*

Саракаев Хьамзат

«Аполлонан йишин к1ант», я Декхаделла г1ан

Дийцар

Ч1ога хаза еара оцу дийнан 1уьйре. Диъ далале хьалаглаьттина рог1ерчу радиопередачина материал кечъеш айса болх бинехъ а, олуш ма-хиллара, ша и пондар санна дара дег1. Май беттан байчу, мелачу мохо хьобстура юьхъ а, корта а. Х1инца а заа охьадожаза, нускалан духар дуьйхича санна лаьтгара ураман шина а аг1ор, дайн г1аш а дегош, гуш долу стоьмийн дитташ. Мел чуьйзарх кийра ца 1ебаш, ц1ена а, дайн а дара х1аваъ. Цхьа тамашийна исбаьхьа мукъам бекара даг чохъ. Буьхьиг санна ловза, кхиссавала, вада, цхьацца долчу ковкерташна уллохъ гучу бархат санна к1едачу, семсачу бацалхула керча лаьара. Суо санна, оцу исбаьхьчу 1уьйренах даккхийдеш, вовшашка кхаьнаш дохуш санна хеталора дитташ т1ехъ зевнечу аьзнашца декаш долу олхазарш.

Дукха х1ума лур дара ас кабинетан готтачу пенашна юкъя чу ца воьдуш, араьх кхин а цхьа-щи сахът доккхург. Амма, аг1ор цхьа муьста вела а кьежна: «Тахана мукъане а х1ун хилла виси хьо т1аьхьа?» — коьртачу редактора сайга ден долу хаттар дага деьча, «стиглара лаьтта а воьссина», болар сихдира ас...

Чувахана, со охьахиьна воллушехъ чуьялла, маршалла а хаьттина:

– Вайн выпускающи йолчу яханера со, оцу хьан композици текстехъ жажа. Амма иза цомгуш хилла боху. Цуьнга д1аеллий ахъ текст? – хаьттира соьга тхан диктора Розас.

– Дера ца елла. Тахана 1уьйранна бен со и язйина а ца ваьлча, иза д1а муха ло ас? – Розига хьаьжира со.

– Муха... «тахана 1уьйранна бен язйина а ца ваьлча?» Машинисткаша зорба тоха езаш а яц иза? Кхуьур дуй вай иза ЛИТО яхьийта а, еша а, пленки т1е д1аязьян а?.. Х1инца а коьртачу редактора ешна а, кьобалйина а ца хилча? Цу т1е, композици а яц хьан иза? Д1аязъеш, артисташка кхайкха а дезаш?

– Зорба-м айса туьйхира ас цунна...

– Бокьалла а?! — хазахетта, стоьла улло хилира Роза. – Схьаял х1ета, цхьа экземпляр, сихха. Режиссер а ма вара иза хоьттуш. Текстехъ жажа мукъане а хьажий тхо.

– Ваггалхьана, Розочка... Х1окху сан т1оьрмиг чуьрчу папки юкъахъ ю иза, – д1акхевдина, стоьла улло, айса ц1енкъя х1оттийна портфель схьайцира ас. – Охьахаахъ, цхьана минотана. Машинки т1ера яьлча, хаза мегарг еша а ма ца кхиьна со... Г1алаташ а хила мега, – портфель д1а а йиллина, чу куьг дахийтира ас. – Кроссворд т1ехъ долу «Огонек» ду х1ара... Блокнот... Делкъанна кхалла х1ума чохъ йолу т1оьрмиг... Селхана чу билларх баанза бисина ши 1аж... Газан а, электросерлонан а, телефонан а абонентни книжкаш... Ой!.. Передача?! И материал юкъахъ йолу папка?! – дег1ах шийла хьацар туьйхира.

Сан хийцаеллачу юьхьах кхетта хир яра Роза хиллачух.

– Х1ун... яц? – ша 1ачуьра хьала а айелла: – Дика хьажахьа, б1аьрзечу стага санна, чу куьйгаш а ца хьобкхуш, – «хьехам» бира цо, юьхъ т1ера ша а г1ехьа хийца а луш.

Шина а куьйга схьалаьчна, портфель шуьйрра д1аса а яржийна, сайн кьаьрзина ши б1аьрг цу чу буьйг1ира ас.

– Яц! – кхуьйлира б1аьстенан исбаьхьа 1уьйре.

– Муха «яц?».. Хьо хьер-м ца ваьлла? И д1ахаахъ... Кхин цкъя а хьажахъ... Айхьа портфела чу йиллира ца элира ахъ иза?

– Элира... йиллира... Х1аь, йиллира... Т1аккха... т1аккха х1ара юург чохъ йолу т1оьрмиг чубуьллуш... Х1аь... х1ара т1оьрмиг чубуьллуш... и папка хьала

а яккхина, кухни чуьрчу стоьла тле охьайиллинчохь йитина-кх, шен да а, нана а хьакхийца цуьнан валларг! – сайн карара портфель длаластийна, кабинетан сонe яхийтира ас.

– Ахь хлун до, хлай? Цуьнан хлун бехк бу, – шен кийрахь мел хилларг цленкьа а яржийна, сонехь аглор луьллучу портфеле корта тесира Розас, – хьан иэс ледара хилча?

– Хлун?.. Хлун ледара хилча?! – ца кхийтира со.

– Иэс!

– Иэс?.. И мукъане хлун ю хлинца? – йовлакх хьабкхна, сайн юьхь тле даьлла хьацар дладаьккхира ас.

– Иэссий? – цецъелира Роза. – Хлинцалц ваьхча, иэс боху дош а ца хаьа хьуна? Хьа-хьа-хьа! – глдьяххана елаелира иза. – Ой, литературно-драматически редакции воккхаха волу редактор вац хьо? Цу тле, хьуо яздарху а бохуш. Длавала, нах боьлур бу хьох!.. Оьрсийн матте даьккхича, «память» бохург ду-кх вайн маттахь иэс бохург..

– Ахь боккъалла?! – цхьана минотана йицъелира суна сайгара яьлла глалатло. Амма юха а айса цлахь йитина передачин текст дага а еана, юха а деглах шийла хьацар а тухуш: — Ванах, кху балхана хлун дийр ду?.. Араваьлла, сихха машина а лаьчна, вахана иза схьа ца яхьахь, тло биина циги санна, телас хьийза-м вийр ву, – тхешан коьртачу редакторан чиркье юьхь а, дера, оьглазе беса ши бляьрг а хлосттира сан бляьргашна хьалха... – Вахана, ца ваглахь вер...

Амма цлехьхана неларх тоьхначу пелгю юкьахваьккхира со. Тхан белхахоша иза тухур яцара. Тхан штатехь боцчу корреспондентех цхьаь хир вара иза. «Деллахь, ма юккьехула воьлу-кх хьо!» – дага а тосуш:

– Хлан, хлинца хлара, мукъане а, мила ву-те, хлокху юккьехула чуглертарг?! – Розига а хьаьжна: – Хлаь, чувола, чувола! – неларехьа вирзира со.

Длаеллаеллачу неларехь гучуваьлларг суна цкъа а гина стаг вацара. Аьлча а... дер гина-кх, миччахьа гинехь а, цхьанхьа-м... И... и... коьртахь йоллу глехьхьа хлумнаш гина баьццара шляпа! Гина... Цу клелахь – цларула-цлен беснеш йолу, кхиьна баьллачу баттах тера горга юьхь... Изза... суна гинарг ю... Дло-о гинна чу хиьна, ю санна ира жима сийна ши бляьрг... Соьга хьежна бу. Сийна-можа клеткаш йолчу куча тлехула охьакхозу жимма аглор яьлла клайн галстук. Мокхачу пиджака бухара схьаеана глехьхьа хаалуш йолу ген-тлоьрмиг. Вайн деношкахь наггахь волчунна тлехь бен гуш хуьлуш йоцу галифе хеча. Когахь – можа маьхьсеш. Иштта дара гучуваьллачун хатл... Ва нах, мичхьа... Маца гина-те суна хлара?.. Къамел а деш-м гина!.. Мичхьа?..

– Чуван мегар дуй? – шена жоп даларе ца хьоьжуш, чохьхьа глулч якккхина, баьрчче ваьлла дла а хлосттина, – Маршалла ду шуьга! – пелгаш дласа а даржош, баьхьа санна доккха деза куьг айьира цо. Иштта маршалла хоттуш цхьанхьа гинчух тера дара цунна.

– Хлун?.. Маршалла?.. Хьаьнгара ду боху ахь маршалла? – ерриге а оила айса цлахь йитинчу композиции текстана тле яхана волу со юьхьанца ца кхийтира цо аьллачух.

– Маршалла... а-а-а... соьгара ду-кх, хлокху чу а, шуьга массаьрга а, дуй-хьуна! – ерриге а цергаш гучу йохуш, шуьйра велакъежира хьаша.

– Ткъа хьуна хлун оьшура? Суна ма ца вевза хьо? Хьо мила ву ткъа?... Маршалла хуьлда хьуна а! – сайна хьалха дага беьна глурт туьйхира ас, сихха аравала дагахь.

– Со поэт ву, децца-хьуна! – шен некха тле пелг хьажийра цо.

– Ой! Мила ву-у?! – кхин тле а цецвелира со. – Хьо – поэт? Дер хир вац-кх! – муха долу а ца хууш, делира соьгара.

– Ву... Поэт ву со, децца-хьуна... Хьа-хьа-хьа!..

– Ой собар, собар! Х1ара юха а г1енах ду, я со хьер волуш лабтга? Хьайн десар, Роза, кьовзае х1окху сан пхьаьрсах, хьайга ма кьовзало, ма1ар! Х1ара г1енах дацахь тамаша ма бу! — Розига хьаьжира со.

– Хьайтал, х1ета, хьайн пхьарс... Дукха резахилла!.. – ела а кьезна, сан пхьаьрсах ма1ар яхийтира Розас...

– Эх1! Тоьар, тоьар! Кьовзор йолуш-м хьо а хилла!.. Ах1а, х1ета, хью поэт ву боху-кх ахь, накьост! – юха а чувеанчуьнгахьа вирзира со, хьаьж т1е даьлла хьацар д1а а доккхуш.

– Ву, со поэт ву... децца-хьуна! – тешшош элира цо.

– Ткьа, оцу вайн яздархойн Союзан декьашхо-м вац хьо, децца- хьуна? – Розас лазийначу пхьаьрсах куьг а хьокхуш, «поэте» хьаьжира со.

– Вац, х1инца а вац, амма вайша валанза висахь, дукха хан д1аялале, хила мегаш-м ву, дуй хьуна! – х1умма а шек воцуш, схьахьедира цо.

– Х1а, дика ду, ткьа тхьогга х1ун де боху ахь х1инца?

– Ас сайга, поэте, ладог1а боху-кх, децца-хьуна! – улло хилира иза.

– Ладог1а боху! Ой, ткьа хьо чувеачхьана хьогга ладег1ар бен, кхин х1ун деш ду тхо, ва кьонаха? Хьо ван мукьане а мйчара веа х1окху юккьехула?.. Ч1ог1а сиха ду-кх...

– Мичара вог1ур вара по-эт?!.. Пар-на-сера веана-кх, сан доттаг1а, Парнасера! – юкьахваьккхира цо со.

– Парнасера? И х1ун юрт ю? Я г1ала ю иза? Вайн республикехь суна-м хезна яц иштга меттиг.

– Ас-м дош куц доккхуш бохура иза... Ткьа Парнас, хьо дукха вахарг, иза Грецера лам бу, я, юха а дош куц доккхуш аьлча, поэтийн дуьне ду Парнас! – кхетийра цо со.

– Ой, ткьа хьо хьенан-мила ву, ткьа? Боккьала а поэт ву хьо? – цецьяьлла, б1аьргаш а кьарзийна, чувеанчуьнга а, соьга а хьобжуш 1ачу Розига а б1аьрг кхарстийра ас.

– Сой? Со а, дош куц доккхуш аьлча, Аполлонан йишин к1ант лара мегар ду-кх хьуна, ас айса иза сайн ненаваша лору дела, децца-хьуна! Хьа-хьа-хьа!..

– шега охьахаа аларе ца хьобжуш, вахана г1анта т1е охьахиьна, гоьл т1е ког баьккхира цо.

– Ой, кешшиг г1о хьо г1уллакх, дела! Ткьа тхьогга х1ун де боху ахь, ва Аполлонан йишин во1, хьуний, дайна, децца-хьуна:

– И бохург х1ун ду? Х1ара литературно-драматически редакци яц-ткьа? – лахара балда а совсийна, чухула д1асахьаьжира иза. – Я со г1алат ваьлла? – суна т1е буь1ира цо шен ира ши .б1аьрг,

– Ю дер-кх! Т1аккха, ткьа? — кьера хилира со.

– Ой, т1аккха шуна а ца ешна, кхин хьанна йьбшур ю ас сайн стихотворни произведенеш?

– Ах1а, ткьа х1инца леррина тхуна уьш еша веана хьо? – Розига а хьаьжна, б1аьрг талийра ас.

– Веана. Х1инца цкьа шуна еша воллу со уьш, ткьа цул т1аьхьа ас уьш редакце а...

– Собардехьа, цулла а, уьш... и хьан стихотворни произведенеш тхьоггахь а йитий, д1аг1охьа. Оха тхашь еша а ешна, цхьа к1ира даьлча хьо вуха ваг1ахь... – йистхилира Роза. Амма иза аьттехьа а ца дитира «поэта»:

– Х1ан-х1а, иза дан тарлур дац. Х1орш цкьа ас айса еша лаьа суна. Кхеран маь1нин к1оргалла, кхеран поэтически дарж... кхеран чулацаман гуш йоцу шовкь...

– Муха?.. Муха элира ахьа-а? Чулацаман... х1ун ю бохура ахь иза-а? – ца кхийтира со.

– Чула-ца-ман гуш йоцу шовкь!.. Х1ан-х1а, шу цунах кхетар дац. Поэзин

дуьненна шен дагца чувовлла ца лаш, шен сица, шен деглаца... а-а-а, шен... а-а-а...

– Коьртаца ала глертий хьо? – цуьнга хьаьжира со.

– Хлай-хлай, коьр-та-ца!.. Ой, хьуна а евзаш хилла-кх поэзин дуьненан исбаьхьа кьайленаш?.

– Хлаь, иштга цхьа бахьана... цхьа кега-мерса хлуманаш хааделла ду тхо а...

– Хлума дац!.. Хуур ду, хлинца а кьона ду. Шен хан тле ма кхаьччи, хуур ду, кхетар ду... – волавелира «Аполлонан йишин во!».

– Сабардехьа, накьост, ахь бехк а ма билла, вуьцта хлинца тхан хан яцар-кх... хьайн глудлакх ахь доцта дийцича...

– Хлан-хла! Поэте ладогла хан шун гуттар а хила еза! Тхо, поэташ – Александр Сергеевич Пушкин а, Джорж Гордон Ноэль Байрон а, со а, тхуна тлаьхьа боглурш а...

– Сан десара, Роза, хлара стаг лартлехь вац моьттуш ма ву со! Катоьхна кхуьнга и шен глурт охьа а бешийтина, дла ца вахийтахь, кочара вер вац хлара. Со ца вахана ван а кхуьур вац, – лере а таьлна Розига вистхилира со.

– Хлара волавелчхьана а и моьттуш лаш-м со а ю хьуна. Длаеша алахь кхуьнга уьш, и кьамел дукха дах а ца деш, – муьшка йира суна Розас.

– Дика ду, накьост Аполлонан йишин клант, хлинца цкъа оцу поэзин теори а йитий, оцу хьан практике хьажий вай? Оха магнитофона тле длаязйо хьан уьш.

– Ой, и ма члогла куц доккхуш хаза элира ахь!.. Соьга сайн стихаш длаеша боху-кх ахь?

– Хлаь, ешал ахь, тхо ладуглуш ду хьуна.

– Дика ду... Члогла дика ду. Хлорш сан масех циккалю. Ас йоьшурю шуна цкъа хьалха вайн Кавказан исбаьхьчу лаламан хьокьехь йолчу циккал тлера масех стихотворни произведени. Кхим-кхим... а-а-а... И магнитопон дТайолаялийтал хлета, – корга тееира цо сан стоьл тлехь лаьтгачу «репортерана» тле. Ас магнитофонан члинг хьовзийра.

Хиьна лачуьра хьала а глаетина, шен пиджакан чухуларчу кисанара схьадаьккхина шалха тоьхна тиша тетрадь дласа а даржийна, аз тодеш юха а йовхарш а тоьхна, хьалхахьа куьг длатесира «поэта»:

Длаьхьажа длогарчу ломе!
Мел торго бу иза лам!
Цуьнга сайн безам сов баьлла
Ас лольлу сайн дешнийн лам!
Ас хьотту горгачу ломе,
Са детта йиш йоцуш сайн,
Ас хьотту цу ломе бляьста,
Ас хьотту цу ломе лай...

– Хлан? Муха хета шуна сан дешхьалхе? Ткъа рифма? Тергал йой аш рифма?
– Розига а, тлаккха соьга а хьаьжира иза, ша-шена реза хилла, вела а кьешаш.

– Хлаь, йо-те, дера йо. Катоххий длаеша ахь. Оха, члогла лерина тергалъеш, ладуглу, хьуна, – тешийра ас иза.

– Дика ду!.. Башха ду!.. Хлета, ладоглалаш, кхин дла а ас ломе дечу хаттаре:

Ва торго лам,
Хьо торго хлунда бу,
Клайн буьрка санна?

Хьо торга х1унда бац,
Эмкалан дума санна?

- Муха-а? Эмкалан?.. – цецвелира со.
- Эмкалан дума санна. Кхийтин хьо? – лакхара охьа соьга хьаьжира иза.
- Х1аъ, кхийти, д1аеша ахь.
- Ладог1ал ахь, — корта хьалаайбира цо:

– Ва горга лам,
Хьуна т1ехь 1оьхку
Кобллаш, 1аьмнаш,
Зезаташ, хьозарчий,
И акха хьакхарчий
Лнлхина йог1у сада1а,
Ва горга лам!
Ва бега лам!
Шок тоьхча, кхерало
И пхьагал, олхазар.
Ва бега лам,
Сан горга лам!

– Александр Пушкинан а к1езиг яц цуьнан «Евгений 1анегин» ц1е йолчу романа т1ехь 1алам дуйцуш йолу меттигаш. Амма цуьнан иза гайтаран шен хат1 ду, ткьа сан сайн хат1 ду, вайн 20-чу б1ешеран т1аьххьарчу муьран боларца цхьаьна а дог1уш.

Ладог1ал аш сан философски стихашка:

Хьалаг1атта!
Ма 1е!
Хьалаг1атта! –

куьг хьалхахьа а тосуш, мохь хьаькхира цо.

– Собарделахь, накьост! Х1ара микрофон ч1ог1а экаме х1ума ю тхан. Жимма и хьайн аз лахдан тарлур дацара-ге? Х1ара эькххь, аьлча а, х1ара йохахь, хийца кхин микрофон яц-кх тхан. Жимма меллашо... хьайн дикачу десар! – дийхира ас.

– Х1ан-х1а! Х1ара ас х1инца йоьшуш йолу стихотворни произведени иштта ч1ог1а ца ешча, адамиин дегнаш чу д1акхочур яц, – ч1аг1дира цо.

– Ткьа иштта мохь хьекхча... аьлча а, бехк ма биллалахь, иштта ахь ч1ог1а и ешча, оцу дегнаш чу д1акхочур ю аьлла хета хьуна хьайн и философски стихаш? – хаьттира Розас.

– Иза а дитий, цкьа ладог1а аш. Т1аккхий бен кхетар дац шу. Вуьцта, со ала воллучун дика тидам белаш. Йовхарш а тухуш, юха а мохь туьйхира «поэта»:

Хьалаг1атта!
Ма 1е!
Хьалаг1атта!
Д1алалла, д1алалла сту!
Космосе д1акхьчна Ойла!
Лууш ву Есаллехь талла!
Со хир вац!
Ма хьежа, хир вац,
Заманан кьу!

– Х1а? Кхетадой аш? Х1ай-х1ай, ас кхид1а а йоьшу шуна:

Д1ахъажа, ма 1е,
 Д1ахъажа!
 Дог1уш ду инзаре
 Дур!
 Кхетта вац, мичхъа
 Ду важа,
 Сан аьрха ойлане
 Хъажа!
 Сарахъ ц1а бог1ур бу
 Бажа,
 Ахъ бог1ахъ заманна
 Гур! –

Жимма соцунг1а а хилла:

– Кхепий шу, х1инца, х1ан? – резахилла вела а къежна, шен кисанара схъадаьккхинчу баьццарчу дарин доккхачу йовлакхна юккье шен мара бассийра «поэта». – Философски доккха маь1на ду оцу стихашца! Цхъаберш х1инца а ца кхета оцу стиханна ас юкъяяхийтинчу сан башхачу ойланийн к1оргаллех. Амма кхетар бу, дуьйцийла йоцууш, кхетар бу т1едог1учу 21-чу б1ешаран шозлаг1а ах чекхъялале. Кара а ца еш, локхур а ю цара сан поэтически произведенеш. Амма карор яц! Карор... яц!

– Х1аь, суна а хета карор яц аьлла, – т1етайра со.

– Х1ан? Хетий хъуна? Х1ета, хьо кхетта хъуна оцу стихийн философски к1оргаллин ойланах.

– Х1аь, дера кхетта, дукха ч1ог1а а кхеташ. Ткъа х1инца, а- а-а... бехк ма биллалахъ, велин хьо уьш?..

– Ахъ х1ун дуьйцу, сан доттаг1а?! Ахъ х1ун дуьйцу?! Вайша-м х1инца а юккье а ца ваьлла хъуна... А-а-а, х1инца ас боьшур бу шуна сайн безаман лирикана юккьарчу циккал т1ера масех мог1а. Ладог1алаш... Кхуьнан ц1е ю «Ва, Мадина!» Иза, вай долчохъ аьлча, сайн дагна дукхаезачу йоле болу, дешнашца бийцалур боцу, бовха, ц1ена, къегаш, лепаш, кхехкаш, богуш болу исбаьхъа безам, сайн поэтически шуьйрачу кийрахъ кхин лечкьо ницкъ а ца тоььна, язйина ю сан... Дика ладог1алаш. Кх-м, кх-м!..

– Ва, Мадина! – къурд бира Аполлонан гергарчу стага. –
 Х1ан-х1а, сан кийрара безам
 Хи тохарх байалур бац! – корта д1асаластийра цо. –
 Мазалла керчийна
 Ц1азам,
 Хьо йоцуш ваха
 Йиш яц!
 Мадина, Мадина!
 Лохъа
 Ахъа хъайн дог
 Соьга схъа!
 Т1аккха со г1ур вара майрра
 Мерза наб т1ееьча д1а.
 Мадина, цу ломан басахъ
 Зезагаш ахъ гулдо цкъа.
 Ахъ уьш бух дахарах цкъа а
 Ма кхера латорна къа!

Цу ломан басахь зезагаш дохуш
 Лела хьо, Мадина,
 Зезагаш ду мохо лестош,
 Бес-бесар зезагаш хьан.
 Ду уьш вайн ломахь схьакхуьуш,
 Уьш г1ерта юхаь хьо ган.
 Ма исбаьхьа хьобжу хьо
 Шайн готгачу цу корах схьа.
 Суьйранна чиркх го хьан корехь,
 Со вог1уш
 И байа д1а!
 Т1аккха вай довдур ду чехка,
 Хьан бабин 1одика еш...
 Сан кийрахь хьоб безам кхехка,
 Кхехкар ду вайн кертахь
 Яйш!

– Х1ан?! Юй и стихаш безамах юьззина? Х1ан? Ткъа х1инца... а-а-а... Х1инца
 ас йобшур ю сайн цхьана поэмин кийсаг. Цу т1ехь ас гойту вайнехан майралла,
 вайн къоман доьналла, бохамашна хьалха духа ца таь1аш, иза хьалха телар...
 Ладог1алаш шайна, – кисанара схьа даьккхичхьана, шен буьйнахь доллу
 баьццара дарин йовлакх шен хьаьж т1е хьаькхира цо:

Акхарой чухьаьвди,
 Шайн ма1аш ирьеш,
 Нал йог1у, егаеш
 Шен йоккха к1омсар.
 Дауда тур детта,
 Дукъарц ца кхоош,
 Эпсаро мохь туйхи
 «Я-Аллах1» — аьлла.
 Дауда топ кхоьсси,
 Нал т1ек1ел йоккхуш,
 Диг эцна чухьаьди
 И дукъарц тоха:.
 «Майралла, майралла,
 Маржа-я1!» — аьлла,
 Куй тобеш г1аьгтира
 Даудан доттаг1,
 Мостаг1ий х1аллакбеш,
 Даьндаргаш етта,
 Мусоста тур детташ
 Лаьхки уьш хьуьн чу...

– Гой шуна, мел турпалалла йоллу Даудехь а, Мусостехь а?! Язйиний цхьаммо
 а иштта дешнаш долу, иштта чулацам болу поэма? — хаьнт1е куьг х1оттийра
 цо. — Юьрган бахаман хьокъехь язйина а ю сан дийнна цхьа циккал стихаш.
 Ладог1ал шайна, — юха а мохь туххуш, еша волавелира иза:

Д1алалла! Д1алалла трактор!
 Нахарша иэт1аде латта!

Бух йохуш д1аяха жуккарш,
Ялта ахь дуур атта!

– Х1ан? Муха хета хьуна? 1актуальни яц? Я рифма яц? Х1ан? Хьо сайна везаваларна кхин цхьаь йоьшур ас хьуна, – т1евеана, сан белш т1е куьг туьйхира цо:

Мерза г!абакх ян лаахь
Яржае супп1ерфосфат!
Шурин чоме хьажа лаахь,
Кхоа ма е концентрат!
Мало ма е, трактор хахка,
Чан тасийта цу лаьтте!
Майданара бодур дахка,
Нана-лаьттан цу гатте!
Супп1ерфосфат ю хьан доттаг1,
Хьан доттаг1 ю концентрат.
Кхеллий таса ахьа доггах,
Т1аккха хир яц суррогат!

Шен доккхачу куьйгаца борз-морзахца санна сан белш а 1авьдина, жима юьстахвелира иза.

– Муха хета шуна тема? 1актуальни-м ю! Юй? Вайн заманахь хими ца хилча баппиш даалур дац боху-кх ас сайн стихашьешархошка. Нах 1амо ма беза. Ткьа ас, я со санна волчу поэта ца аьлла, хьан эр ду и кхеторан дош?! Ткьа х1инца йоьшур ю ас шуна сайн пьесин цхьа кийсаг. Вильям Шекспира а языйна хир ю цхьацца х1умнаш-м, вуьшта, цуьнан 1отеллел шуна х1ара оьшуш хетахь, ас кьоламах кхин п1елг д1атухур бац-кх хьуна. Ладог1алаш:

АХЪМАД (чу а вог1уш).

Хир ду, я хир дац,
Со хууш вац.
Амма зил суна хьалха бу...
Дехьа ваьр, я ца ваьр –
иза сан даг чохь кхехкаш ду.
Чувов1у Ахед.

– Мила? Ахед? Иштта ц1е хуьлу вайн? – хаьттира ас.

– Х1ай-х1ай, Ахед. Тхан юьртахь вара иштта ц1е йолуш цхьа молла, юьртан кьеда... Ладог1ал аш...

АХЕД. (ши куьг леккха хьалла а ойбуш). Ахьмад, доьху бехк цабиллар, амма хьоьга ала цхьа ши дош дара сан...

– Бехк ма биллалахь, накьост, вуьшта вайн магнитофона т1ера пленка чекхйолуш лаьтта, и хьайн пьеса т1аккхахула еша йитча х1ун дара техьа?..

– Х1ейт, дависа цуьнан дела! Ма ч1ог1а чувобллера-кх со кхунна! Х1ун дер, ткьа, г1уллакх иштта хилча?! Ткьа, вуха маца вола со? — шегара тетрадь ваьшта а тоьхна, кисана талийра цо.

– Оха хоуьйтур ду хьоьга, хьо вуха ван веза хан. Ткьа х1инца мукьа хила мегар ду хьуна. Ч1ог1а самукьа даьккхи ахь тхан. Баркалла хьуна! – куьг кховдийра ас, иза сихха чуьра ара вер вацара теша, аьлла хеташ.

– Ца оьшу баркалла! Поэтан декхар ду халкье вистхилар... Ткьа сайн адрес

дитий ас шуна? Со шайна хъашт ма хиллинехъ, хаам бер аш. Сан дийнна цхъа циккал иллеш а ду шуна дан...

– Х1аъ, дита ахъ. Х1аъ... Яздин ахъ адрес? Х1ай баркалла! – хъалаг1аьттира со.

– Ца оьшу баркалла! А-а-а... суна йог1у шай-кай, и гонорар боху х1ума а, оцу адресца д1адаийта мегар ду шуна. 1одика хуьлда! Со д1авоьду. Са ма гатде. Юха а гур ду вай. Ткъа гонорар йиц ма е! 1одика хуьлда! – не1арехъ вухавирзина, юха а шен куьг-баьхъа хъала а дахийтина, велакъежира «поэт».

– Оффай! Дала д1аэца хьо, дела! И х1ун дара, оцу стага вайгахъ даллийнарг! – елаелира Роза.

– Хаац, со-м и самах дацара бохучух х1инца а дика тешаш а вац, – сайн юьхъ т1ера хъацар д1адаьккхира ас.

– Х1унда боху ахъ? – хъалаг1аьттира Роза.

– Ой, дера вац и д1авахана кьонаха суна сийсара г1енаха гина дела. Г1енах со волчу ц1а а веана, изза г1урт ма боьттира цо суна... Изза вар-кх, изза баьццара шляпа, изза маьхьсеш!.. Иза-м тамашийна х1ума а дара!

– Ахъ тамаша стенна бо, х1ун ду вайн 20-чу б1ешарахъ адамаша тамаша бан дисина? Кхана 1уьйрре Марс, Юпитер я Венера планеташ т1ера адамаш, аьлча а, садолу х1уманаш Лаьтта т1е а йиссина, журналисташ цаьргара интервью оьцуш бу аьлча а цецъер яцара со-м, – елакъежира Роза.

— Дер иза а ма ду нийса. Инзаре баккхий хийцамаш ма хилла вайн 1илманан а, техникан а дуьненахъ... Вуьшта, оцу сан г1енахъ хилла и «поэт» кхуза вар!.. Хаац, со-м тамаша бина а ца волу.

– Иза-м тамашийна х1ума дера дацара! Тамашийна дер ду, кхо класс чехк а йоккхий, деший, хала делан балийца яздан 1емий, лаахъ а, ва ца лаахъ а, шашь поэташ ду, шаьн язйина стихаш, стихаш аьлча а и г1урташ, зорба а тоха, радиочухула а еша, царна т1ехъ иллеш а даха бохуш, вайна чуг1ерташ долу и адамаш х1окху вайн заманахъ х1инца а хилар. Х1инца кьера хиларна ца кхоьруш, дуй буур бар-кх ас, царех, оьрсашний дайна, оцу бала-поэтех 99 процентана дактиль амфибрахех къасто хуур дацара аьлла! Ткъа стихаш язъяран техника-м йийца а х1унда юьйцура!..

– Х1ай-х1ай, иштта волу поэт вара-кхий со вийца г1ертарг а... Делахъ х1ета, х1инца монтаж янний, еший бен ца оьшуш, передача вай д1аязйина девли. Ткъа со х1инца кхин хьем ца беш, катоьххана, ц1а а вахана и текст схъаян воллу, – хъала г1аьттира со. – «Кобртачо» хаттахъ, эцца киоске газеташ эца вахана, х1инцца схъавог1у эр ахъ, – Розига хъаьжира со.

– Делахъ х1ета, вай долчоьхъ хиллачу оцу Апполонан йишин к1анта к1елхъара ваьккхи-кх хьо. Сихха г1ой вола, – елакъежира Роза.

– К1елхъара ваккхар-м хаац, хьер ваккхаза-м вिति! Оффай! Далла бу хастам, иштта болу «поэташ» вайн кхуза х1ор дийнахъ бог1уш боцуш. Цара-м, дера, вара кхузара водучу хьолт1е воккхур! — чуьра араволавелира со.

Ткъа арахъ б1аьстенан хаза де лаьтгара. 1аламах даккхий- деш, вовшашка кхъаьнаш дохуш санна декара олхазарийн зевне аьзнаш. Цхъа тамашийна, исбаьхъа мукъам бека болабелира сан кийрахъ. Жимчоьхъ санна, вада, кхиссавала, бацалхула керча лаьара! Амма ц1ера сихха схъаян езаш йолу иередачин текст дага а еьна, болар сихдира ас...

Кагерманов Докка

Байинчу вайнехан чевнаш, я Иэсана тӀехь дисина мольнаш...

Таллархо Идиг

XIII бӀешо

«Яргаш ягош, цӀий Ӏенош
Чингисхан вогӀуш ву!» – аьлла,
Нохчий ййдакх дойшка хуьйшуш,
Герзех кадетта бевлла.
Таллархо майра Идиг
Цу тобанна хьалха ваьлла.
Зударий, бераш дӀадига
Меттиг лаха уьш бевлла.

Башлаьмнашна юккъехь
меттиг лосьхуш
Нах беа лелла.
ЦӀоькъан бен лар йочу бердашка
Вуно хала бевлла.
Эццахь и лам иккхича санна,
Токхам хахкаелла.
Кхойттанах итт къонах
Цигахь, токхамна бухахь велла.

Висина кхоь а лазийна,
Ницкъ эшна дӀа а болуш.
ТӀаккха кхин нах хилла
ШолгӀа баха «новкъа» бовлуш.
Цара а лехна маьрша меттиг
Хьала, охьа буьйлуш,
Эххар акха Ӏалам гина
Малхана шенна доьлуш.

Малхо ша башош Ӏеначу шовдан
Чахчарна аьттехь,
Олхазарш зевне декачу
Луьстачу хуььнан хотехь,
Цхьа акъари карийна
ХӀо-хӀаваь цӀеначу меттехь,
Мохо зезагаш техкочу
Цанийн шуьйрачу шортонехь.

«ТӀом бийр боцурш сихха дӀагӀо! –
Омра дина Идига,
Уьш хьабстина: – Ма кхера.
ТӀом кхочуьйтур бац оха цига...
Вежарий! Хала хир ду.

ЧӀагӀлолаш! Кхойкху со шуьга.
Цхьаь бен доцу некъан тача лардан
Цхьаберш сихло цига!»

Цу мӀаьргонехь говрашкахь
Монголаш кхиина чӀаж чу хӀитта.
Идигин наха пхерчий, тӀулгаш
Сихдина тӀедетта.
МостагӀий, цец-акъбуьйлуш,
Бердашна кӀел дӀалетта.
Говраша хамталла еш,
Архаш йолийна дӀаетта...

И тача чӀаьгӀна карийча,
МостагӀиша кхин некъ лехна.
ЧӀожа чохь говраш хохкхуш цара
Бердашка бӀаьрг тоьхна.
Ца карийна. Нохчашна тӀе
Ца кхачалуш йиш йоьхна.
«ХӀойт! Итон-Кхала!» – бохуш,
Цергаш хьекхош, къа а дехна...

Нохчийн жай, бажий лоллий,
Уьш гурахь дӀабоьлхуш хилла.
Аькка богӀий, юха а тӀом беш,
Тола лууш лелла.
Шийтта шарахь тӀом бина цара.
Уьш нохчел ца тоьлла.
ТӀаккха шайна хуьлу зен лосьруш,
Хьесапаш дан бевлла.

Таррийн макъарш буйна кьуйлуш,
 Хьукумате гулбелла.
 Тарраш, куйнаш юххе дохкуш,
 Баьччанаш дагабевлла:
 «И нохчий, Идиггар, вайга
 Тамца эша ца белла.
 Вайн эскарна зен ца хуьлуш
 Кхин некъ лохур вай, – аьлла. –

Шерашкахь вайна дуьхьал леташ,
 Уьш бу хинца геллуш,
 Хуьлуш ма ду тамехь цкъацкъа
 Майраллел хилла тулуш.
 Уьш бу боху хастор дезаш,
 Аларх атта лехалуш.
 Глой, хьовса хун дало,
 хаза дуьйцуш,
 Клон дош ца олуш.

Тегло царна. Уьш тешорхьама,
 Шайца герз а доцуш.
 Къаношка къамел делаш тагаш,
 Даг теге куьг а лоцуш.
 Ала: «Нохчий, шу майра ду
 Добналлин барам боцуш.
 Оха машар бийр бу шуьца,
 Куьйгаца куьг а лоцуш.

Вай ледна зударий, бераш,
 Барт бахь, дахьоцур ду, ала.
 Добзалшна сагатлуш дайшкахь бу
 Тамал боккха бала.
 Хаалаш, шайн хабар,
 Кледачу лаьнарца кхала.
 Цара чиркье аьлла дош дита,
 «Тхо хьеший ду, ала».

Уьш бахара. Нохчашка элира:
 «Вай дуккха а летта.
 Я шуна а, я тхуна а
 Толаман малх ца кхетта.
 Таккха оьшуш дуй-техьа вай
 Вовшийн хлу дайъа герта?!
 Охьадвлий, добзалшца
 Дланисло шайна ма-хетта.

Тхан эскар нуьцкъала ду,
 Хетте шух лайш ца далора.
 Шун добналлех хьобгуш оха
 Тхайлахь шун сий дора,
 Шун цьха халкъ доцург
 Массо къам ду тхуна хьалха гора.

Шун мах оха, доттагийн санна,
 Хьобгуш, хадабора».

Тешар, ца тешар хьешашца
 Идига члогла кьуйсу.
 Уьш нохчашка, гонаха,
 Мекарчу бляргашца хьуйсу.
 Халкъо ла а доьглуш,
 Машар хиларе са а туйсу,
 Ойланаш, гайганаш
 Дазделлачу кортошкахь луйсу.

Хьешаша юх-юха а дуьйцу,
 Тлаьхь-тлаьхьа тлех мерза:
 «Машар бо оха шуьца.
 Тхуна а клордийна хинца,
 Кула а даьлла герзах.
 Цундела лаьа тхуна шу
 Тхайн дехарна тедерза».

Идига-м ву тевеьрзур а воцуш,
 Ондда дуьхьал ваьлла
 Нах совцо хьаьжира иза
 «Ма глойша кара, – аьлла, –
 Уьш-м зуламхой бай
 Дуьне даккха арабевлла.
 Хара хун ду-техьа, дан?
 Шу ма члогла лехаделла!

Дош а, дуй а – сийлахь, къилахь
 Хумма а ма дац церан.
 Хийла биина хир бу цара
 И дуйнаш а къера.
 Зударий, бераш схьалур ду, тов,
 Кхийта вайн кхане.

Хаьий вайна, цара уьш, кхобуш
 Баьхний а кху хене?
 Церан хабарш тера ду-кха
 Декхалур доцчу гленех.
 Уьш самукьадолуш хьуйсу
 Шаьш вайна дечу зене...»

Идиге хьобжуш Исмаьил,
 Аслахан вухаваьлла:
 «Тешам буй-техьа,
 мостаг лех тешна,
 Герз охьадилла?
 Халкъана луург ца дича, вайша
 Лорур ву тилла.
 Вукху аглор, аьлларг ца дарна,
 Идиг ву бехк билла».

Исмайл, Аслахан бертахъ
Идиган аглор сецна.
Важаберш тебаха барт хилла,
Шайн лаамо лецна.
Уьш, моглара а хлуьттуш,
Новкъа бевлла болар эцна.
Тлаьхарниг вьссича,
Мостагаша эскар тлехецна.

Чложахъ, зударий, бераш цхъаьна,
Уьш хедо болийна.
Хедочу нохчийн цлена ций
Органан хих длаийна.
Зударий, мехкарий лобхкуш,
Йийсаре а берзийна.
Белхарший, маьхарший
Органан члаж ладийна.

Идиг, куйга корга лаьцна,
Лам тле охъалахвелла.
Цуьнан юьхъа тлехъ бляьрхиш
Накъосташна хааделла.
Идигах къахетта уьш
Цунна гонаха а бевлла:
«Идиг, хорам ма бе ахъ,
Ахъ тидинарг декхаделла.

Байттамал-ял, ца хиира
Хъан шеконан маьлна.
Ца кхиира ойла ян а,
Глайгланаш дукха лаьлна.
Баланаш ловш кхачорна,
Собар а ца тоьзна.
Яханчу хенан изс
Глайгланца дегнашчу ца хоьзна.

Хлаллакъхили, гелло ца ловш,
Маршо еза а елла,
Набарш ян тем боцуш,
Буьйсанаш дуккха а яхъелла.
Чекхдели мостагачун ямартло
Вайн майраллел тоьлла.
Идиг, ахъ сатоха.
Хьо тхуна хьалха бехказваьлла.

Кху дийнах кхоьруш, хьо вара
Халкъана орцахваьлла.
Хьо тламах ведда вац, Идиг,
Ахъ дина а дац хилла.
Ахъ динарг, хъан ницкъ
ца кхаьчнарг а
Гуш хир ду вайн Далла.

Ахъ тлом бина, хьо чолакх ву,
Хьо хеназа къанвелла.

Вайн эгначийн глзоташ къобалдар
Ахъ Деле деха.
Лаьмнашкахъ керла дахар дендан
Нийса некъ тхуна хьеха.
Хиллачун масал диц ца луш,
Тхо девр ду халонна дехъа.
Хъан лар йовр яц хьуна, Идиг,
Вайн башлаьмнашна тлехъа!..»

Идиг лаьттан бляьра воглавелла
Ладобгуш лийра.
Накъосташа мел олу дош а
Цо хьекъалца зийра.
Хинца глоттуш, цаьрга хьожуш,
Кледа къамел долиьра:
«Шун ойла цлена ю.
Цхъанцхъа дош а дац суна хийра.

Дала мукълахъ, аш циндийр ду,
Хаздийр ду лаьмнийн дахар.
Сан оьмар-м шун йисте кхаьчна,
Сан зама яха лахар.
Тера хили иза, цла доцуш,
Зайл буллуш, нел члагларх.
«Тиллар бен хлума доцуш,
Къен ваьхнера» – эр ду наха.

Бакъ ду. Ас сайн доцург,
Хъарам дерг ца дерзийра дола.
Къехошна, я хьоладайшна а
Ас дина дац къола.
Сайн ижун декъа гийланиг кхайкха
Хила вац дог мола...
Хинца халкъах ца къаьстира со
Сайн ложаллех вала...

Ца лаьара оьздангалла
Мостагашка хишъяйта,
Цара кхаьрдаш цхьалхаваьккхина суо
Берашна гайта.
Лаьара суо винчу лаьттахъ,
Газот доккхуш, вейта.
Сайн даьлахкаш мукъане а
Даймахкаш, лаьмнех эйта...»

«Идиг, тхуна вевза хьо,
Цундела диси тхо хьоьца.
Тхуна доккха нилмат ду
Тахана хьо хилар тхьоьца.

Хъан хъанал вахар даим хир ду
 Хъекъал, масал эца,
 Т1аьхъенна дуьсур ду
 Хилларг, лелларг иллешкахъ дийца».

Б1аьстенан зезагаш хазлучу хенахъ,
 Хотешкахъ къоркхокхий декачу дийнахъ,
 Кхокхашна куьйранаш ц1ийзачу хенахъ,
 Шен хьоме ши пхъаьрча шена уллехъ ва ловзуш,
 Лам т1е ваха велира, тов, Боккаран Цухша.
 Ламанан и чхораш куьйга бух ва йохуш,
 Ламанан и тархош когашца ва керчош,
 Челакхчу шен реманна юткъа шок ва етташ,
 Шен шайт1а гезаршна докхан г1ане ва кхуьссуш,
 Вахана кхечира, тов, Боккаран и Цухша
 Ламанан дукъ т1ерачу цу бецан агана.

Метта-мтт ва лаьчна, шайн жаш дажош.
 Карийра, тов, Боккаран Цухшина гуьржий.
 «Дай белла дисича санна, шу ма парг1ат лела
 Кху нохчийн лаьмнашкахъ?» – ва аьлла,
 Ша девне велира, тов, Боккаран Цухша.
 Уьш дукха хиларна, ша цхъаь бен вацарна
 Гуьржаша вийра, тов, Боккаран и Цухша.
 Уг1уш ц1а дирзира, тов, Цухшин ши пхъаьрча,
 Уг1уш ч1инжархиира, тов, шайн ц1ийнан сонехъ.
 Т1аккха лен велира, тов, Боккаран и 1ума
 Ша виначу шен нене:

«Цухша лам т1ехъ витина, ши пхъаьрча деана,
 Мацделла деаний-техъа? Доькъа доьша доттахъа...»
 Уг1учуьра ца соцуш ши пхъаьрча дисира, тов.
 Юха а лен велира, тов, Боккаран и 1ума:
 «Илах1и я Робби, со вина сан нана,
 Лаа дац хетий Цухшин ши пхъаьрча уг1ар.
 Хилларг х1ун ду хъажа ахъ пурба лохъа...»

Цухшин ши пхъаьрча хьалха ва уьдуш,
 Вахана кхечира, тов, Боккаран и 1ума
 Ламанан дукъа т1е, цу бецан агана.
 Вийна 1уьллуш карийра, тов, шен ваша Цухша.
 Дарделла лом санна, ша девне ва ваьлла,
 Вешин ч1ир ийцира, тов, Боккаран 1умас.
 Вешин докъаца, цуьнан дохнаца
 Ша ц1ехъа вирзира, тов, Боккаран и 1ума...

Вайн дайша мохк ларбеш,
 Мостаг 1ий хийла бухатоьхна,
 Церан хьюьнарш хестош,
 Илланчаша иллеш а даьхна.
 Нохчийн махкахь, нохчийн маттахь
 Къонахий яхь а баьхна,
 Шайн, шайн говрех
 1ожаллаш хьерчарх
 Йоьхьах а ца боьхна.

Бийца дай боцуш,
 нохчийн мотт боцуш,
 Тхо хир дац хьарам.
 Оха лохур бу эгначийн
 Тайпанийн к1орга орам.
 Дешна ло санна, бойтур бац
 Церан дайн хилла ларам.
 Лардийр ду дин, иман, ислам,
 Эхь-бехкан оьзда барам...

Х1у ца довш тхо дисира, Идиг,
 Дайнарг бийца, даха.
 Хьан беркат ду и. Диц ца деш,
 Хьан сий дийр ду вайнаха...
 Гоганаш юха а йолор ю вай
 Лаьмнашкахь аха.
 Цундела, Идиг, ахь сингаттам хьайна
 Сов ма баха.

Х1ара дуьне-м массарна
 Цхьатерра хилла дац тайна.
 Тайначун, телхинчун б1аьргашкахь
 Цхьабосса а дайна.
 Идиг, хьайн оьмарехь баланаш
 Ахь дукха а лайна.
 Хьан цхьалла верасаллехь
 Оха т1елоцур ю тхайна.

Дуьне-м къуьйсуш дуьсу,
 Кадетташ карара а дуьйлу.
 Дуьсучу дайша доьзалшка
 Шайн весеташа кхуьйлу.
 Доьзалша дайх дисина даьхни
 Шайн т1аьхьенна къуьйлу.
 Шайн рог1ехь уьш,
 т1аьххьарчу дийнахь,
 Дохко а буьйлу...

Вай царах дац. Хир дац.
 Вай 1ехо яц дуьнен чохь хазна.
 Халкъан дахар д1анисдийр ду
 Делан динах доьзна.
 Мисхал дерг а хуьлуьйтур дац
 Харцонехьа оьзна.
 Барт хир бу. Дегнаш хир ду
 Вовшийн марзонах доьзна.

Идиг, вайн халкъ цкъеллигцкъа а
 Кхин лур дац хьуна декъа.
 Халонашна вай х1уьттур дац
 Делха я текъа.
 Вай даьхни дийр ду деба,
 Ялташ, бошмаш йийр ю хьекъа.
 Шардийр ду, нисдийр ду
 Т1улг огуш дайша даьхна некъаш.

И некъаш хир ду вайн хьешашна,
 Доттаг1ашна маьрша.
 Лаьмнашкахь царна хир ю
 Муьлхха а х1усам комаьрша.
 Дохийна дахар, Дала мукълахь,
 Х1оттор ду шен хорша.
 Чингисхан т1ег1ортахь,
 Вай цунна йоуьйтур ю хорша.

Кегийрхой вай буьтур бац
 Мехкан латта эрна хьеша.
 Хьюьнаршна уьш 1амор бу,
 Т1еберзор бу 1илма деша.
 Вайн йиш яц мохк ирсе барехь
 Кхечу халкъел эша.
 И ният ду вайн. И кхочушдан
 Дала г1о дийр ду. Вай теша...

Адам Ахматукаев**Пусть стоит это древо!**

Опустите топор и оставьте в покое –
 Несмотря ни на что, еще живо оно!
 Не спешите рубить
 это древо под корень,
 Дайте век достоять
 за печальным окном!

В недрах гор свои
 старые корни питаю,
 В дни, когда грабежу
 подвергался мой край,
 Довелось пережить
 ему истинный тартар
 В одиночестве горьком
 под вражеский град.

Вот старик, разлученный
 когда-то с горами,
 Опираясь на посох, шагает вдали.
 Рядом с ним его выживший сын –
 он врагами
 Изгнан был еще в детстве
 с родимой земли...

Сколько б лет ни прошло,
 коль не высохли корни,
 Возрождается жизнь –
 продолжается род.
 Пусть стоит, словно стела!
 Оставьте в покое...
 Это древо напомнит истории ход...

Дорога оборвется

Сгорев под солнцем,
 день спешит к закату,
 А гор вершины –
 цвета яблок красных.
 Несут со схода люди, как награду,
 Тепло сердец домой
 от встреч прекрасных.

А мы пойдем,
 верны привычке детства,
 В дом одного из нас
 продолжить вечер.
 Поужинаем вместе, двери сердца
 Раскрыты настежь
 для друзей навечно.

...А завтра, став причиной
 общей боли,
 Одна дорога к сходу оборвется.
 О том, что нет кого-то с нами боле,
 Мир известит восходом
 грустным солнце...

Готовится уйти...

«Готовится уйти» – глухие возгласы,
 Когда душа меж небом и землей.
 ...Всевышний выбирает не по возрасту –
 И мог на этом месте быть любой.

И знаем, что напрасны обсуждения,
 Пустые разговоры ни к чему.
 Настанет срок: все взлеты и падения
 Забвенье смоем в вековую тьму.

«Готовится уйти» – слова обманные,
 И вряд ли он сейчас готов уйти.
 В мгновение смерти
 перечеркнула планы, и
 Верней сказать: «Готовят унести»...

Лабиринты

Забуть ли времена – лихие годы,
 Когда менялась власть
 в стране не раз,

Когда тревогу били патриоты,
Но безответным оставался глас.

Когда боялись честные бесчестных,
Невыносима становилась жизнь,
Забыв про узы кровные, у бездны
Отцы Добру служили, дети – Лжи.

Когда из лабиринтов этих выход
Искал я верный, жаждал одного:
Чтоб воскресил родителей
Всевышний –
Посоветаться с ними раз всего!

Оглянись...

Ягоды с полей отчизны слаще,
На чужбине цвет лишь их красив.
Так зачем влачишь
ты дни в бесславье?
Суд старейшин к родине ревнив.

Признавайся, разве это дело,
Что тебя считают беглецом?
Жизнь твоя промчится оголтело
В суете-погоне за рублем!

Оглянись туда, где хлеба вдоволь,
В край родной дороге нет преград!
Хорошо везде, но лучше – дома,
Возвращайся, ждем тебя назад!

В горах

Вечер надвигается на горы,
Словно зверь, крадется следом мрак.
...Этой ночью здесь я тайным гостем
Делаю в Безвестность первый шаг.

Ночь – хозяйка,
словно в небе коршун,
В хуторе с остывшим очагом.
С ней воюю за родные корни,
Отбиваю каждый двор и дом:

Никому ненужное наследство,
Прошлых дней скупые миражи.
Хороши в борьбе любые средства –
Возродить хочу былую жизнь.

И тружусь я до изнеможенья,
Безысходность душит, как удав,

Но огонь мой жадный, к сожаленью,
Растопить не может толщу льда.

В чреве очага, хоть тесновато,
Не сдается... вот и новый всплеск...
Через миг, в удушье, виновато,
Он, слабея, прекращает треск.

Как давно ушедшие в забвенье
Ветхие следы дорог отцов –
Точно так, в какое-то мгновенье,
Гаснет мой огонь, в конце концов.

Вслед за тем,
как отступивший приступ,
Ночь меня бросает одного.
Я заплачу глухо, зубы стиснув,
Признавая мрака торжество.

И за Тьмою, к помощи взывая,
Боль пущу, но, как души набат,
Возвратится, нервами взрываясь,
В горный уголок она назад.

Не изучают след...

Не изучают след,
когда он есть и виден,
Тем более тогда, когда не виден он.
И очевидцы лжи
(ох, как сюжет обыден),
Не веря в правый суд,
в себе задушат стон.

Имеющие власть –
носители неправды –
В несущих правды свет
готовы впрыснуть яд,
И, словно присудив великую награду,
Промчавшись в суете,
подачкой кинут взгляд.
И помощи не жди,
на просьбу грозно вето
Наложится тотчас
недрогнувшей рукой.
А если кто рискнет протестом им
ответить,
Меч палача блеснет
над буйной головой.

Не изучая след, когда он есть и виден,
Без поисков следа, когда не виден он,

Исчезло сколько душ
 безвременно, безвинно,
 В Забвение ушло
 под лживый пустозвон?!

Я гость незванный...

Я гость незванный
 в этом стольном граде,
 Здесь под ногами зыбкая основа,
 И лишний раз заговорить не рад я –
 Уверен, что лишусь свободы слова.

Спинной хребет пронзая
 острой болью
 И вынуждая преклонить колени,
 Терзает мир меня, загнав в неволю,
 Но все терплю я –
 обстоятельств пленник.

Из гордости чужие прегрешенья
 Взяв на себя,
 несу свой крест я с честью.
 А у суда, предавшего лишеньям,
 Уликой только то, что я – чеченец.

Кто дал право?..

Кто же тебе дал право
 Раньше отца брать слово?
 Имя свое ославив,
 Старшим перечишь снова!

Канут без песни сольной
 Речи мужчин в забвенье?
 Все! Замолчи! Довольно!
 Есть же предел терпенью!!!

Довольно...

Довольно вам рассказывать при ней
 О детях и о внуках с упоением!
 Весельем неуместным все сильней
 Ее вы подвергаете мученьям!

Как все, жила надеждами она,
 Познать мечтала
 радость материнства.
 Увы, была Всевышним лишена
 С ребенком
 не родившимся единства.

Зачем же заставляя ее страдать
 И не давать на миг забыться боли?
 Довольно! Хватит женщину терзать,
 Она и так обделена судьбою!!!

Садись и ты ко мне...

Садись и ты ко мне,
 Поедем в тишине,
 В арбе своей я предоставлю место.
 Но надо все терпеть,
 И приготовься петь
 Ту песнь, что заведу, со мною вместе!

Я вытерплю тогда,
 За все простив тебя,
 Но только забывать одно негоже –
 Повозка-то моя,
 Ее не продал я,
 Что толку, что в руках ты держишь
 вожжи?!

Перевод с чеченского Розы АГОЕВОЙ

Шаран Дашаев**Вендетта**

Рассказ

1

Со стороны все выглядело обычно: целыми днями эта женщина занималась извечными суетливыми женскими делами. Всегда в одной и той же старенькой, поношенной и нестиранной одежде, туго подпоясанная грязной бечевкой поверх ватной лоснящейся телогрейки, она выглядела на первый взгляд весьма деловитой и озабоченной нелегким трудом, выпавшим на ее одинокую долю. Каждое утро вместе с другими женщинами она выгоняла скот за околицу, следом выводила из сарая молодняк и, не обращая на неудовольствие соседей никакого внимания, привязывала его прямо к чужим воротам или изгородям – ей важно было за что-нибудь заматывать веревку, чаще даже не сворачивая в узел. Поэтому ее телята, над которыми главенствовала старая коза с обвислой длинной бородой, как правило, бродили, где попало, волоча и путаясь в веревках. Иной раз они забредали на чужие огороды, чем вызывали крайнее неудовольствие всей улицы.

Соседи, зная ее привычки, роптали между собой, но в прямой конфликт не вступали, понимая бессмысленность такого «предприятия», и всю свою злость возмещали на несчастной скотине любым предметом, попавшимся под руку, при этом заклиная: «Чтоб ты издох! Чтоб проку от тебя не было!»

Даже когда такие сцены происходили на ее глазах, она безропотно смотрела на происходящее, не говоря ни слова, или с тем же невозмутимым видом проходила мимо, будто дело касалось совсем не ее персоны.

Такое ее безразличие тем более оставляло загадку: зачем ей вообще нужна вся эта совсем нелегкая возня со скотиной? Никто ни разу не видел, чтобы она вынесла на рынок кусок сыра или банку молока. Правда, если бы она и решилась продать свой излишек, вряд ли бы нашелся покупатель: один ее вид не сулил ничего хорошего.

Чужой чужому горю не вмешает. Существует притча или быль: когда-то, в период Кавказской войны, в одном из чеченских сел жили старик со старухой. Их единственный сын находился на войне. Каждый раз, когда в село въезжала повозка с трупом, старики выходили на крыльцо и, когда она сворачивала к соседям, старик выговаривал:

– Это мы стерпим.

В один из дней «катафалк» свернул к калитке стариков.

– А это соседи стерпят, – заметил старик.

Так и к этой женщине соседи относились совершенно безразлично, посмеиваясь и склоняя на разные лады ее безобидные чудачества.

Наряду с разведением живности у бедняги этой было и другое малополезное хобби: несмотря на то, что в доме зимой и летом беспрерывно горел газ, она по нескольку раз в день отмеряла путь на окраину села и обратно, таская на собственной спине хворост из тутового сада. Освободившись от вязанки, она тщательнейшим образом бралась перебирать каждую щепочку и аккуратно складывать за домом, под перекосившимся старым навесом, который только каким-то чудом и держался на соседских подпорках. Кто знает, что заставляло ее по несколько раз на день совершать эти совершенно бесполезные рейсы? Дров под сараем давно накопилось на многие годы вперед, а она с таким же

упорством продолжала свое занятие. Может быть, ею двигала сила инерции, сохранившаяся со времен, когда печи на селе топились углем и дровами. А может, врожденная забота о тепле в домашнем очаге.

И на людях, и с собой наедине она, как заклинание, без конца рассказывала разные небывлицы о покойном сыне, волею судьбы рожденном от отца-кровника и ушедшем из жизни вслед за родителем в самом расцвете сил. Притом рассказывала с каким-то внутренним азартом: то он вот-вот должен вернуться с заработков из дальних стран, то он виделся ей воюющим, стоя по грудь в воде, хотя две войны на ее малой родине давно уже прошли. Еще и еще... какие только картины, правдоподобные и несуразные, не рисовало ее большое воображение, отчего сельчане скоро пришли к единому мнению: «У женщины с головой не все в порядке». И никому, естественно, не было никакого дела до «беспорядка» в ее голове, до ее душевных мук и страданий. Более того, женщины и не собирались скрывать пренебрежения и насмешек к этой бедняжке. «Глянь, во что она одета! Тряпье одно», – замечала одна. «Как думаешь, когда-нибудь она моет лицо и руки?» – вопрошала другая.

Так и умерла бедняжка – незаметно, тихо, никем не обласканная, не оплаканная, не ухоженная, в совершенном одиночестве. Хватились ее только через несколько дней, когда те же неугомонные женщины стали задавать друг дружке вопросы: «А что с Бикату? Что-то долго ее не видно». Труп бедняжки нашли на разбросанной постели в обычной телогрейке, все так же перетянутой на поясе грязным жгутом. Похоронили Бикату без лишних церемоний на сельском кладбище, рядом с мужем и сыном.

2

...Во дворе стояла крошечная тьма, о которой почему-то говорят: хоть глаз выколи. Керим и Каим только что покончили с обильным угощением заботливой Кульсум, меню которой обычно составлял горячий чурек из кукурузной муки, домашний сыр, а для Каима она специально разбавляла сыр со сметаной, в результате получался традиционный излюбленный чеченский туоберам¹. Где-то играла гармонь, изредка перекрываемая дробью барабана. В селе играли свадьбу.

Весть о том, что вечером намечается свадьба, быстро облетела все село, и теперь друзья ждали подходящего момента явиться на это веселье. Хотя, по всем признакам, ловзар уже был в разгаре, Керим, с его размеренным, всегда спокойным и сдержанным характером, явно тянул время, добродушно посмеиваясь и успокаивая своего нетерпеливого друга, который уже несколько раз соскакивал с места, подходил к окну, напоминая:

– Пока мы с тобой здесь сидим...

– Не спеши, – успокаивал его Керим, – успеем. Слышал, как говорили в таких случаях наши предки: «Посещая веселья, выбирай время достойных». Имелось в виду что?... Терпение.

На самом деле, когда друзья выбрались на улицу, оглушая ночную темноту, с другого конца села неслись уже не только музыка и дробь барабана, но и громкие людские голоса, вперемежку со стрельбой.

Стояла крошечная тьма. Луна и звезды, казалось, навсегда исчезли где-то за плотной сумрачной пеленой, предвещающая затяжную непогоду. Друзья, только что выбравшиеся из света от керосинки, долго не могли свыкнуться с мраком, брели, нащупывая дорогу, цепляясь за редкие колья плетеной изгороди. Каим, как младший, шел впереди, указывая дорогу. Нащупав под ногой яму или лужу, тут же предупреждал Керима:

– Смотри, осторожно...

Старики рассказывают, что во времена керосиновых коптилок и свеч, отсутствия радио, телевидения и прочих современных атрибутов времяпрепровождения, люди в основном тешились тем, что постоянно подшучивали друг над другом. Иногда эти шутки могли дойти до схваток на

кинжалах. Но, как правило, шутники отделялись легко, за них заступались, им все прощалось, а их проделки передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Словом, это была особо уважаемая каста.

К ней принадлежал и Идиг, человек без определенных занятий, но большой заводила и выдумщик. В селе не проходило ни одного мероприятия без его участия. Про него так и говорили: там, где соберутся два человека, третьим должен быть Идиг. Его с удовольствием принимали в молодежных компаниях, щедро угощали, а вернее, щедро спаивали. А там, где выпивка и угощение, всегда найдется несколько человек из числа прихлебателей.

План у Идига созрел мгновенно, когда он и его дружки проходили под окнами Керима, тоже направляясь на свадебное гулянье. Идигу стоило только мельком заглянуть в окно, где Керим и Каим ожидали своего часа выхода. Никто из его друзей и заметить не успел, откуда у него подмышкой оказался огромный парусиновый мешок.

Каим только что выпустил из рук последний кол, здесь начинался чей-то неогороженный, заброшенный большой участок, дальше, выбирая дорогу, предстояло рассчитывать только на свое острое зрение и крепкие ноги. Каим, шедший впереди, не успел сделать и двух шагов в открытом пространстве, когда за спиной послышалось чье-то прерывистое дыхание, сопровождаемое непонятной возней. Какое-то время Каим стоял в растерянности, с явным непониманием происходящего: несколько человек буквально облепили Керима со всех сторон, молча тиская и сажая легкие тумачи в бока. Правда, внутренний голос с самого начала подсказывал ему, что это чья-то шутка. (Мы уже отметили, что подобные развлечения в те времена среди молодежи были не редки). Каим, наконец, заметил, что на голову друга накинута мешок и несколько пар цепких рук крепко удерживают края мешковины, не давая Кериму высвободиться. Его самого это в какой-то мере позабавило, пока, наконец, не услышал голос друга:

– Довольно! Клянусь богом, пушу в ход кинжал, – насколько это было возможно в его положении, прохрипел он.

Но те по-мальчишески, с прежним рвением продолжали резвиться, не обращая на его предупреждение никакого внимания.

– Я не шучу! – еще раз напомнил Керим, одной рукой держась за рукоятку кинжала, второй продолжая попытку высвободиться из мешка.

В крошечной тьме слышались лишь учащенное дыхание да громкие крики со свадебного гулянья. Вдруг над головами сверкнул клинок стали. Только теперь Каим ясно осознал, что дело может закончиться плохо, и бросился выручать друга. И тут скорее почувствовал, чем ощутил боль – острие кинжала прошло по его руке чуть выше кисти.

Всей компании пришлось вернуться, сопровождая раненого товарища.

Прошло несколько дней. Все вроде бы смирились с тем, что произошла обыкновенная случайность, как и было на самом деле. И никто не мог предположить, что эта роковая случайность явится прологом вендетты на долгие, долгие годы.

3

Каим мучился долго. Началась гангрена. Первый раз ему отрезали руку у запястья, затем – у самого плеча. От полученной, казалось бы совсем пустячной раны Каим скончался. Кериму пришлось скрывать. Все, в том числе и престарелые родители Каима, полагали, что эта печальная история не получит своего продолжения, что вина с Керима будет снята и он станет свободным. Разумеется, больше всех на это рассчитывала и надеялась мать Керима – Кульсум. Такого же мнения были и сельчане. Гойсум и Нурбика, потерявшие сына, не держали зла на Керима и только ссылались на волю Всевышнего. Ведь не зря же они очень дорожили дружбой двух молодых людей, у которых и судьба была во многом схожа: оба у родителей единственные наследники,

родились в один и тот же год, постоянно были неразлучны. Родители Каима настолько привязались к Кериму, что стоило ему не показаться пару дней, как Гойсум, сокрушенно качая головой, начинал выговаривать:

– Почему тебя долго не было?..

А Нурбика ни разу не отпускала, не напомнив:

– А ты скоро вернешься?

Не иначе как своим вторым сыном называла Каима и Кульсум.

Теперь осиротевшим родителям оставалось ждать заключения перемирия. Но время опередило события: за двадцать четыре часа чеченцев поголовно выслали в Среднюю Азию.

4

Уже год Керим мытарствовал по чужим людям, по этим чужим местам, не имея крова над головой, избегая людных мест, стараясь, насколько это возможно, блюсти «этикет» кровника.

Одиночество, жажда общения, а главное всего – желание разузнать о судьбе матери, которую давно не видел, привели Керима в одну из зимних ночей в небольшое казахское село, в семью давнего знакомого.

Именно в эту ночь Кериму суждено было в первый раз ощутить безысходность своего положения, уверовать, что на нем еще сохраняется кровь, хотя вины его в случившемся практически нет, то была роковая случайность.

Хозяин и гость только что отведали рисовую кашу (деликатес для того времени) и предались мирной беседе при тусклом свете лампы-коптилки в виде небольшой стеклянной бутылочки, заправленной грязным керосином, с самодельным ватным фитилем. Неприятную и неожиданную весть принесла женщина-соседка.

– Зумсоевцам стало известно, что ты находишься здесь, – сообщила она. Помедлив, недвусмысленно добавила: – Похоже, что они к чему-то готовятся.

Хозяин и гость переглянулись. Какое-то время они молча, словно изучая, смотрели друг на друга, пока Халид не произнес наконец:

– На все воля Аллаха. Не думаю, что кто-то решится посягнуть на мой очаг. И потом – сам знаешь: языки у женщин длинные...

С улицы завывал ветер, похожий на вой одинокого волка, отбившегося от стаи. Крупными хлопьями валил снег. Волков на самом деле в эту зиму развелось много. Почти каждую ночь они стали появляться вблизи населенных пунктов, нападать на заблудший скот. Скорее всего, их гнал сюда лютый мороз и голод, постигший в этот год не только зверей, но и людей. Добрались волки и до подворья хозяина, где нынче остановился Керим. Чтобы как-то поддержать спецпереселенцев, накануне колхоз выделил им по одной козе на семью. Три головы в одной связке – под одной крышей с семьей Халида проживали еще две семьи. Две козы были белого цвета с черными метинами, одна – черная, без единого пятнышка. За неимением сарая, коз привязали на выходе у дверей, подстелив немного соломы. Утром от Черняшки недалеко от дома в небольшой лощине нашли только «рожки да ножки». Была ли это случайность или какой-то скрытый звериный инстинкт? Кто знает. Так или иначе, большая семья Халида лишилась рогатого кормильца.

– Я пойду. Видно, так предписано Всевышним, – Керим придвинул к себе выдавшую виды ватную телогрейку, которая служила ему и одеждой, и подушкой одновременно, машинально стал шарить вокруг себя рукой, пытаясь нащупать такую же изношенную шапку-ушанку.

Гость натянул по самые глаза шапку, придвинулся к краю деревянных нар, опустил босые ноги на глиняный пол. Несколько минут он сидел, оперев обе руки на колени и раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник часов, потом резко встал во весь свой высокий и пока еще крепкий рост. На какое-то время в тесной комнатке установилась гробовая тишина, лишь изредка нарушаемая

искрами то вспыхивающего, то начинающего угасать огня в железной печурке в углу. А во дворе по-прежнему мела пурга и завывал ветер.

– Никуда ты не пойдешь. Тем более в ночь. Утром решим, как быть, – первым нарушил молчание хозяин.

– Нет! – сказал, как отрезал, Керим. – Я знаю, что намерения твои чисты, а слова искренни. Иначе я не пришел бы в твой дом... Спасибо за все... Живи свободным...

Откуда-то с окраины села из глухой ночной тишины и мрака донесся протяжный и голодный волчий вой, заглушая отчетливый скрип человеческих шагов.

5

Много дорог исходил Керим по необъятным просторам Средней Азии, скрываясь от людей и властей. Из села в село, из города в город, пока, наконец, не обрел свой уголок. Мир велик, и хотя человек всего лишь песчинка в этом пространстве, он не может раствориться в нем бесследно. У всего живого в этом мире – у зверя, что прячется в норе, у птицы, что парит под облаками – есть свое пристанище, своя опора. Этой опорой для одинокого Керима стала... Бикату, отвергшая не одно сватовство, она твердо решила связать с ним свою судьбу.

– Ты с ума сошла. Выйти за кровника, у которого – ни кола, ни двора, – отговаривали ее ровесницы и родственники.

– Что из того? – парировала Бикату. – Это не значит, что человека надо бросать в беде. Насколько известно, в случившемся нет его вины. А раз так, то рано или поздно все образуется.

Бикату и сама твердо верила в невиновность этого человека, искренне хотела, чтобы поверили и другие.

Осенью, на четвертом году ссылки, в одном из маленьких казахских сел Керим с Бикату справили новоселье в такой же глиняной избушке, что и у местных аборигенов.

Во всем мире трудно было бы подыскать гнездышка более уютного и светлого, чем этот маленький домик. Так считали молодожены.

6

Таковыми же светлыми были надежды молодой четы, если не считать время от времени колючей болью возвращающийся вопрос: что будет завтра? «Вернемся домой, все образуется», – утешало сердце. Порой, когда Керим впадал в уныние, всегда настороженная Бикату тут же замечала перемену в настроении мужа и спешила успокоить:

– Не горюй, – говорила она, – людям не с таким приходилось сталкиваться. Обходилось. Перед Богом и людьми ты чист...

Керим и Бикату жили, что говорится, душа в душу. Иногда казалось, что их совсем не волнуют проблемы той бедной жизни. На людях всегда были веселы, внешне беззаботны. И только когда в народе пошли слухи о скором возвращении на родину, чуткая Бикату стала замечать в глазах мужа какую-то затаенную грусть. И все же они продолжали жить не отдаленным прошлым, а настоящим, радуясь жизни, каждому грядущему дню. Но все это было ничто по сравнению с той великой радостью, пришедшей в их маленький мирок ровно через год их совместной жизни: в молодой семье родился сын. Имя ему дали Докка – в честь святого шейха, которого почитали родители.

– Разве Докку можно с кем-то сравнить в этом мире? – как бы шутя восторгалась Бикату перед соседками. На самом деле, как и любая мать, она действительно так считала.

Керим, как подобает мужчине, был более сдержан, но каждый раз, когда при посторонних речь заходила о сыне, глаза его загорались особым лучистым

блеском, целиком обнажая скрытое душевное состояние: «Нет, не перевестись роду Керима!»

Даже когда сын подрос и стал самостоятельно бегать, Керим наотрез отказался определить его вначале в ясли, а потом и в детский садик.

– Женщина², о работе не думай. Колхоз и без тебя справится. Твое право – растить ребенка, – поучал он жену каждый раз, когда Бикату напоминала о работе.

– Не могу же я вечно находиться при нем. В садике он будет вместе с соседскими детьми. Что тут такого? – задавалась вопросом Бикату, хотя отлично понимала, что разговор этот бесполезный.

– Ничего, – возражал Керим, – Я один справлюсь. Как-нибудь смогу прокормить семью. У тебя достаточно дел и по дому.

Сын подрастал. Родители готовы были от себя оторвать последний кусок, лишь бы сын был сыт. А сын рос настоящим крепышом, подвижным, не по годам смекалистым. Кто-то называл его тихим, кто-то баловнем. Это при отце он мог казаться мальчиком тихим, ласковым, послушным (при отцах чеченских детей обычно учат вести себя сдержанно), зато при матери мог и пошалить. Почему бы и нет?

С годами привычки мальчика стали резко меняться: приобретать степенный нрав отца, мягкий покладистый характер матери.

Когда сын окончил школу, Керим с Бикату засобирались вернуться на родину. К тому времени село, где они проживали, наполовину опустело, многие переселенцы с окрестных сел тоже покинули места вынужденного проживания. Люди, тринадцать долгих лет ожидавшие этого момента, спешно покинули накопленный за годы изгнания скорб и ринулись на родину, не дожидаясь даже специальных разрешений властей.

Керим и Бикату с сыном возвратились домой уже после того, как многие земляки успели обжиться на новом месте, на исконной земле предков. Теперь им предстояло выбрать место, куда пристать. В родовое село Керима они не могли податься. Вдобавок, давно стало известно, что земельный участок, на котором когда-то стоял дом Абзаевых, занят какими-то родственниками Каима (старшим, Гойсуму, Нурбике и Кульсум, не суждено было вернуться на родину).

Именно этот злополучный кусочек земли и сыграл роковую роль в дальнейшей судьбе Керима и его семьи, хотя возвратиться туда никто и не собирался.

7

В селе, на котором они остановили свой выбор, проживали преставители разных тейпов. Кто-то после возвращения на родину не пожелал вернуться к суровому образу жизни в горах, кого-то власти принудили поселиться на равнинных местах. Но в основном были те, кто по различным причинам, как и семья Керима, имели какое-либо причастие к неоплаченной крови. Последние особенно крепко держались друг друга, всячески оберегали от беды, всем скопом бросаясь на выручку в случае какой-либо угрозы.

Через несколько дней после возвращения, не утруждая себя долгими размышлениями, Керим с Бикату выложили все свои сбережения для заключения долгожданного перемирия. Собрали много народу из знатных людей, представителей власти, подключили республиканскую комиссию по примирению. Первая попытка окончилась безрезультатно.

...Сегодня эта огромная толпа собралась во второй раз, чтобы просить за Керима, просить для него прощения. Летнее солнце палит нещадно. Кажется, вот-вот все живое и неживое превратится в расплавленное месиво. Если утром легкий, свежий ветерок с севера приносил хоть какую-то прохладу душе и телу, то теперь, к середине дня, на той большой поляне, что на окраине села, где тоже много народу, духота сковывает дыхание. Здесь в основном однетейповцы покойного Каима. Вот-вот должна подойти другая сторона...

Широкая асфальтированная дорога, словно из теснины, вырывается на

открытый простор, там, где заканчиваются дома и открывается большая поляна. Какой суд совершится нынче здесь: или люди со слезами на глазах обнимут друг друга в знак всепрощения или опять разойдутся с затаенной злобой в измученных душах?

Наконец показалась огромная толпа людей, заполнившая не только всю проезжую часть, но и обочины, сточные канавы по обе стороны. В середине почтенные старики, по бокам – молодые. Встречные женщины сторонятся, провожая толпу долгими пытливыми взглядами. Одни из них протирают кончиками платков слезы, другие, менее сердобольные, задаются вопросами:

– Что случилось?

– Идут молить за кровника.

– А кто такой?

– Керим, сын Арсби...

– Откуда родом?

– Говорят, из нашего села, из рода Абзаевых. Но в настоящее время проживает далеко.

– А когда это случилось?

– Еще до нашего выселения.

Отсюда, чуть в стороне от села, с большой площади, оставшейся еще не застроенной, хорошо просматривается небольшая извилина асфальтовой ленты и следующий за ней перекресток, где берет начало дорога до соседнего населенного пункта. Там, на перекрестке, должны вот-вот появиться люди – дальние и близкие родственники кровника, да и просто односельчане, жаждущие перемирия сторон.

Наконец, площадь наполняется звонкими голосами юных глашатаев – детей, вечно путающихся под ногами у взрослых на подобных собраниях.

– Идут! Вон идут! – голоса детей уже подхватывают взрослые.

У площади огромная вереница людей сворачивает с главной дороги и направляется к другой толпе, расположившейся полукругом на просторной поляне, как бы оставляя проход прибывшим. Воцаряется внезапная тишина. Из подошедшей толпы в центр круга выходит высокий, худощавый, с бледным лицом и аккуратной подстриженной бородой и подправленными усами человек средних лет. Вся его внешность выдает в нем ученого алима. Издалека, с древних вайнахских традиций и обычаев начинает он свой разговор, приводит множество примеров доблести, стойкости и достоинства вайнахского этноса. Ничто не нарушает тишину. Не слышно ни взмаха крыльев птиц в синеве неба, ни шелеста листьев на деревьях и кустарниках. Кругом все замерло. Мулла закончил свою вопрошающую речь, поник головой в ожидании ответа.

– Не будет прощения! – хриплый голос откуда-то из задних рядов словно разбудил встревоженный улей. Толпа загудела. Даже те, кому услужливо были предоставлены стулья и скамейки, повскакивали с мест, над головами взметнулись костыли.

...Выходили в круг еще и еще люди. В основном – глубоководные старцы. Они свидетельствовали миру о том, что человек, представленный нынче на их суд, за все годы ни словом, ни единым поступком не нарушил каноны адата, ни разу не перешагнул нормы приличия в отношении тех, кому сегодня предстоит вынести ему свой приговор.

– Во имя Аллаха и его Пророка, – молят люди.

– Прощения не будет!..

Плачут мужчины. Прячут лица свои старики в глубокой печали, потупив взоры. Они тоже не могут сдержать слез.

– Побойся Бога! Кто знает, что Им для тебя уготовано. Что ответишь Ему в Судный день?

– Прощения не будет...

Не мать с отцом, не брат с сестрой покойного вершат сегодня суд над Керимом, но какой-то дальний родственник, однотейповец. Что делать, если на сегодня не осталось у покойного более близкого родственника, раскидало,

разбросало по чужбине могильными холмиками. Сегодня второй раз расходятся люди непринятными, неуслышанными, возмущенными. Вот выступил вперед почтенный старец из числа пришедших просить за Керима. Он высоко вскидывает голову и во всеуслышание объявляет:

– Виновный Керим отдает себя в твои руки. Но если кто посмеет посягнуть на его сына, тогда между нами ляжет еще одна кровь!

8

Израсходовав все свои средства, Керим с Бикату устроились на работу и занялись привычным трудом, не теряя при этом надежду на решение главной своей семейной проблемы. А время шло своим чередом, отмеряя дни, месяцы, годы. Керим, казалось, давно уже свыкся с судьбой. Однако молодость быстротечна и силы человека начинают постепенно иссякать. Благосклонное руководство завода переводит его на более легкую работу – сторожем, сохранив за ним прежнюю заработную плату и прочие надбавки. Бикату оказалась покрепче: она по-прежнему продолжала трудиться в цеху. Не оставили без внимания сельчане и повзрослевшего Докку – устроили водителем на заводе. А чтобы он постоянно находился на виду у людей, определили на автобус для перевозки рабочих.

В родовое село Керим наведывался очень редко – в крайних случаях, да и то в ночное время суток. Встречался только с узким кругом лиц. Как бы там ни было, он не терял нормы приличия, старался не попадаться на глаза родственникам покойного, а в знак отказа от всех земных благ даже перестал подправлять усы и бороду. Поэтому в селе его так и прозвали: Керим Борода.

Год за годом силы медленно и нещадно покидали старика. Грядущие дни уже не приносили ему ни радости, ни умиротворения. Он знал, что после него кровь останется на его сыне.

Несмотря на то, что руководство завода постоянно заботилось об обеспечении своих рабочих углем и дровами на зиму, Керим неожиданно для всех пристрастился... возить валежник из соседнего леса. Каждое утро, после ночной, он запрягал ослика в двухколесную маленькую тележку и отправлялся в лес. Одни недоумевали, другие скоро решили, что у старика не все «в порядке с головой», третьи посчитали, что он, как и любой человек на склоне лет, ищет покоя и уединения, но редко кто догадывался об истинных причинах нового «увлечения» старика. Бикату, недовольная такой переменной в поведении мужа, не упускала случая напомнить:

– Нужно тебе так надрываться? – спрашивала она. – Зачем нам столько дров? Вон весь двор завалил. У нас еще позапрошлогонние запасы не иссякли...

Бикату хоть и не говорила никогда об этом в открытую, но точно знала истинную причину такого поведения мужа. Он спешил навстречу своей смерти. И получить ее хотелось от рук кровников. Лесная глушь была для этого самым подходящим местом.

Редко человек сознательно отдает себя в руки смерти. Но это все-таки легче, чем похоронить близкого человека.

Смерть Керима пришла внезапно, и не оттуда, откуда он ее желал. Последними его словами были:

– Береги сына. Беги, куда хочешь, но сына береги...

9

Время старшего теперь легло на плечи сына. Чуть свет приходилось вставать и ехать за рабочими. На завод, рассчитанный на поставку сырья из трех районов, доставляли людей с разных сел. Поэтому автобусы направлялись по нескольким маршрутам. Правда, работа водителей автобусов не требовала особой физической нагрузки. Однако вставать по утрам приходилось раньше всех, а возвращаться в последнюю очередь. Время на отдых и на домашние дела, в силу такого графика, приходилось на середину дня.

И в зрелые годы за Доккой сохранился тот же отзыв из детства, но несколько в другой интерпретации. Теперь о нем говорили: «Шустрый парень». Бикату тоже, несмотря на преклонные годы, на производстве и дома трудилась не покладая рук, преодолевая всякую усталость. Так и жила эта маленькая семья скромно, но без особой нужды. Много ли надо на два человека?

... А там, в их родовом, предгорном селении на небольшом участке их предков жила другая семья. Семья когда-то проклятого людьми Хажбека, взявшего тогда на себя роль судьи. Это его голос трижды прозвучал из толпы: «Не будет прощения! Не будет!»

Хажбек слыл человеком скаредным. Некоторые посвященные соседи утверждали, что у него в подушках и матрацах, на которых он спит, упрятаны золотые монеты. (В те времена торговля золотом была в запрете). Это могло соответствовать истине: в затруднительных случаях люди иногда обращались к нему. И он не отказывал. Только «ссуды» выдавал под большие проценты, за что вместо благодарности, как правило, получал в придачу людские проклятия. Тоже с процентами. Даже в запретные времена он каким-то образом умудрялся держать верховую лошадь. Лошади были его слабостью. Поговаривали также, что он свои торговые дела лошадьми и золотом вел в соседней Ингушетии. Словом, слыл он человеком состоятельным. Хотя душа его давно уже вознеслась к небесам, и поныне ходит молва о том, как он, бывало, проводив на рынок жену с мешком кукурузной муки, верхом ехал за ней и здесь, на рынке, устраивал торги, словно видит эту женщину впервые. Пробовал муку на вкус и на весь базар объявлял:

– Вкуснее этой муки не пробовал! Женщина, я скоро вернусь. Беру оптом!..

На торговку тут же налетали другие женщины, каждая просила продать ей хотя бы одну миску. Мука быстро расходилась. Правда, несчастная, истощенная Бекисат не имела права потратить с вырученной суммы на себя или на детей ни единую копейку. В постоянной беготне по соседям за спичками, солью, кусочком мыла, а то еще за чем-то, она и сама часто признавалась:

– Этот человек запрещает мне покупать то, что можно выпросить у соседей.

Хажбек и до нее был женат, и после. Однако только одна Бекисат оказалась терпеливой, способной до конца хранить свой супружеский долг с этим человеком, родить ему кучу детей. Другие, позарившиеся на его состояние, не выдержав, скоро уходили, как и последняя, покинувшая его из-за скандала, устроенного супругом из-за восьмидесяти копеек, вырученных от продажи десятка яиц и потраченных ей на собственные женские нужды без позволения мужа.

Вот в чьих руках оказался родовой участок Керима. Возвратившись на родину, Хажбек, первым делом, оградил его высокой бетонной плитой. И не только. За чертой забора оказался еще и надел семьи его покойного двоюродного брата. Говорили, что, не найдя пристанища в родном селе, осиротевшая семья перебралась за Терек и поселилась там на какой-то животноводческой ферме.

Этот несчастный человек не находил себе покоя даже после того, когда Керим дал обещание не возвращаться в родное село. Теперь ему в его беспокойных снах грезился единственный сын Керима. Что из того, что он еще ребенок, кто знает, как оно может повернуться завтра?

10

В том году весна выдалась холодной и затяжной. За несколько погожих дней все же успели зацвести ранние плоды. Но из-за затянувшейся сырости цвет выпал, а лист, едва пробившись, остался каким-то мелким, скореженным, недоразвитым.

Все с нетерпением ждали теплых дней, и они наступили внезапно, а вместе с ними – и жара. Долгая и утомительная. По сообщениям синоптиков, такая жара в наших краях была зарегистрирована в последний раз в 20-х годах прошлого столетия. Даже птицы попрытались от зноя в тенистых местах – в кронах

деревьев и кустарников. Только вечно суетливые воробьи, шурша крыльями, целыми стаями носились с места на место в поисках пропитания.

... На окраине села ровная, асфальтированная лента дороги резко обрывается, дальше начинается грейдер, который там, впереди, упирается в горы. Перед глазами Докки открывается панорама утренней красочной картины: из-за горных вершин, упирающихся в небо, робко выглядывает огромное красное солнце. Оно вот-вот озарит весь мир золотыми лучами.

Машина движется медленно, нутужно. В эту рань спешить особо незачем. Люди еще не успели пробудиться от сладкого сна, только непоседы-домохозяйки то там, то здесь уже хлопают калитками, приступая к извечным своим крестьянским хлопотам: разжечь печки, выгнать скотину, приготовить завтрак, проводить детей в школу, взрослых на работу.

Так и есть – вон там, впереди, маячит женщина, она гонит сонную буренку, подгоняя ее коротким прутиком, раз за разом, когда та пытается на ходу ущипнуть траву под ногами. Еще одна рогатая голова показывается из-за ворот, что напротив. Словом, ощущается то движение, когда мир собирается пробудиться ото сна. С макушки огромного орехового дерева срывается сорока, спугнутая проезжающей машиной. И тут же, сделав несколько ленивых взмахов крыльями, скрывается в кустарнике, густо усыпанном на предгорье.

Село, куда Докка держит маршрут, расположилось по обе стороны бурлящей горной реки, бешеным ревом рвущейся на плоскость из горных теснин. Одним концом своими хаотично разбросанными домами село уходит вглубь ущелья. Оттуда Докка должен начать собирать людей, в основном женщин, – рабочих завода. Еще подъезжая к селу, он заметил у себя «на хвосте» белое «Жигули». Вначале он не придавал этому никакого значения, но по мере движения вычислил, что легковушка движется с одинаковой с ним скоростью и не собирается обогнать или отстать. Через зеркало заднего вида Докка попытался пересчитать пассажиров: «Один, два, три... Наверное, как и я, люди едут по своим делам, – подумал он. – Сейчас узнаем», – нога всей тяжестью легла на педаль акселератора. Тяжелая машина вначале как бы «захлебнулась», а потом резким скачком рванула вперед, выбросив из-под колес мелкие камешки и клубы пыли. На какое-то мгновение легковушку покрыл густой столб пыли, а когда он спал, она снова появилась на том же расстоянии. «Попробую уступить дорогу», – решил Докка, освобождая педаль. Легковушка замедлила ход, словно тащилась за автобусом на жестком буксире.

На краю села, где кончается дорога, небольшая площадка для разворота. Дальше дороги нет – впереди горы. На развороте «Жигули» перегораживают дорогу автобусу. Из него выходит пассажир, двое остаются в машине.

– Ты кто? – спрашивает подошедший тоном, не допускающим возражения.

– А тебе зачем? – вопросом на вопрос отвечает Докка с места из кабины с видом безразличия.

– Выходит, на тебе кровь, коль не хочешь называть свое имя...

– Прежде я должен знать, с кем имею дело...

– ?!

С обеих сторон продолжают сыпаться одни вопросы. Двое других тоже подходят к автобусу, один из них тянется к дверной ручке. Как раз в эту минуту рядом останавливается «ЛАЗик», взявшийся не весть откуда. Из него выходят люди, в основном старики, по разговорам собравшиеся куда-то на похороны. Заметив посторонних людей, пассажиры «Жигулей» спешно уезжают...

Никто так толком и не узнал тогда, откуда эта весть так скоро дошла до завода. Вслед за Доккой выехал другой автобус, переполненный рабочими завода.

11

Больше Бикату не могла позволить, чтобы ее сын разъезжал по селам. Она уговорила его оставить работу.

– Мы ни в чем не нуждаемся. Пока я жива, все будет, – говорила.

Днем – в цеху, ночью – в сторожке. И хотя давно уже годы вышли, но эта стойкая женщина не сдавалась, растрачивая последние силы, чтобы ее единственный, но совсем взрослый сын ни в чем не нуждался.

Около года провел Докка дома, подчиняясь воле матери, на улицу выходил вечерами, встречался только с соседями и все больше скучал по большому миру.

– Не могу же сидеть вечно в четырех стенах. Да и ты не можешь до самой смерти батрачить на меня. Перед людьми неловко, – укорял он мать, пока, наконец, она не отступила.

– Поезжай, попробуй. Люди ведь тоже едут в те края. Что из этого получится, будет видно, – согласилась она, втайне считая, что будет спокойнее, если сын будет находиться вдали от дома.

Ранней весной вместе со своими сверстниками Докка выехал в Среднюю Азию на заработки.

Место, куда доставили бригаду из пяти мужиков, после нескольких дней знакомства и юридических согласований в одном из ПМК, находилось в двухстах километрах от большого города. Как раз на середине предполагаемого водопровода протяженностью восемнадцать километров от райцентра до небольшого селения. На этом месте, где когда-то стояла чабанская точка (теперь от нее остался лишь полуразрушенный, покосившийся навес, буровая труба, из которой все еще бьет родниковая вода). Сюда притянули передвижной вагончик – жилье бригадное. Главное в степи – это вода.

Пустынная степь... Голая, никем не ухоженная, величественная в своем естестве. Даже зеленые ростки, пробившиеся ранней весной в низинах до наступления изнуряющей жары, скоро высыхают, не успев окрепнуть, зацвести. Единственный цветок, непокорный суровой природе – это красный мак.

И все же, как бы там ни судили, этот край имеет свои неповторимые особенности: легкий и чистый ветерок, вольно гуляющий по этим бескрайним просторам, россыпь ночных звезд на всем небесном пространстве и неуслышимый звон цикад с вечера и до рассвета. Перед глазами путника встает еще одна удивительная картина – это копошащиеся пожилые люди на высоких песчаных холмах, в самом пекле принимающие горячие ванны от ревматизма и прочих старческих недугов. Закаленные ветрами и зноем, местные аборигены жары этой, кажется, и не ощущают. Но для приезжих в середине дня она становится нестерпимой. Поэтому они меняют свой рабочий график: начинают работу чуть свет, в середине дня отдыхают, затем берутся за дело ближе к вечеру и дотемна.

Был тот знойный час, когда бригада в полном составе собралась в тени под небольшим навесом, пристроенным к вагончику в ожидании обеда. Нанятая местная повариха, как обычно, суетилась вокруг газовой плиты.

– Мне бы воды холодной, – обратился к ней Докка.

Женщина отложила черпак рядом с кастрюлей, не спеша выбралась из-под навеса с большой алюминиевой кружкой в руке. У нее свой холодильник – песчаный. Там она постоянно держит флягу из-под воды, зарытую в песок по самое горлышко. Сделав несколько больших глотков, Докка с укоризной посмотрел на повариху, выплеснул из кружки остатки воды, встал и, не сказав ни слова, побрел в вагончик. «Нам показалось, что вода ему очень не понравилась», – рассказывали потом очевидцы.

Так и суждено было ему скончаться загадочным образом до приезда врачей в далекой степи, в небольшом вагончике. Уже после врачи придут к заключению, что смерть наступила от неизвестного отравляющего вещества. Местной прокуратурой будет возбуждено уголовное дело, но и оно очень скоро будет закрыто без определенной мотивации. О том, что Докка скончался естественной смертью, засвидетельствуют и его товарищи, доставившие труп в родное село. Только сердце бедной матери никогда не согласится с таким выводом. А однажды она за свой счет снарядит в те края несколько человек для выяснения всех обстоятельств смерти сына.

Опустеет скромный очаг Бикату, и некому станет приласкать ее, утешить в горе. Разойдутся по своим домам женщины, что какое-то время пребывали рядом с ней, успокаивая и утешая. В холодных и пустых стенах она останется одна со своим неизбывным горем.

– Ва Докка! – по ночам из этого дома будут доноситься душераздирающие крики. И никто не знает, то ли они обращены к устazu, то ли к безвременно покинувшему этот мир сыну. Периодически родственники будут просить ее вернуться в родное село, в среду близких ей людей.

– Нет, мое место здесь. Душа тоже, – категорически будет она отвергать всякие намеки на переезд. Несколько раз попытаются воспользоваться помешательством ее рассудка. Ничего из этого не получится. Она не даст погаснуть очагу, будет собирать дрова. В ее больном воображении сын должен скоро вернуться. Она будет ждать его...

Ничто в этом мире не остается безнаказанным. То ли от своей природной скупости и алчности, то ли от болезни, ниспосланной Богом в знак возмездия, точно так же, как и Бикату, с помутившимся разумом будет влачить свои последние дни и Хажбек. Он уже не будет узнавать близких ему людей, даже собственную жену. Дабы наследство отца, как принято в чеченских семьях, не досталось младшему, двое старших братьев, до того проживавшие отдельно, продадут свои дома и вместе с семьями поселятся в отцовском доме. А дальше, как водится – младший брат останется на улице, а старшие наперегонки растащат все родительское добро. И никто не станет вмешиваться в эти скандальные дела. Наоборот будут поговаривать:

– Так и надо. Так и должно быть. Не зря отцы говорили: от нажитого грехом не будет прока.

Как следствие, похороны Хажбека были жалкими, без полагающегося подаяния, без обычного многолюдья.

Вскоре от простудной болезни скончается и младший брат, оставленный без наследства и вынужденный искать заработка в далеких краях.

Привыкшие ко всяким неожиданностям, люди не особенно удивились, когда глубокой зимней ночью раздался взрыв. На следующий день сельчане собрались на большой тезет³ по случаю трагической гибели одновременно двух семей в результате ночного взрыва газа.

– Аллах наказал, – будут поговаривать люди даже спустя многие годы.

Лишь тот, кто хорошо знаком с селом, найдет эту короткую улицу с двумя десятками дворов. Почти все они были разрушены прокатившейся здесь войной. Но люди постепенно наладили свою жизнь, восстановили свои жилища еще краше, еще добротнее. Только вот как раз на середине этой улицы «бельмом на глазу» лежит бесхозный участок, заросший бурьяном и дикой коноплей, кое-как отгороженный соседями ветками и прочим хламом, чтобы сюда не забредал скот. Лишь глубокой осенью, когда сохнет трава и спадает лист, рядом с обочиной вырастает небольшая куча строительного мусора – свидетельница былых трагедий и существования здесь человеческой природы.

2010 год.

¹ Туоберам – блюдо из сметаны и творога.

² У чеченцев супруги не называют друг друга по имени.

³ Тезет – похоронный обряд.

Майрбек Лулуев**Пленник красоты**

Не знаю временного срока,
Нет лучше этой простоты.
Мне милость сладкая от Бога:
Я – вечный пленник красоты.

Не нужно множества сомнений,
Никчемно – пыльной суете.
Суть сотен солнечных сплетений
Соединились в слове: «Ты!»

Нет выше Божьей награды;
И если в жилах жизни ток,
Дай Бог, чтоб красочность услады
Излить сполна я людям смог...

Мирный рассвет

Ощущаю себя я никак...
«Кто по крови?» –
 пусть спросит чужак,
Мне не нужно полезных страстей,
Хоть ты режь меня, хоть ты убей!

Этим солнцем я нежно взращен
И Землею взлелеян, как сын!..
Есть во мне суть народов Земли,
Эта суть бьется в красной крови.

Все дороги Вселенной сошлись
В тех ладонях, что Бог сотворил.
И не надо людских мне наград,
Их отсутствию очень я рад.

Для меня беспредельный завет –
Над Землей если мирный рассвет!

Жизнь на день короче стала

Жизнь на день короче стала.
Как душа моя устала
В вечность медленно скользить,
Вот бы что-то изменить!..

Дышим мы в беду и в радость,
Повелось так, так уж случилось.
Арифметика проста,
Как умножить дважды два.

В бездну глаз – вся мудрость Бога.
Как найти туда дорогу?
Так светла дорога та.
Вечно нам дано плутать...

Жизнь на день короче стала.
Как душа моя устала
В вечность медленно скользить.
Вот бы что-то изменить!

Я думы мыслей в ночь посею

Я думы мыслей в ночь посею,
Они же звездный мир зажгут.
Те думы звездные поспеют,
И я пойму: они не лгут!

В них будет правда золотая.
Ее сумею оценить...
Моя, пусть даже пропадаю,
Не рвется с Богом жизни нить!

Ночь в дозоре

Устало солнце. Ночь в дозоре.
А чувства роются в уме.
Расплывься ж в чувствах –
 быть в позоре...
А время тикает себе...

И годы – в Лету. Вечность тает...
Свой срок тани и не кути.
Взахлеб гордыня-сука лает,
Стараясь сбить меня с пути...

Без чувств навеки сердце пало,
И ум растаял без следа.
Ведь было мне всего немало.
В остатке – голая беда...

Кто б подсказал дорогу к Богу,
Чтоб не терзаться без конца?!
Но нет пути к Его порогу
И нету верного гонца...

Парус души

Я всю выплакал душу:
Быть несчастным устал.
Снова музыку слышу,
Что еще не писал!

Свежесть в мысли мне дует,
Парус счастья раскрыт...
Сердце бьется, ликует:
«Путь мне к воле открыт!»

И лечу, словно птица...
Никаких нет преград.
Волей вволю напиться –
Лучше всяких наград!

Мудрость жизни

Я не ангел вовсе и не бес,
Да и ты – не звездочка с небес...
Просто мы – два божеских создания,
Чтобы мир познать через страдания,
Мудрость жизни в сердце уместив,
Все понять, простив и не простив.

Счастье – это не искусство

Не стучит, не бьется сердце,
Не смеется, не грустит.
Я не стал бояться смерти.
Ты пойми меня, прости.

Все не то, что неизменно.
Стынет медленно душа.
Было что вчера бесценно,
Я б за то не дал гроша....

Чувства клонятся к закату.
Сердце: «Больше не могу!»
Понят я собой, разгадан,
И о том я не молчу.

Ты – не я. И это грустно.
Я – не ты. Нам не цвести.
Счастье – это не искусство,
«Нет!» чтоб в «Да!» перевести.

Суть души

Все прошу, пойму,
от бед не спрячусь,
Все снесу, но речь идет о том,
Как решить решенную задачу
Сумасшедшим гения умом?!

В жены мне б судьба дала удачу,
Чтоб поспела суть моей души.
Суть души отдам я – не растрочу
Той одной, к которой не спешил.

Суть в цене – в стозвонкие монеты.
Ей дорога к звездам,
в Млечный Путь.

Не нужны мне умные советы:
Мне чужда безвременная жуть!

Знаю я, из всех людей на свете
Только ты поймешь мою беду.
Ты поймешь по крохотной примете,
Как всю жизнь себя к тебе веду.

Предчувствие разлуки

Мы смущены
предчувствием разлуки.
Судьба дала нам счастья лишь на миг.
Кому отдашь свое ты сердце в руки,
Свет глаз твоих кому осветит путь?..

Как просто все
и как же все жестоко...
Не первый я разлукой огорчен.
В желаньи ж счастья
без границ и срока
Хочу быть постоянно уличен.

Как светлый день
проходит незаметно,
Так счастья миг неуловимо мал.
Но, бог людской,
ты в жизни кругосветной
Зачем так скупо
чувство счастья дал?!

Моя смерть начинается мною,
 Моя жизнь не смертельна сама,
 Если я не обижен судьбою,
 Если рядом мой ангел – она!..

Как же мог я

Льется, льется от солнышка свет.
 Пьешь ты, пьешь его – донышка нет.
 Как же мог я прожить столько лет
 Без душевных твоих в сердце мет?!

Знать не знаю, понять не пойму.
 Может, это мне не по уму!
 Как же лилась от солнца струя,
 От меня тебя днями тая?..

Эта странность от света лучей,
 Что не мог я видеть очей,
 От которых кружится земля,
 Бьется сердце, мне грудь теребя...

Льется, льется от солнышка свет.
 Пьешь ты, пьешь его – донышка нет.
 Как же мог я прожить столько лет
 Без душевных твоих в сердце мет?!

Виноват

Виноват... Как же я виноват!
 Столько раз. Сколько можно сказать.
 Нет, ты знаешь, я не вороват...
 Если так, мне ли нужно молчать?!

Виноват... Как же я виноват.
 Сердце бьется, как сказочный конь.
 Да, не ангел я. Да – грубоватый,
 Но в вине своей чист, как огонь.

Виноват... Как же я виноват!..
 Но вина эта – святость моя.
 Без нее я – пропащий стократ.
 Без нее я, что дым без огня.

Виноват... Как же я виноват!..
 Виноватый, тебе только рад!..

Нежность Вселенной

Нежность Вселенной в сияние глаз мне упала
 И отразилась в тебе, как божественный знак.
 Но на душе отчего ж вековая усталость?
 Эту усталость сердечно мне выразить как?

Словом приятность придумать тебе невозможно.
 Каждое слово, что скрежет железных ворот.
 Сладость твоя ж, как весенний рассвет, осторожно
 Песней цветет, вливаясь во все соты нот.

В сотах заветных волшебная радость таится.
 В сотах заветных хранится желанный нектар.
 Счастлив лишь тот, кому радость такая не снится,
 А наяву преподносит судьба этот дар!..

Нежность Вселенной в сияние глаз мне упала
 И отразилась в тебе, как божественный знак.
 Но на душе отчего ж вековая усталость?
 Эту усталость сердечно мне выразить как?

*Проза***Марем Нохчиева****Рассказы****Дети Зулай***(имена участников подлинных событий
изменены по их просьбе)*

– Ладно, езжайте... – и, стуча «берцами» об холодный пол вагона, патруль двинулся дальше.

А где-то в полуразрушенном Грозном обомлевшая на время от нахлынувшего страха Зулай перевела дыхание, с облегчением почувствовав, как «стальная рука», сжавшая вдруг ее сердце, медленно разжалась...

...Сначала она стала замечать, что из дому пропадают продукты.

«Наверное, дети «подчищают», – поначалу думала Зулай. Семья-то у нее не маленькая – два сына и две дочери. Сыновья, Хасан и Адам, шестнадцати и пятнадцати лет, когда им перепало чего-нибудь «вкусненького» (что по тем временам бывало очень редко), обычно несли это самое «чего-нибудь» сестренкам. И все равно девчонки росли невысокими да худенькими – все в мать...

А муж... муж Зулай, добрый, заботливый Леча, ходил на работу, «сторожевать» – как он говорил. Ходил «на Ханкалу», где еще как-то теплилась жизнь, через поле, которое было недалеко от их дома.

...Там его и нашли, в воронке от снаряда. Нет, Леча не погиб. Просто застигнутый врасплох начавшимся внезапно с той самой Ханкалы артобстрелом (кого? чего? кто знал...), он укрылся в воронке от летящего с «той» стороны смертоносного металла. В этой самой воронке и нашла его Зулай, которая, обеспокоившись долгим отсутствием мужа, пошла его встречать. Сердце Лечи просто не выдержало...

Кому из нас надо объяснять, что такое семья без отца? А что такое город Грозный военного времени? Блокада, стаи одичавших собак, готовых разорвать всего лишь за кусок хлеба, и – этот самый кусок хлеба, которого в их семье теперь вечно не хватало...

И вот теперь еще эта напасть. Продукты... Но если бы только продукты! Через несколько дней Зулай заметила, что исчезла черная вязаная шапочка старшего сына, потом недосчиталась спортивных штанов. На все расспросы матери мальчишки недоуменно пожимали плечами: «Откуда мы знаем, что куда подевалось?» – а сами все чаще исчезали из дома.

По тем временам подобные «исчезновения» не могли привести ни к чему хорошему. Можно было пропасть и – «отыскаться» где-нибудь в комендатуре, и то в лучшем случае...

Потому обеспокоенная происходящим Зулай однажды решила проследить за детьми.

Следы привели ее к полуразрушенному дому в двух кварталах от их улицы. Дом был необитаем, но, зайдя за его пробитую осколками ограду, женщина вдруг услышала голоса, доносящиеся как будто из-под земли. Затем она увидела впереди себя темнеющий открытый проем подвала... Голоса доносились

оттуда. Подойдя к проему, Зулай прислушалась. Разговаривали почему-то на русском языке.

– Ты не бойся, мы уже договорились, справку тебе сделают. Так что скоро домой покатишь...

«Кто это еще «домой покатит»?!» – и Зулай ступила на перекладину шаткой лестницы, ведущей в подвал.

– Мила ву цигахь? (Кто там?) – выступил из темноты ее сын, Хасан. Но, увидев мать, смутился и отступил назад. В полумраке за его спиной она увидела Адама и еще... какого-то невысокого, щупленького подростка... нет, не подростка. По виду парню было лет восемнадцать-девятнадцать, но какой же он худенький!

В черной вязаной шапочке Хасана и не по росту длинных спортивных штанах, парнишка действительно производил жалкое впечатление.

– Кто это? – поинтересовалась на чеченском Зулай.

– Да «срочник» это. От контрактников сбежал, – на правах старшего пояснил Хасан. – Три недели уже тут сидит. Нельзя ему назад, сама знаешь...

Зулай знала. Между тем, не это интересовало сейчас женщину – война есть война, всякое бывает. Перед женщиной стоял чей-то сын, которого тоже ведь ждут дома. Она внезапно представила на месте этого мальчишки своих сыновей... Докончить мысль ей не дали.

– Да ты не переживай, мам, мы уже обо всем договорились. С родными Сашки связались, справку отец Умара сделает... – прервал молчание матери Хасан.

– Какую справку?

– Да что в «дурку» его везем. Мол, брат это наш... двоюродный...

– А с родными как удалось связаться?

– А, чеченская почта...

Что такое «цыганская» почта, Зулай знала, а вот чеченская... Но расспрашивать не стала – поняла, сыновья все равно ничего не расскажут.

...Как же выросли ее дети! Выросли настолько, что смогли взять на себя ответственность за чужую жизнь, за жизнь этого незнакомого мальчишка, который сейчас глядел на нее из полутьмы чуть испуганными глазами.

– Теть, да я уйду... я и сам боюсь, вдруг облава...

– Нет! – не допуская возражений голосом заявил Хасан. В эту минуту он был очень похож на отца. И взгляд у сына был не мягкий, не детский, к которому она привыкла...

Нет, сейчас на Зулай смотрел мужчина, принявший решение.

Женщина перевела взгляд на младшего сына и на этого незнакомого ей Сашку.

– Ладно, вы посидите здесь пока... а я пойду, поесть вам соберу, – сказала Зулай на чеченском.

...Через неделю справка была готова. Корявым и малоразборчивым почерком отца Умара в ней было записано, что «такой-то, страдающий (далее следовал «букет» заболеваний), нуждается в консультации и лечении в психиатрической клинике». На справке «присутствовала» даже печать, впрочем, по тем временам поставить ее не было проблемой.

И вот, наконец, трое мальчишек, надвинув на глаза шапки, покатили в холодном вагоне по «дороге жизни» – туда, где уже ждала их мать Сашки...

– Документы! – голос старшего патруля вывел ребят из состояния сонного оцепенения. Мальчишки подняли головы, и наметанным взглядом старлей уставился на мало похожего на чеченца Сашку. «Хорошо, хоть волосы у него отросли, а то чистый новобранец...» – подумал Хасан.

– Кто это?! – повысил голос старлей. Ребята замерли.

...«Кто это?»... да, вопрос. А цена этого вопроса – жизнь... или три жизни...

Нет, четыре – потому что «этого» не выдержит сердце Зулай. Потому что в ту самую минуту оно сжалось, точно схваченное холодной безжалостной стальной рукой – там, в далеком Грозном. Сжалось в тревоге за них – теперь уже троих сыновей – почему?..

...И Станиславский с его системой «отдыхал», когда Сашка, прищутив глаза и уставившись на старлея безумным взглядом, выдохнул ему в лицо: «Гы-ы-ы-ы...»

– Что за ...? – отшатнулся «старшой».

– Брат это наш, в «дурку» возьмем... вот и справка, – Хасан торопливо протянул старлею измятую бумажку с печатью.

– «Направляется больной...» – начал разбирать каракули «доктора» старший патруля.

– Ладно, езжайте, возите своего психа куда подальше... – чуть помедлил старлей, и... стуча «берцами» по полу, военные двинулись дальше по вагону.

...А где-то в полуразрушенном Грозном обомлевшая на время от нахлынувшего вдруг страха за детей Зулай с облегчением почувствовала, как безжалостная холодная рука, сдавившая ее сердце, медленно-медленно, но – разжалась...

Выселен навечно...

...Этот пожелтевший от времени листок бумаги запечатлел слова, страшные по своей сути для любого человека, слова, от которых буквально оторопь берет.

«Даю настоящую расписку в том, что я выселен навечно»...

Это значит, что никогда уже он, Мухади Индырбаев, одна тысяча восемьсот девяносто второго года рождения, не вернется в родное село Новые Атаги Староатагинского района, теперь уже «бывшей», как указано в документах, Чечено-Ингушской АССР. Никогда больше не прикаснется к ставшим теперь такими далекими могилам отца и матери, никогда не войдет в свой дом...

Потому что санкция за самовольный возврат в родные места – вот она, упомянута здесь же, в расписке: двадцать лет каторжных работ. Такова была для чеченцев цена Отчизны, «объявленная» чуть позже Указом Президиума Верховного Совета СССР.

– Нам необходимо так подготовить операцию, чтобы никто ничего не мог понять, – говорил тогда главный «энкавэдэшник» Лаврентий Берия. И в январе сорок четвертого он утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». Двадцать первого февраля приказом по НКВД судьба Мухади Индырбаева – и с ним еще тысяч и тысяч – была решена окончательно и бесповоротно... Действительно, никто так тогда ничего и не понял...

...Вот и Мухади вместе с семьей – женой Секимат и пятилетним сыном Шарпудином 23 февраля 1944 года был погружен в «телячий» вагон длинного состава и вывезен в Джувалинский район Южно-Казахстанской области. Из Чечено-Ингушской АССР уходили, как их тогда называли, «первые эшелоны». На станцию Бурное, определенную им местом поселения, семья Индырбаева прибыла через две недели, восьмого марта.

Из анкеты главы семьи, «выселенца»: «В плену не был... в частях противника не служил... за границей не был... ранее не судим».

Неправда, его осудили. К лишению родины. И каждый раз, в течение долгих

лет, второго числа каждого месяца ему напоминали об этом в спецкомендатуре, куда Мухади день в день являлся на контрольную явку...

Личное дело спецпереселенца. С десяток бумажек в тощей картонной папке: справка об основании к выселению, о постановке на учет, анкета, и – расписки, расписки... Как будто эта роспись-закорючка на жалкой бумажонке гарантировала кому-то его, Мухади, лояльность или любовь к предавшему его «Отечеству»!.. Да еще в одном из документов – ссылка на Постановление СНК СССР «О правовом (!!!) положении переселенцев», звучавшая как издевка над ним, лишенным всяческих прав.

Там, в Казахстане, семья Мухади пополнится еще тремя дочерьми. И глава семейства с одним классом образования будет работать, не покладая рук – сначала рабочим на железнодорожной станции, затем пастухом в Джувалинской райзаготконторе. А еще он будет ждать. Они, чеченцы, все тогда ЖДАЛИ, спрашивая друг у друга: «Не слышно ли, не отправляют нас на родину?»

А Даймохк – Родина – была так далеко...

...«Оставлен навечно в местах обязательного поселения без права возврата к прежнему месту жительства». Так говорилось в секретной справке Джувалинского РО МВД по делу «выселенца» Мухади Индырбаева. А еще в каждой своей бумажонке власти подчеркивали, что Чечено-Ингушская АССР – «бывшая». Чтобы окончательно уже убить в людях всякую надежду на возвращение.

...И все же Мухади вернется на родину. Реабилитирован же он будет только через полвека и две войны – в июле 2006 года.

...Он и языка-то русского толком не знал. Но одну из дочерей, родившуюся там, в казахстанской ссылке, он назовет Александрой...

Ни царапины...

(имена участников реальных событий изменены)

Сентябрьский воскресный день выдался прохладным, но солнечным, и этих двоих на дороге Сашка заметил еще издали. Мужчина и женщина стояли на обочине шоссе, видимо ожидая попутку.

«Дачники, наверное», – подумал Сашка, так как неподалеку виднелись крыши садовых домиков. То были дачи работников едва ли не единственного действующего в то время в городе предприятия – машиностроительного завода.

Возвращаясь из областного центра, Сашка не раз подвозил от этого места заводчан, многих из которых он знал в лицо, поскольку и сам работал на том же самом заводе.

Но эту пару Сашка видел здесь впервые. При появлении на горизонте его «девятки» мужчина поднял руку, голося. Машина остановилась, едва поравнявшись с парой.

Но это оказались не дачники.

– Майор милиции Антифеев, – представился мужчина, взмахнув красной «корочкой». Он был высокий и плотный, а его попутчица, наоборот, маленькой и хрупкой. Глаза женщины выражали не то испуг, не то какую-то растерянность.

Сашке сначала показалось, что мужчина держит женщину за руку, но, приглядевшись, он заметил... наручники, соединяющие странную пару.

– Вот, везу в город, в отделение. Давай-ка, подбрось, – заявил майор и, как бы пресекая возможные возражения, добавил: – Сам знаешь, закон о милиции и все такое...

Сашка законов не читал, но оставлять людей на дороге было не в его правилах. Кроме того, лицо этого майора, при ближайшем рассмотрении, показалось ему знакомым. Где-то он уже его видел...

Сашка приглашающе распахнул дверцу машины, и мужчина втиснулся на заднее сидение «девятки», потянув за собой спутницу. В зеркале Сашка снова увидел ее лицо. Женщина не была похожа на опасную преступницу, но он давно уже знал, какой обманчивой бывает внешность таких вот «хрупких и слабых созданий».

...До города было более часа езды. Сашка снова бросил взгляд в зеркало. Да, он определенно где-то уже видел и эти бледно-голубые глаза с белесыми ресницами и эту вот приметную родинку на упитанной щеке...

Шум мотора успокаивал, и мужчина на заднем сидении успел уже задремать, когда Сашка, уворачиваясь от выскочившей на встречу «шестерки», резко крутанул руль.

От неожиданного рывка майор повалился на спутницу:

– Э-э, осторожно, чертила, убьешь! Я не затем из Чечни вернулся, чтобы ты меня здесь угробил!

Сашка в этот момент переводил дух после опасного маневра и едва понял, что там говорит майор. Но слово «Чечня» он услышал. Оно, это слово, было для него как код, как пароль. Оно было таким «включателем», который срабатывал время от времени, невольно заставляя вспоминать события, о которых Сашка, по большей части, хотел бы думать как можно реже.

А майор, успокоившись, тем временем продолжал:

– Я вообще-то, знаешь, заколдованный. Ничто меня не берет, и пули не брали. Я ведь тогда «там» в командировке был – и ничего! Помню вот, на Старых промыслах, возле мечети, «чичей» взяли в кольцо. Стрельба была – головы не поднять. А у меня, представляешь себе – ни царапины...»

...Неприятно резануло слух словцо из «контрабасовского» жаргона, но еще за мгновение до этого Сашка, наконец, вспомнил, где он видел этого майора! Вспомнил – и почувствовал, как в груди точно начала сжиматься стальная пружина...

...Январь... Старопромысловский район Грозного... небольшая группа чеченцев... Они отстреливались яростно, прорываясь к своим...

Вспомнил Сашка и мечеть, где засели тогда «прикомандированные» менты, в течение всего боя так и не высунувшие оттуда носа. И вот этого, мордатого, тогда еще не майора, без зазрения совести потом заявившего: «Мы ж здесь в командировке, чего гибнуть зря...» – Сашка вспомнил тоже.

«Ни царапины...» Майор еще продолжал что-то говорить, но Сашка ничего уже не слышал. На его руках снова умирал лучший друг, Леха, умирал, заливая кровью Сашкину «разгрузку». Среди вещей друга найдут потом письмо матери, которое Леха собирался отправить, да так и не успел...

– Ни царапины, говоришь? – нехорошим голосом переспросил Сашка. Но вошедший в раж майор не замечал его изменившегося тона.

– Да я этих «чичей»... да все равно мне было, кто – баба, дите, – все они бандиты, всех бы их...

Голос попутчика доносился до Сашки глухо, как через заложенные уши... Стальная пружина в груди сжималась все туже...

...Уже потом, после боя, он наткнется неподалеку на тяжелораненого молодого чеченца, лежащего ничком в перемешанной со снегом грязи. Почти без сознания, находясь уже по ту сторону жизни и смерти, чеченец будет судорожно скрести рукой по подмерзающему месиву, точно стараясь захватить, унести с собой в небытие хотя бы горсть этой своей родной земли...

Такая мысль вдруг придет Сашке в голову, и он не станет его добивать. Но вынырнувший из-за развалин дома «мордатый» подойдет и спокойно выстрелит чеченцу в затылок, а потом снимет с грязной руки убитого дешевые часы: «Не пропадать же добру...»

– ... Да и не преступница это вовсе, а жена моя, – снова донесся до Сашки голос майора. – Дачку у заводчан прикупить хочу, ездили вот смотреть. А наручники – так это чтобы за проезд не платить, чтобы думали, мол, преступницу везу, – разоткровенничался вдруг майор и весело заржал, довольный, видимо, своей находчивостью.

Это было уже последней каплей. В Сашкиной голове завертелась бешеная карусель. Все перемешалось в сознании – погибший друг, застреленный в затылок чеченец и эта вот женщина, позволившая мужу надеть на себя наручники...

Стальная пружина в груди разжалась.

– Ни царапины, говоришь? Жена, говоришь?! А часики трофейные тебе не жмут?! Ах ты, мразь!.. – выкрикнул Сашка, и машина, взвизгнув тормозами, резко остановилась. – А ну, пошел отсюда!

В зеркало салона Сашка успел увидеть изумленно-испуганное лицо майора и широко раскрывшиеся глаза его жены, изменившие, наконец, свое выражение. Майор рванул на себя ручку двери и вывалился из машины прямо на дорогу, волоча за собой пристегнутую к нему наручниками жену.

Сашка дал «по газам», и «девятка», резко сорвавшись с места, помчалась в сторону райцентра...

... Через полгода, прямо в центре города, Сашка снова встретит ту женщину. Она будет идти по пешеходному переходу, весело смеясь, а рядом с ней удивленный Сашка увидит незнакомого ему подтянутого седоволосого мужчину, судя по виду, бывшего военного.

Руку женщины мужчина будет держать в своей ладони...

Свет, отразившийся в Сунже

... Наверное, у каждого, кто любит этот город так же, как и я, есть в нем свое, особое, «самое-самое» место. Среди множества его площадей, парков, фонтанов, улиц есть один «свой» фонтан, есть какая-нибудь одна аллея или улица... короче, та частичка Грозного, которую мы храним, бережем только для себя и куда мы приходим в горе и в радости, приходим поделиться успехом, забыть обиду или получить прощение...

Это сегодня здесь радует глаз архитектурными изысками красавица-мечеть, взметнулись ввысь новые многоэтажки, а по одетой в гранит набережной гуляют горожане. Но так было не всегда. Наша память хранит и другое... пепельно-серые лица возвращающихся в родные дома (точнее, руины) грозненцев... улицы, идя по которым мы приглушали шаги, стараясь ступать тише – потому что этому городу было все еще больно... и темные, ничего не отражающие воды притихшей от горя реки...

... Тем вечером мне совершенно не хотелось ни о чем думать – ни о хорошем, ни тем более о плохом. На какое-то краткое время были забыты все мои отложенные дела и неотложные проблемы, все то, чем я жила в последние дни. Потому что в тот вечер – я возвращалась...

Я шла сюда, на набережную Сунжи, потому что именно здесь, на ее заросшем сорной травой берегу был мой «кусочек» Грозного. Я возвращалась так, как возвращаются на свое место – до мелочей помня его вид, состояние, отмечая

произошедшие перемены, фрагментарно удерживая памятью его выхваченные из бытия образы.

...Вот – разогретая за день теплым июльским солнцем чугунная ножка, которая одна только и осталась от старой, еще «довоенной», деревянной скамейки. Наверное, никто, кроме меня, не знал, что этот, даже не вкопанный, а скорее, вросший уже в землю фигурный кусок металла до сих пор хранит на себе выбоину от упавшего совсем близко снаряда.

...Вот зеленый кустик, каждое лето расцветающий яркими желтыми солнышками-цветами. Сорвав как-то раз одно из этих маленьких «солнышек», помню, я сразу об этом пожалела, а потом вложила цветок в книгу – как в детстве, когда среди книжных страниц мы засушивали гербарии для школьных уроков ботаники...

А еще в моей памяти хранилось то, что осталось от... фонарей. Когда-то они освещали здешнюю набережную, заливая все вокруг ярким светом. Теперь же, после войны, в этих торчащих из земли почерневших остовах-трубах уже невозможно было узнать прежних красавцев... Обезглавленные, насквозь прошитые осколками, они выглядели заброшенными и никому не нужными, такими же, как тысячи их «собратьев» по всему Грозному.

...«Горит пустынный электропламень на прежнем месте...» – каждый раз, бывая здесь, я вспоминала рубцовские строки, и мне становилось жаль этих фонарей – безмолвных свидетелей тупой, нечеловеческой злобы и жестокости. Да, я жалела их – принявших когда-то на себя страшные огненные жала, принявших и – не впусивших их в чье-то сердце...

Может быть, поэтому бывая на «своем» месте, я каждый раз подходила к останкам фонарей и, прикасаясь рукой к продырявленным, точно изгрызенным в бессильной ярости чугунным остовам, как заклинение, повторяла: «Потерпите немного, все будет хорошо», – повторяла, сама себе не веря, потому что «хорошо» не было еще и в помине.

А пропахшие мазутом воды Сунжи, как всегда, были безысходно-мрачны в предвечернем полумраке и, как всегда, ничего не отражали – даже восходящего на темном небе желтого диска полной луны.

...И вот сегодня вечером я снова возвращалась сюда, в свои «владения». Возвращалась, предвкушая встречу со старыми чугунными «знакомыми», грустно стоявшими посреди заросшей бурьяном набережной. Но еще на подходе мне стало ясно – кто-то побывал уже здесь до меня. Истерзанные столбы были аккуратно спилены, а чуть дальше, за деревьями, за их густой листвой, я увидела... желтый, ослепивший вблизи, шар фонаря. И этот огненный шар горел сейчас ярким, веселым, точно зывающим ко всему доброму в душе, жизнерадостным светом. Горел, размыкая сомкнутый, казалось, уже навечно, мрак заброшенной – пока еще заброшенной! – набережной. И этот свет отражался в маслянисто-темных водах реки, которая точно играла размытым желтым бликом, то увлекая его на какой-то миг своим течением, то снова возвращая его обратно.

...А я ведь и вправду думала, что эти воды уже никогда не отразят света...

Пешхоев Ибдулла**Ойланаш**

Ойланашкахъ хъаьдда доьду,
Дерриге сан дахар.
Бералла а ойланашца
Суна дагатуьйсу.
ГІан ду моьтгуш оила хІутту
Таханлера дахар,
Сингаттамо хъерахъ санна
Кийрара дог Іуьйшу.

Цкъацкъа суна ойланашкахъ
Дагна гІоле хуьлу,
Везчу Дала суо бусалба
Кхоллар карладаьлча.
Нагахъ со сайн ойланашкахъ
Цхъа бер санна хуьлу,
Жималлехъ со Нанас хъестар
Сайна дагадеьча.

Ойланашкахъ цкъацкъа аса
Нана маракъуьйлу,
ГІаккха безарш хъобсту аса,
Нанас доьзал санна.
ДоттагІашца хилла марзо
Суна карлаюьйлу,
Ойланашкахъ долу дахар.
Боккъал долуш санна.

ЭхІа-хІай

ЭхІ! Ма къестий, ма делхий,
Ма Іазапелци вай.
Безачех къаьстадеш,
Ма вовших дехий вай.
КІентийн цІий Іенадеш,
Ма наной белхи вай.
Дех-ненах хиэдадеш
Буо-бераш дебий вай.

ЭхІ! Ма хьийзий, ма дохий,
Ма хІаллак а ди вай.
Харцонаш а юьйцуш,
Ма готта хьовзий вай.
Питанаш а туьйсуш,
Вовшашца эгІий вай.
Доцушдерг а дуьйцуш,
Харцонах теший вай.

ЭхІ! Ма кхетац вай, ма кхерац
Ма Делах кхерац вай.

Иштта вай дІадоьлхахъ
Ма тІаьхьло яц вайн.
Тахана дуьне а,
Эхарт а дац вайн...
ЭхІ-хІа-хІай, ЭхІ-хІа-хІай,
Юха а эхІ-эхІа-хІай.

*1999 шо.***Сан Нохчийчоь**

ХІун ду техъа, сан Нохчийчоь,
Хьо кху бале хьовзийнарг?
Отуш ярташ, сан гІаличоь,
Адам халчу хІоттийнарг?

Мила ву хІай, сан Нохчийчоь,
Хьобца къиза ловзушверг?
Цу ловзаро хийла кІант воь,
Уггар дог хьох лозушверг.

Стенна ю-те сан Нохчийчоь
Даим юккуш-оьцуш хьо?
Сан дог лозу – ла ца ло соь,
Суо ас дуьххьар бехке во.

*1996 шо.***Кхайкхам**

Сан кхайкхам бу шуьга, сан вежарий,
Оьзда а сийдолу тхан йижарий,
Даггара сан кхайкхам бу шуна махке.
Халонаш даима лайначу халкъе.

Бусалба вай хилар бу шуна кхаь.
Барт чІагІбеш дІахІитта,
шу хилий цхъаь.
Ма дицде гІиллакхаш
сий долчу дайн,
Къонахий а хилла дехар ду вай.

Къинхетам бина вайх
вайн везчу Дала,
Бер санна кхуьуш ю вайн хаза гІала.
Адамашкахъ хаало
вайн динах кхетам,
Деш лаьтта маьждигаш,
беш лаьтта хьехам.

Хилийша 1амал еш, ма-хуьллу сов,
Ийманца сов дийлар вайгахь ду товш.
Аллах 1ах боккъал а
хилахь вай кхоьруш,
Хир ду маликаш а вай Деле доьхуш.

2009 шо.

Тамашийна дег1

Ма тамашийна ду-кха хьо,
Х1ай миска, г1ийла дег1!

Буйса т1ееача,
Боданах къаьхка хьо,
Сакъерар а дитина,
Наб ян ца туьгуш,
Мерза наб езашшехь,

Ткъа 1уьйре схьакхаьчча,
Серлонех къаьхка хьо.
Мерза наб а йитина
Г1атта ца туьгуш,
Г1уллакх дан деззашехь.

Ма тамашийна ду-кха хьо,
Т1аьхьало йоцу дег1!

Валар т1едеача
1ожаллех къаьхка хьо,
Дуьне а дитина,
Кхалха ца лууш,
Дезарг ца хуьллушехь.

Амма бала т1ебеьча
Дахарах къаьхка хьо,
Хьайн са а тиэдина
Лела ца лууш,
Х1ар дуьне деззашехь.

Са а, дег1 а

Синан, Дег1ан цхьана дахар хуьлу.
Цу шиннан а вовше гамо хуьлу.
Ткъа накъостий бу
церан хьа-сан долуш,
Йоккха шайца башхалла а йолуш.

Сина гергар эхь-бехк ду.
Делах и шиь кхоьруш ду.
Дег1ан доттаг1 – лаам бу
Цуьнан верас шайт1а ду.

Сино, дег1о вовшашца къуьйсу,
Юккье питан шайт1ано а туьйсу.
Эхь-бехк г1ерта даим лаам эшо,
Лаам г1ерта х1илланца уьш 1ехо.

Эхь-бехк дериг къонах ву,
Цуьнца даим Дела ву.
Лаам безарг – цхьа лай ву,
Синан мостаг1 шайт1а ду.

Жималла

Жималла, хьоме сан жималла,
Ю хьо сан дахаран хазалла.
Со витий, хьо д1а ма г1уохьа,
Ца кхоош хьайх пайда луохьа.
Сан жима бераллин доттаг1,
Дог оьцуш юххе д1ох1отта!
Барт хилий, тарьяла хьажа,
Цкъачунна ю хьо сан хьаша.
Сох къаста бахьна ма леха,
Йиш яц вай вовшашца иэг1а.
Чаккхе ю х1ора а х1уманна,
Хан кхаьчнехь, бехк аса ца буьллу.
Хьо езаш, сайн йиша санна,
Ца хиллехь, ас вала дуьллу.

Сулиман Мусаев**Охота**

Рассказ

Мы чабановали тогда в Калмыкии. Наш домик, состоявший из двух маленьких комнат и коридора, затерялся в степной глуши. Домик был камышовый, с обмазанными глиной стенами и крышей. Каждую весну, а иногда и осенью, крышу мазали заново. Метрах ста от дома размещалась длинная кошара, с северной стороны к которой примыкал большой баз из прессованной соломы, метра два с половиной в высоту. Летом и в относительно теплую погоду овцы содержали в базе или же просто на улице, а в морозы их загоняли в кошару. Овец было много, голов тысяча двести - тысяча триста, из которых около ста были личные, остальные – совхозные. Жил с нами и подпасок, русский, которого отец привез из поселка. Обычно пасти отару ходили отец с подпаском, вдвоем, только изредка, когда дома находилась работа, отец отправлял подпаска одного. В трех-четырех километрах от «точки» бил из-под земли артезиан, вода выходила по трубам в длинное корыто, в конце которого стекала на землю, быстро просачиваясь в песок.

Как-то вечером за ужином отец сказал:

– Недалеко от артезиана я заметил сегодня сайгаков. Завтра пойду поохочусь.

– А с отарой не пойдешь? – спросила бабушка.

– Нет, завтра погоним отару к югу, после дождей там полынь хорошо взошла.

Сашка один справится, да и гнать овец недалеко.

– Дада, возьми меня с собой, – подошел я к отцу.

– Нет, сиди дома, – коротко отрезал отец.

Я быстро посмотрел на бабушку.

– Да возьми его, – рассмеялась бабушка.

Я был маленьким, не ходил еще в школу. На охоту меня ни разу не брали. Завидев издали возвращающегося с охоты отца, я бежал ему навстречу. Отец передавал мне ружье, поудобней устроив тушу на плечах, и я шагал рядом с ним, чрезмерно довольный, что мне доверили оружие.

Мы вышли из дома ближе к полудню.

– Скоро они должны прийти к водопою, – объяснил отец.

Я шел, держа обеими руками одностволку и стараясь не отстать от отца. Припекало. В воздухе разносился птичий пересвист. Далеко в вышине в поисках добычи кружился орел. Прицелившись в него, я «выстрелил»: «Бов-в!» Прямо из-под ног выбежала ящерица, я бросился за ней, но она скрылась, юркнув в норку. Я поднял взгляд и замер: прямо передо мной, растянув свою сетку меж двух кустиков полыни, покачивался на ней на ветру огромный паук. Я опасался их, поэтому медленно отступил назад. Отец был уже далеко. Вспомнив про змей, которые водились здесь во множестве, я кинулся за ним.

– Устал? – повернулся он, когда я, запыхавшись, догнал его.

– Нет! – быстро ответил я, испугавшись, что он отправит меня обратно, но приклад ружья, который я нес, волочился уже по земле.

– Давай сюда, – рассмеявшись, отец забрал у меня ружье. – Охотник!

Скоро мы оказались у подножия высокого холма.

– Подожди здесь, – сказал отец и взобрался на вершину.

– Ну, – крикнул я, – пришли?

Отец вернулся и сел:

– Нет пока. Садись тоже, передохни – весь покраснел уже.

Я сел рядом и попросил:

– Дада, а мне дашь выстрелить?

– Нет, от отдачи плечу твоему будет больно, – ответил он, но, увидев мое помрачневшее лицо, смягчился: – Ладно, будем идти домой, дам стрельнуть.

Насколько хватало глаз, вокруг простерлось море полыни, в котором были разбросаны островки покачиваемой ветерком ковыли. Совсем рядом от нас проходила муравьиная тропа, трудяги-муравьи таскали по ней сухие травинки, высохших мух. Жук-навозник катил задом шарик из навоза. В кажущейся мертвой степи кипела жизнь.

– А для чего жукам шарики? – спросил я. – Чтобы жучатам играть?

– Нет. Они закрывают ими вход в свою норку. Шарик защищает зимой от морозов, кроме того, кормят ими своих жучат. В степи попадается много сухих полых шариков. Я тебе покажу, – отец встал: – Пошли теперь.

Недалеко от скважины артезиана стояла большая ржавая цистерна. Мы сели за ней. Отец показал рукой направо:

– Они должны появиться оттуда. Подождем здесь. Ветер, к счастью, с той стороны.

Ждать пришлось недолго. Отец выглянул, зарядил ружье и прошептал:

– Идут! Сиди тихо!

– Дай посмотреть! – попросил я.

– Погоди, не высовывайся, а то уйдут! – отец сжал мое плечо. – Подождем, пока напыются.

Мне не терпелось посмотреть на сайгаков. Я открыл, было, рот, чтобы спросить что-то, но отец остановил меня, помахав рукой. Не выдержав, я осторожно выглянул из-за спины отца. Около двадцати сайгаков пили воду из корыта. Чуть поодаль, охраняя их покой, стоял вожак с длинными рогами. С ними были и сайгачата с мелкими рожками. Напившись, некоторые уже играли, смешно подпрыгивая и бодая друг друга. По одному, по два, сайгаки скоро отошли от корыта и стали пастись. Отец, медленно подняв ружье, прицелился. Я испугался, что он выстрелит в сайгачонка, и только хотел сказать ему это, как вожак заметил нас и тревожно заблеял. Сайгаки бросились бежать. Раздался выстрел. Один молодой сайгак дернулся, словно споткнулся, и упал. Вновь вскочил, сделал шаг и упал. Выхватив нож, отец бросился к раненому сайгаку, я за ним. Пуля попала в левую лопатку. Пытаясь встать, сайгак дергал ногами. Отец подхватил его и, повернув к югу, поднес к его горлу нож. Потом... потом мои глаза на мгновение поймали его взгляд. Этот взгляд потряс меня, обдал жаром, я чуть не споткнулся об него... Он выражал вселенское горе, ужас, боль... Я оцепенел. Я не раз видел, как отец резал барана. То есть я всегда при этом стоял за отцом – он не разрешал смотреть, говоря, что детям нельзя смотреть, как режут животное. И я легко переносил боль несчастного животного, вернее, я как-то совсем не задумывался об этом. А сейчас... сейчас я прочитал во взгляде умирающего сайгака упрек, он обвинял меня, отца, все человечество в том, что мы так жестоко обрываем его жизнь...

Сайгак затих, перестал дергать ногами, смирившись со своей участью или

же обессилев. Прочитав молитву, отец поднес нож к горлу сайгака. Я ухватил его за руку.

– Дада, – голос мой звучал хрипло, – дада, не надо! Не режь его!

Отец удивленно обернулся.

– Отойди в сторону, – сказал он, как говорил обычно.

– Дада, – срываясь, повторил я, обеими руками держа его за локоть, – пожалуйста, не убивай его!

– Уйди, я кому сказал! – он оттолкнул меня, и я упал.

Когда я подскочил и, утирая слезы грязными руками, бросился к отцу, из перерезанного горла сайгака фонтаном била кровь. Сайгак хрипел.

– Почему ты убил его? Ты... Ты жестокий...

– Заткнись, девчонка! Ты никогда не станешь мужчиной! Тряпка! Надо было сидеть дома, слабак! – отец вытер окровавленный нож о живот сайгака.

Не соображая, что делаю, я бросился сперва к сайгаку, потом развернулся и побежал в сторону дома. Отец кричал мне вслед, но я даже не обернулся. Я бежал, не разбирая дороги, слезы застилали мне глаза. Сейчас я не боялся ни отвратительных пауков, ни мерзких змей. Только что я видел нечто более страшное, ужасное. Передо мной стоял большой нежный глаз сайгака, искаженный болью, с застывшей внизу слезинкой, его трепещущиеся от частого дыхания ноздри. Его взгляд упрекал меня, молил о помощи...

Когда я, плача, прибежал домой, меня встретила бабушка.

– Да умри у тебя Баба, что с тобой? – воскликнула она. – Он ударил тебя?

– Мама! (Я, как и моя мать, называл бабушку мамой). – Мама, он убил сайгака... застрелил... потом зарезал...

Вечером отец сыпал комбикорм в корыта. Я медленно подошел к нему. Он оглянулся на меня и, не обращая больше на меня внимания, продолжал свою работу.

– Дада, – тихо произнес я, – тебе помочь?

Отец отставил ведро в сторону, посмотрел по сторонам, не видит ли кто, подошел и положил мне на голову руку.

– Зря я тебя взял сегодня с собой, – сказал он и печально добавил, не отвечая на мой вопрос: – Да, сынок, тяжело тебе будет жить, тяжело...

Моя злость на него давно прошла. Когда я увидел его, возвращающегося с охоты, с тяжелой тушей на плечах, уставшего, вспотевшего, чем-то подавленного, я уже пожалел, что обидел его. До самого вечера я избегал встречи с ним.

В тот день я впервые понял, что жизнь не столь безоблачна и беззаботна, как я до сих пор представлял себе...

Перевод с чеченского автора.

Бибиева Марьям**Лайн чимаш**

Геннахь стиглахь берийн дуьхьа
Сурт диллина, куц дина,
Лайн чимаш ду каде хьийзаш,
Лайтта кхача барт бина.

Уьш йовхонах хьакхалушшехь
Дешаш тарло бецан тхих,
Тамехь кьизга берийн юьхь тIехь,
Сихха легаш бецан хих.

Буьрса хьийзаш, ловзуш догIуш,
Вовший ца еш новкьарло,
Жимаь-воккхь эсал хьостуш,
КIад ца луш, кьа хьегало.

Кегий бераш арадевлла,
Басах хакха салазаш,
Вовший детта лайн межаргаш,
Нийса хьежош, цхьаь лазош.

Самукьане карзахдаьлла
Мара хьерча царна луо,
Лай-бабас а юккьехь лайтташ,
Нанас санна йовхо ло.

Иза хIинца паргIатъяьлла –
Доггах лайтта гIаролехь,
Берийн дахар серладаьлла –
Дехий хаьа маршонехь.

Кху дийне вай далийнчарна
Баха лаьа баркалла,
Таханчул а кхане хуьлда
Ирсе мехкан бераллин.

Ган лаарах чаккхе йоцчу
ХIорда йистехь лайтта со.
ТулгIенаша кIеда хьостуш
Дог цхьа тамехь деттало.

Сихчу мохо ловзабоккхий,
ТулгIеш лобхку генна схьа.
Со лайттачу сихха кхочий,
Эсал хьерча когех сан.

ХIорде хьобжуш, дуьхьал хIуьтту
Йинчу мехкан сибаташ.
Мел хилларг а карла доккху,
Ойла керча генна дIа.

Курра лайтта лекха лаьмнаш,
Маьхза децаш халкьана.
Кийра Iабош шовданаш а... –
Лайтта церан хьесапдеш.

Безам, лерам доггах ларбеш,
Мерза яьккхи ирсе хан.
Дезар, тешам чIагIбан гIерташ,
Дайша хьийги хийла кьа.

Оьзда, маьрша хила хьехна
Лардайти дайн гIиллакхаш –
ТулгIенаша даьхьча санна
Кьайладевли Iадаташ.

ХIорд, ахь хьестарх дог сан мерза,
Керчаеш хьайн тулгIенаш,
Схьалахь «жовхIарш» бухара иэцна,
Ас лур дара халкьана.

Дагалецамаш

Шераш букар хIиттош,
Зама, хьо дIаихарх,
Аьртачу кIомсарша
Юьхь тIе тийсарх хершнаш.

Кьона хилла ойла
ДIа ца йолу соьха,
Яьхначу сан эвла
Кхойкху даго юха.

ДагадогIу сих-сиха
Ирзошка тхайн лелар,
Дадас хийла гарсаш
БайцIазамех дуцар.

СадоIуш гIелделла,
Бацалахь лекхачу,
Мобьтура тхо кхьачна
Майдана гIаларчу.

Денош юха лубьтуш,
Хилларш дуьхьал хIуьтту.
Меллаш лайтта дуьсу,
БIаьрхиш дуьра обьгуш.

Дахаро гайтинчо
Ойла тIома яьккхи,
Сингаттаман марзо
Генна кийра кхерсти.

Шераш букар х1иттош
Зама, хьо д1аихи,
Тесначу хершнашкахь
Б1аьрхиш дог1нех лийди.

Ненан дикалла

Вай нанойн дикалла
Йийцина вер а вац,
Х1оранна кьинхетам
Дозанаш долуш бац.

Вуй хаьа хийла а
Шен нанас хьастаза.
Хийла а ма ваьхна
Цо мара кьовлаза.

Дахаран мерза чам
Ненера кхаьчнарг бен
Хир ма вац дуьненахь
Хазаллин хастам беш.

Массо а хьаста дош,
Эсалдерг олура.
Г1иллакхехь лебеш мотт,
Х1оранна там бора.

Хан-зама д1аяьлла
Хьан хене тхо дирзи,
Х1етте а, нана хьан,
Марзонах ца леби.

Х1ораммо ненан сий
Езарца ойьийла,
И санна, г1иллакхций,
Ийманций дехийла.

Нана, гечдехьа

Нана, бехк ма билла
Кхетам ца хиларна,
Бер санна ларьеш, хьо
Мара ца кьийларна.

Оьздангал, доьналла
Хьан ц1ийца леларна,
Тхо хьобца нисдала
Даимна г1иртина.

Гадаташ лардайт
Масалшца дийцина,
Кьаночун лерам бан
Г1иллакхца гайтина.

Хьаша-да веанчахь
Новкьарло ца яйта,

Хьехар деш лерехь ахь
Меллаша кхетийна.

Халонаш г1ех1иттарх
Собарах ца йоьхна,
Дахаро ца хьестарх
Сий лардан Гамийна.

Ненан мотт пусар деш
Эсала бийцина,
Эхь, ийман хьехадеш,
Кьаналле йирзина.

Нана, ахь гечдехьа
Аларна: «Оффай а»,
Кхетам ца хиларна,
Ларьйан бер санна.

Зама

Г1аьно г1иллакх лобцуш
Б1аьстене кхайкхина,
Стиглахь г1ели дуьллуш
Букар дарц хьаьвзина.

Хено муьраш хуьйцуш,
Шераш ду д1ауьдуш.
Гиччош сирах дуцуш,
Деноша кьахьобгу.

Хиллачийн хьесап деш,
Лаятта кху оти чохь.
Чайнико узам беш
Кхерстачу ц1ара г1ехь.

Малх а болу кьайла,
Базбан дагна мохь.
Мел лелларг юха а
Гойтуш куьзганчохь.

Юха хьаста лиьна
Маьлхо з1аьнарш хийци,
Лечано садиьна
Дада г1ерташ соьца.

Делахьара г1емаш
Паналле яха д1а!
Ойла сайн кхерстачу
Б1аьрг тоьхна, ц1аерза.

Ойлано некьаш деш
Мичча а йигарх а,
Парг1ат яц махкахь бен,
Шеме со кхачахь а.

Аслан Шатаев**Приключения Читы**

Рассказ

Я все кричала и кричала, но никто не приходил мне на помощь. За это время я охрипла и боялась, что скоро мой голос вообще пропадет и тогда меня уже никто не услышит. Не знаю, за что меня здесь замуровали. Это было хорошее место, чтобы спрятаться, спрятаться от Великанов, но для меня оно стало ловушкой.

Великаны. Им нельзя доверять. Так говорила мама. Поэтому от них надо прятаться. Я так и сделала. Спряталась в темном месте под лестницей. В темноте они не так хорошо видят.

Правда, не от всех нужно прятаться. Не все они плохие. Есть и хорошие. Это самые большие и широкие. Они ходят медленно. Такие иногда меня кормят. Как-то один Великан привел меня к себе домой и покормил. Тогда я и подумала, что не такие они и ужасные. Но стоило мне скушать всего одну маленькую рыбку в какой-то коробке с водой, меня тут же побили и выгнали на улицу. Я думала, может, они просто играли со мной? Подходила к их дому, но, едва завидев меня, они тут же начинали шипеть, махать руками и прогоняли. Не понимаю я этих Великанов. Они дикие, злые и жадные.

Самые опасные из них – это маленькие и быстрые. От них лучше держаться подальше. Они так и норовят схватить за шкуру, подергать за хвост, лапы и уши. Именно такие Великаны увели куда-то мою маму, засунув ее в мешок. После этого я ее не видела.

Великаны закрыли меня в темном месте под лестницей. Я пыталась понять, зачем они это сделали. В конце концов пришла к выводу, что они так со мной играли. Но игра затянулась. Может быть, они не умеют играть?

Сначала я сама пыталась выбраться. После тщетных стараний я начала кричать. Я слышала, как Великаны проходили мимо, но никто из них даже не попытался мне помочь. Иногда, чтобы хоть как-то отвлечься, я играла с камушками на полу. Бывало, так увлекусь, что забываю, где нахожусь.

И вот, стою я у преграды и зову уже который раз на помощь. Голос мой стал слабеть и походить на предсмертный писк мышонка. Я уже ни на что и не надеялась. Но тут мой нос учуял приятный запах. К месту моего заточения приближался Великан. Видимо, он услышал мои мольбы.

Великан подошел ближе и позвал меня:

– Кис-кис-кис!

Мне всегда было интересно, почему они нас так называют? И вообще, язык Великанов очень сложный. Они произносят слишком много лишних звуков. Почему просто не сказать «мяу»?

Великана я не видела. Но запах был хороший. Это была женская особь. Они, в отличие от мужских особей, добрые.

– Мя! – ответила я, не в силах произнести последнюю букву «у», но надеясь, что меня поняли.

Великан по другую сторону преграды начал громко шуметь. Я испугалась, ушла вглубь и спряталась получше.

Вдруг моя темница озарилась ярким светом. Я сначала не поверила своим глазам, поморгала ими, но свет никуда не делся. Как оказалось, Великан устранил преграду.

Великан был ни большим, ни маленьким. Поэтому трудно было сказать, хороший он или плохой. Чтобы Великан не понял, что я живая, я замерла на месте.

– Кис-кис-кис! – опять позвал он, протянув ко мне свою лапу (может, в ней еда?).

Я неуверенно двинулась к нему, в случае чего готовая юркнуть обратно.

Великан, вроде, был доброжелательным, так что я набралась храбрости и подошла к нему, обнюхала его лапу и с разочарованием уселась. Еды в ней не оказалось. Тем не менее я благодарно облизала его пальцы. Ведь он меня вызволил.

Великан взял меня на руки и, поглаживая, стал что-то рассказывать. Я в ответ рассказала свою историю. О том, как я родилась, как пережила смерть братика, как куда-то увели остальных моих братьев и сестер, а также маму, как все это время просидела в темном, сыром и холодном месте без еды и воды. В общем, излила ему всю душу. Мне ужасно хотелось есть. Можно было пойти на помойку и найти что-нибудь. Еда там, конечно, не первой свежести, но после того, как я столько проголодала взаперти, мне было уже все равно, что есть. Лишь бы набить чем-нибудь животик. Но я осталась с Великаном, продолжая красноречиво рассказывать о своей нелегкой жизни. Похоже, тому моя история понравилась. Морда Великана была симпатичной. На голове длинная шелковистая шерсть, спускавшаяся ниже плеч.

Когда мы закончили разговор, Великан встал вместе со мной и повел меня на улицу. Я тут же вспомнила про своих братьев, сестер и маму. Их тоже вот так куда-то унесли и больше я их не видела. Я тогда думала, интересно, что с ними сделали? Может, съели? Эта перспектива меня не радовала, поэтому я стала кричать, чтобы меня отпустили, и брыкаться. Но Великан сжал меня сильнее.

Великан залез вместе со мной в какую-то огромную коробку, и мы куда-то на ней поползли. Я уже было свыклась с мыслью, что меня съедят. Сопротивляться Великану бесполезно. Он слишком сильный. Я не упускала ни малейшей возможности сбежать, когда он ослаблял хватку. Но все тщетно.

Пока мы ползли, я смотрела через прозрачную стену на улицу и удивлялась тому, как много существует пространства. И везде коробки: стоящие, лежащие, ползающие. Во всех этих коробках прятались Великаны. От кого они прятались? Ведь они большие, сильные, им никого не нужно бояться. Это таким маленьким, как я, нужно прятаться.

Коробка остановилась. Мы вышли и зашли в стоящую коробку, побольше. Внутри пахло разными вкусами. И рыбой, и птицами, и мышами, и мясом, мясом, мясом... Запах мяса был везде и было его много. Такое впечатление, что я попала в кошачий рай. В животе тут же заурчало.

Кушать! Я совсем забылась! Великан собирался меня съесть! Так вот куда они приносили моих близких! Они приносили их сюда и ели здесь!

Но почему сюда?

Знаю! Они скармливают нас своим детенышам! Как моя мама приносила нам мышей и кормила ими!

Детенышей я пока не видела. В этой коробке, кроме Великана с симпатичной мордой и меня, было еще трое Великанов. Но маленьких среди них не было. Возможно, они спрятались где-то, как мы это делали с братьями и сестрами, когда приходила наша мама с мышкой в зубах. Она нас учила всегда прятаться, чтобы потом застать мышку врасплох. Бросала мышку на землю, а мы нападали на нее, немного играли с ней, а потом съедали. Иногда мышке удавалось сбежать. Может, и мне удастся?

Великан не выпускал меня из рук. И детеныши Великанов не приходили меня есть. Мы взяли какие-то вещи у другого Великана и вышли. Я с облегчением выдохнула. Великан, заметив это, погладил меня, оскалив клыки.

Вскоре мы добрались до еще одной коробки, больше, выше, с лестницей, примерно такой же, под которой жила я.

Наконец, наше путешествие, как мне хотелось верить, подошло к концу.

Великан занес меня в коробку поменьше. Коробка внутри коробки. Вероятно, это был его дом.

Меня все еще не выпускали из рук.

Ко мне подошел другой Великан, теперь уже мужская особь. Должно быть, он меня и съест!

Я сильно вжалась когтями в самку, чтобы она меня не отдавала самцу. Видимо, той это не понравилось. Она зарычала и бросила меня на пол. Я со всех ног бросилась куда глаза глядят. Самец бросился за мной.

«Вот она, охота на мышку! – подумала я. – Только в роли мышки – я сама!»

Я спряталась за мягкой коробкой. Великаны пытались достать меня руками, но у них ничего не выходило. Тогда они отодвинули коробку. Я выбежала с другой стороны и спряталась за другой коробкой. На этот раз голодному самцу удалось меня достать. Он схватил меня двумя лапами и поднес к своей морде. Все, подумала я, конец мне!

Однако он просто погладил меня, видимо, чтобы успокоить, и потерял своей мордой о мою, будто принюхивался. К моему изумлению, есть меня он не стал.

Может, я не аппетитно пахну?

Мне стало обидно.

Самка тоже подошла и погладила меня. Если самцу я не понравилась, меня могла съесть самка. Мама тоже так делала, когда мы не кушали свою трапезу. Не пропадать же зря добру.

Я стала рассказывать им сказки, которые нам рассказывала наша мама перед сном. Вдруг им понравится, и они решат не есть меня вовсе?

Так и случилось. Мои сказки им понравились. Самка положила что-то очень вкусное в коробочку с углублением. Пахло «кошачьим раем», в котором мы были. Я забыла про все на свете и напала на еду. Было очень вкусно. Не то, что эти помои, которыми я питалась в последний раз.

После трапезы я пила воду до тех пор, пока чуть не лопнула.

Когда я закончила, в голову опять полезли дурные мысли. Еще рано расслабляться. Для чего они привели меня сюда, из такого далека? Зачем я им нужна?

Разбираться со всеми этими вопросами я не стала, так как ко мне стал приближаться самец, протягивая ко мне свои лапы. Я дала деру и спряталась где-то, где, как мне казалось, было безопасно. Оттуда никто из Великанов не мог меня достать. К моему убежищу подходили то самка, то самец, протягивали ко мне свои лапы, потом кричали, шипели и даже пытались говорить на моем языке. Говорили что-то вроде «мяу-мяу-мяу», хотя, чтобы выманить меня, надо было сказать «мйаааууу», с просящей интонацией. Меня не проведешь!

Но я все равно попалась! Какие же хитрые эти Великаны! На какое-то время они затихли. Потом я услышала такой звук, словно где-то скребет мышь. Я наострила уши, пригнулась, расширила глаза, чтобы лучше видеть, и резко выскочила из укрытия, чтобы застать свою предполагаемую жертву врасплох.

Тут они меня и схватили! Я пыталась освободиться. Самец Великана держал меня крепко. Я подумала: «Все! Теперь они точно меня съедят!»

Вместо этого самец стал меня гладить. Подошла самка и тоже меня погладила. Я глянула в морду самца. У нее было такое же выражение. Я наблюдала за Великанами и заметила, что они делают так, когда довольны. Неужто они довольны тем, что гладят меня? Может, не все так плохо, как я себе представляла?

Так я нашла свой дом. А еще они дали мне имя. Они назвали меня Читой.

Дебют**Марьям Хадысова**

Родилась в 1991 году в г. Грозном. Окончила среднюю школу с отличием в п. Нижняя Кондурча Самарской области. Студентка химико-биологического факультета ЧГУ. Стихи пишет с детства, пробует свои силы в прозе, а также сочиняет музыку, играет на гитаре и поет. В журнале публикуется впервые.

На перепутье

Нечто большее, что-то за гранью –
У меня не хватает слов!
В шуме ветра не слышны стенанья...
Уходи, если ты не готов!

Уходи! И не смей возвращаться!
Этот путь – он один! Навсегда!
Только сильный сумеет остаться
И сумеет дойти до конца!

Только сильный не сложит крыльев,
Принимая их черный цвет!
Только тот будет жить, кто знает,
Что обратной дороги нет!

Лишь того, кто не знает страха
Перед Бездной и Высотой,
Не пугает палач и плаха
И не манит дорога домой.

Только тот, кто без всякой надежды
Смотрит смерти прямо в глаза,
Достигает врат Рая прежде,
Чем успеет сорваться слеза.

И пройдя через них без стука,
Оглядевшись по сторонам,
Скажет тихо: «Какая скука!» –
И свободу даст черным крылам.

Рухнет наземь, пройдет сквозь камни,
Очутится в глубинной тьме,
Где несут свое наказание,
Очищаясь веками в огне.

Но огонь его не коснется,
Не согреет и не обожжет.
Даже сердце быстрее не забьется,
И он в сотый раз молча уйдет.

Это странник без сна и покоя!
Бесконечно блуждать меж миров,

Упиваясь потоками боли,
Ты как он, скажи мне, готов?

Ты сумеешь пройти сквозь пламя?
Проплывешь океаны вод?
Ты удержишь под солнцем знамя,
Неотступно шагая вперед?

Если нет – то, пока не поздно,
На засов эту дверцу запри!
Для кого-то горят в небе звезды,
Кто-то – вместе с ними горит...

А я никогда не умру:
Я – ветер в твоих волосах,
Роса на траве поутру,
Я – искорка счастья в глазах!

Я – смех беззаботной души,
Я – песня прибрежных волн,
Я – свет маяка в ночи
Для тех, кто с пути сошел...

Я – жаркое пламя костра,
Что греет в лютый мороз,
Я долгая память твоя,
Я – твой безответный вопрос!

Не плачь! Меня нет, но я – здесь!
И я никуда не уйду!
Мое имя в памяти есть,
А значит – я не умру!

Мухамед Нзовафед
Кабардино-Балкария

Мухамед Нзовафед (псевдоним) родился в 1986 году. Окончил Литературный институт им. Горького. Работает редактором отдела публицистики журнала «Ойхомахо» (Нальчик). Пишет на кабардинском языке. Участник 3 Совещания молодых писателей Кавказа в Домбае (2010).

Пока живу, буду помнить

Рассказ

Я гулял по осеннему парку, мерз в наплывах холодного ветра и казалось, что вместе с телом зябнет и ежится душа. Не знаю почему, словно повинуюсь потаенному призыву, я свернул с аллейки и пошел к высокой ели, одиноко грустившей в стороне от остальных деревьев. Шепот сухих листьев в траве напоминал мне о сладком запахе весны, и прошлое, как будто отражаясь в роднике, мерцало в моем сердце. Как бы я хотел вернуться в безвозвратно ушедшие дни. Но мне до них не дотянуться, как не добраться до вороньего гнезда на вершине огромного ореха. Я не сравниваю птичью кладку с тем, что потерял, что казалось мне счастьем. То, что ускользнуло из моих рук, было гораздо ближе, чем свитое на самой верхотуре гнездо. Нет, я ни о чем не сожалею, и не я первым заметил, что прошлого не вернуть. Но мысли о прошлом владели мной, приглушая картины настоящего и заставляя обращаться к памяти...

...Жаркий летний день. Это был первый день моего отпуска, который я решил провести в Домбае. Горные тропы в окрестностях пансионата разбегались в разных направлениях, везде хотелось побывать, все посмотреть. Я долго бродил в одиночестве, не чувствуя усталости, сердце было готово выпрыгнуть из груди, губы сами собой расплывались в улыбке. Странное волнение, словно в предчувствии чего-то необыкновенного, я объяснил себе случайной встречей – в гостиной пансионата на одном из диванов сидели три девушки. Хорошеньких девушек на свете не сосчитать, но истинная красота и обаяние проявляются только в сочетании с хорошим воспитанием. Именно этим – степенностью, простотой и одновременно изысканностью манер отличалась одна из сидевших на том диване. При взгляде на нее в моей голове вспыхнули тысячи мыслей, и мне стоило значительных усилий, чтобы заставить себя отвлечься, направляясь в столовую.

На следующий день после завтрака мы с моим новым знакомым отправились на пешую прогулку. Воздух был чист и приятен, взгляд наслаждался игрой солнечных лучей на снежных макушках и зеленых боках гор-великанов. В сердце поднимался восторг, когда я смотрел вниз на бурлящий горный поток. Напористые, ликующие звуки, издаваемые речными волнами, слышались, словно музыка, созданная и исполняемая не только на наших глазах, но, казалось, и при нашем участии. Все вокруг было ново, удивительно, маняще... Вдруг взгляд мой выхватил из золотого сияния неба тура, застывшего на вершине горы. Он был настолько свободен и горд, что мог с полным правом смотреть на всех сверху вниз, как будто подобных ему в этом удивительном

горном краю нет. Этот день был насыщен впечатлениями, как прозрачный воздух высокогорья золотом июньского солнца.

Мне уже не верилось, что в моем возрасте еще возможны мечты, любовь. Я вообще считал ее выдумкой, думая, что так называют влечение к новому, неизведанному. А когда новизна притупляется, между двумя людьми не остается ни уважения, ни общих интересов, ничего, что удерживало их какое-то время вместе. Так твердил мне рассудок, а между тем душа рвалась к ней – к девушке, случайно увиденной в гостинной, глаза при встречах не могли на нее наглядеться. Таких встреч было мало, виделись мы в основном в столовой. Особая статья отличала ее среди девушек за столом. Я не берусь сравнивать ее прекрасные глаза с чем бы то ни было, и все-таки иногда их блеск напоминал мне последние яркие всполохи закатного неба. Я заметил в ее глазах чистый блеск свободного и прекрасного создания природы, не изведавшего нрава плохого человека.

– Брат, а что ты там так упорно разглядываешь? – спросил сидевший со мной за одним столом мой новый приятель, земляк-черкес по имени Зураб. Вместо ответа я кивнул в сторону девушки. – А-а, кажется, ты серьезно увлекся чеченской красавицей, – улыбнулся Зураб.

– Конечно, а как ты думал! – ответил я и подумал, что мне до сих пор и в голову не приходило поинтересоваться, какой она национальности.

В это время за наш стол присел знакомый карачаевец, и разговор о девушке прервался.

– Как себя чувствуют наши гости? Трапезничаете?

– Говорят, в компании с черкесами любая еда хороша. Даже если ты только что из-за стола, поешь с нами, – пригласил Зураб.

– Кушайте на здоровье, – вежливо отклонил приглашение наш знакомый. – Я только хотел напомнить, что в семь часов мы с друзьями собираемся на прогулку, присоединяйтесь, будет весело.

Мы с Зурабом согласились, а парень заспешил по каким-то своим неотложным делам.

Когда на душе радость, время летит незаметно. В тот вечер, сверх самых смелых ожиданий, на прогулке мне удалось познакомиться с девушкой, которая так властно захватила все мои мысли. Никогда не узнаешь до конца, что в душе у человека. Она, подобно черной земле, прячет в себе все. Начнешь искать, того и гляди обнаружится такое, на что никак не рассчитывал. Но мне казалось, что я влюбился в эту девушку. И душа ее казалась мне еще прекрасней ее милого облика, и поэтому мне хотелось узнать ее поближе...

Увлечшись беседой, мы с ней незаметно отстали от других. Высказывали то, что у каждого было на душе. Удивительно, но наши взгляды на многие вещи совпадали. Вскоре мы остановились у моста, внизу шумел бурный поток. Светильники, развешанные среди деревьев, отражались в воде мириадами острых осколков, вспыхивали, взлетали и таяли в вечерней темноте. Почему-то и воду мне захотелось сравнить с ее прекрасными глазами, впервые увиденными мной так близко. В какой-то момент наши взгляды встретились, и моя спутница тут же опустила веки. Но я все равно заметил, какую нежность таили эти глаза.

– Мне... мне кажется, – запинаясь, произнес я негромко, – что ты не похожа на других. Но, по-моему, что-то тебя сейчас печалит...

– Да? – вскинула она ресницы. – А с чего ты это взял?

Я замялся, пытаюсь высказаться определеннее.

– Ну... не знаю... показалось...

Не обращая внимания на мое замешательство, она подошла ближе к берегу, махнула мне рукой.

– Посмотри, какая чистая вода, напиться бы...

– Я принесу тебе сколько угодно воды, напьешься вдоволь! – сказал я и неожиданно даже для самого себя добавил: – Дай только вдоволь наглядеться на твои глаза.

Девушка рассмеялась, и ее смех слился с песней горной реки и раскатился по всему ущелью. А ведь до сих пор я не то что смеха ее не слышал, но и улыбки не видел на ее лице.

– И в чем ты ее принесешь? У тебя же не во что набрать, – по-прежнему весело сказала она.

– В ладонях!.. Но ты, пожалуй, побрезгуешь. Подожди, я сейчас...

Оглядевшись по сторонам, я не заметил ничего такого, что могло бы послужить подобием сосуда для воды. Однако недалеко от реки светились окна многоэтажного корпуса – туда-то я и побежал в поисках кружки или стакана. Через несколько минут, также бегом, вернулся с фаянсовой кружкой. Словом, очень скоро желание моей спутницы было исполнено.

Она поднесла кружку к свету, то ли разглядывая на ней рисунок, то ли в воду глядела, затем поднесла к губам. Пила, не спеша, делая перерывы, вдыхая полной грудью воздух, улыбалась каким-то своим мыслям и снова делала глоток. Наконец сказала:

– Спасибо тебе... Вода – словно медовая. В местах, где редко бывает человек, острее чувствуешь красоту и чистоту.

– Это правда, – согласился я.

– Вода – лекарство для души!

– И это правда. Скажи, а что лекарство для сердца?

– А что, сердцу нужно лекарство?

Я отвечал, глядя в ее лицо:

– Знаешь, лекарством для сердца может быть только другое сердце, которое бьется в том же ритме и способно отдавать свое тепло.

Ее глаза, как мне показалось, горели ярче ночных фонарей. Я не мог сказать, какого они цвета – черные, голубые или зеленые, я видел только свет, идущий из их глубин. Мне захотелось взять ее за руки, почувствовать ее тепло. Нам никто не мешал, но я боялся, что она убежит, стоит мне только прикоснуться к ее пальцу. Не решаясь что-либо сделать, я все-таки немного подступил к ней и спросил:

– Фаида, ты веришь в любовь с первого взгляда?

Девушка смутилась, она опустила голову. Я ждал.

– Хочешь правду? – собравшись с мыслями, начала она. Я поспешно закивал, и Фаида продолжала: – Наверное, она есть. Я вижу, что ты в нее веришь. Не могу сказать, что разделяю эту твою уверенность. Мне кажется, любовь – как счастье, которое нельзя взять в руки. Она невесома и быстротечна, не успел оглянуться – ее уже нет. Как ты думаешь, почему в наше время распадается столько браков, люди, женившись по любви, расходятся? Любовь длится до тех пор, пока не остынет? А если нет теплоты, душевности, взаимного доверия, уважения между двумя людьми, самая пылкая влюбленность пройдет бесследно.

– Но ведь любовь и скрепляет все то, что ты сейчас перечислила, и не только это. Будет ли понимание, если изначально нет любви?

– Любовь, любовь... – вздохнула моя собеседница, – сколько о ней говорят, сколько романов написали, но никто так и не постиг ее до конца.

– Фаида, не обессудь, если мои слова покажутся тебе нелепыми, наивными, но в тебе есть что-то, я это чувствую, невидимое для глаза. Я не могу понять, что это. Никогда я еще не переживал подобного, никогда не был в таком состоянии. Конечно, тебе трудно в это поверить, мои слова могут показаться пустыми, не имеющими никаких оснований, ведь мы едва знакомы, по сути, ничего друг о друге не знаем. Можно ли в таком случае говорить о возникновении любви? Но, как говорится, пока лбом не стукнешься, не поймешь...

– Кто знает, может, так оно и есть, – задумчиво сказала Фаида. – В жизни ничему нельзя удивляться. Это жизнь. Неожиданно все может перемениться. На все воля Аллаха. Таковы люди, трудно узнать, что у них на сердце или что может прийти им в голову. Как узнать?

– Не знаю...

– Мне хочется верить в честность, искренность, но всему, что говорят, особо верить нельзя.

– Я понимаю, о чем ты говоришь. Поверь, я сейчас далек от притворства, да и вообще привык говорить то, что думаю.

– Не обижайся, но это неразумно. Нельзя произносить вслух все, что приходит в голову. То, что тебе кажется верным, правильным, может оказаться ошибкой, ложью... Не принимай эти слова на свой счет, я тебя еще плохо знаю, но кто привык слушать голос своего сердца, того побеждает надменность...

Она говорила, а я слушал ее нежный голос и думал, как давно мне не приходилось разговаривать с таким удовольствием, раскрывая душу и находя во мнениях собеседника отклики своим собственным суждениям.

Тот вечер был отдохновением для души. Для человека, которого сдавливает одиночество, подобное общение дорогого стоит. Окружившие нас горы, несмолкаемый говор чистой реки, шелест подсвеченной фонарями листвы, все звуки, запахи и цвета этого беззаботного мира завораживали, все было приятно и глазу, и сердцу, тем более – рядом была девушка, которая тебе нравилась, которую хотелось узнать поближе, подобную которой ты никогда не видел... Да, мир казался таким красивым, таким неизведанным и интересным именно из-за того, что она была рядом. Мы возвращались, устремив наши сердца навстречу друг другу, и молчали. В какой-то момент, поймав задумчивый взгляд спутницы, я сказал:

– Фаида, не могу поверить, что твои глаза видели войну. Такие красивые, такие неповторимые... Эти блестящие, словно звезды, глаза были даны тебе, чтобы дарить людям сладость, душевность, чтобы украшать этот мир!

Девушка одним взглядом остановила поток моих слов, и этим взглядом поведала все, что таила в своем сердце.

– Аслан, – тихо произнесла она, впервые называя меня по имени, – о чем ты сейчас думаешь?

– Признаться, я и сам не разберу, слишком много мыслей, чувств, сразу всего и не выразишь...

Мы замедлили шаг, затем остановились. Волнение охватило меня, слова вымолвить не могу, молча смотрю на нее. А она вертит в руках кружку, о которой я уже и не помнил, поворачивает к свету и пристально всматривается в маленькую красную розу на ее боку. Потом обеими руками протягивает кружку мне.

– Храни как память о нашем разговоре...

Я молча и растроганно принимаю подарок, девушка прощается и уходит.

Чувствуя, что в этот вечер я самый счастливый человек на свете, ухожу к себе...

Сколько на свете людей, у которых есть и почет, и богатство, но нет взаимопонимания, они ссорятся, обижают друг друга, дело иногда доходит до беды. А другие живут в мире и согласии, но нет здоровья... Человеку всегда чего-то не хватает. А разве не счастлив тот, у кого ничего нет, но он считает, что обладает всем, что равных ему нет? Вот в таком состоянии был и я. Просто чувствовал себя счастливым, не заботясь о том, какое определение можно дать счастью, в какие формы его облечь.

Просыпаясь ранним утром, я не мог дождаться вечера, потому что встречаться с чеченской девушкой Фаидой мы могли только по вечерам. Мы встречались на общих прогулках. И усталость моя пропадала, стоило взглянуть в ее глаза, да что там усталость – я забывал все! В ее глазах было столько нежности, добра, взгляд ее проникал в самое сердце, но не останавливался в нем, ширился, как бушующее море, захватывая и сотрясая все мое существо. А между тем отпуск подходил к концу, близилось время отъезда из пансионата. Думать об этом было мучительно, накатывала тоска, и я не знал, куда себя деть. Так было и в этот вечер. Я пришел на берег реки, где мы обычно встречались, и там, у высокой ели, стал ждать ее. Скоро на тропинке показалась ладная фигурка Фаиды, она спешила ко мне, словно почувствовав, что творится в моей душе.

– Привет. Как дела? – спросила она, подойдя и ободряюще улыбаясь.

Я протянул ей плитку шоколада и поздоровался, как обычно. Раньше у черкесов не было принято здороваться с женщинами за руку, у чеченцев до сих пор нет такого обыкновения. Таким образом, не нарушая обычая, держась с обеих сторон за скромный подарок, мы словно бы обменивались рукопожатием. Фаиду это удивляло, и каждый раз, участвуя в нашем условном ритуале приветствия, я видел в ее глазах уважение и радость, и от этого мое сердце увеличивалось, наполняясь гордостью.

– Дай Аллах тебе здоровья! Не нужно столько сладостей!

– Какой разговор... но, признаться, когда я протягиваю тебе конфету, а ты прикасаешься к ней, мне кажется, что я чувствую теплоту твоей души.

Фаида засмеялась мягким грудным голосом.

– Радуйся всегда, я не хочу, чтобы ты грустила...

– Я тоже хочу видеть тебя веселым и уверенным в себе. Но... когда мы разведемся...

– Этого я и боюсь больше смерти!

– Аслан, давай не будем думать об этом.

– Мы так недавно познакомились. Я не хочу терять тебя...

– Но что мы можем? Что тут поделаешь?

– Только смерти мы не можем помешать... Ты знаешь, что я тебя люблю!

Она покраснела и опустила голову. В тот момент я почему-то нашел в ней сходство с красной розой на кружке, в которой приносил воду в день нашего знакомства.

– Мне кажется, что мы никогда больше не увидимся, – прошептала Фаида, лицо ее стало печальным, огоньки во взгляде погасли.

– Не говори так: что зовешь – то и приходит!

– Не хочу, чтобы мы себя обманывали.

– Не понимаю...

– Аслан, не осуждай меня... Сила Аллаха велика – нельзя выйти за пределы предначертанного. Еще не придумали лекарство от смерти и от сердечных ран. Я бы хотела знать: когда человек умирает, помнит ли он того, кого любил? – она снова печально вздохнула. – Как быстро идет время...

– У нас еще есть несколько дней, – потерянно и обреченно сказал я.

Фаида подняла на меня грустный взгляд, и в этом взгляде промелькнуло сочувствие. И я смотрел на нее, смотрел, не отводя глаз, потому что боялся, что ее отнимут у меня, и любовь к ней обжигала душу. Отчаяние от скорой разлуки, чувство потери настигло и меня. На что нам было надеяться?..

– Фаида, я обещаю! Я найду тебя, где бы ты ни была! Ты только жди меня...

– Я буду ждать...

До позднего вечера мы простояли у нашей ели. Не припомню, чтобы я когда-нибудь спал слабше, чем в ту ночь. Счастьем, утешительными надеждами был наполнен мой сон. Но если бы я мог предположить, что принесет мне грядущее утро...

Проснулся я поздно, вышел во двор пансионата, но то, что с таким нетерпением искало мое сердце, не находили мои глаза. Ее не было ни в столовой, ни среди подруг... «Может, заболела?!» – подморозила сознание шальная мысль. Я долго бы метался по округе, не находя себе места, если бы ко мне не подошел мой приятель.

– Уехала твоя девушка. Собралась ни свет ни заря и уехала.

Мне сложно было ее понять. Почему она так поступила?.. Горечь обиды, сомнения и те, светлые чувства, – все перемешалось. Я много думал, прокручивал, словно видеоленту, последние события, слова Фаиды... но не находил объяснения.

Прошло время. От друга я узнал, что ее больше нет. Она была неизлечимо больна, но ничем не выдала своей страшной тайны. Господи, откуда у этой хрупкой девушки столько терпения... Так и не увидел я ее, приехал уже, чтобы постоять у могилы.

На кладбище было тихо, изредка тишину нарушали крики черных птиц. Надмогильный камень не отличался от других, но лежавший под ним человек не был похож ни на кого, близкий мне, только мой. Устала, казалось мне, отдохнет и вернется. «Пока живу, буду помнить», – шептал я, словно клятву, и губы снова и снова повторяли эти слова, и мне казалось, что я слышу ее мягкий голос...

...Я гулял в осеннем парке и остановился рядом с высокой красивой елью. Когда вижу такую ель, всегда вспоминаю Фаиду. Потому что это одно из немногих деревьев, что не теряет своей зеленой кроны, не боится ни летнего зноя, ни мертвящей зимней летаргии. И хотя нет больше на свете этой прекрасной девушки, она живет в моем сердце. У каждой мечты есть свой способ осуществиться. И мою мечту я не сравню ни с чем. Для меня эта любовь – как воздух, которым дышу. Я ее не потерял! Она была жива, так легко, так щедро наделяла счастьем.

Перевод с кабардинского автора.

*История***Саид-Альви Лулуев****Корни чеченцев**

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском лопнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Омар Хайям

Научно разработанной и общепризнанной теорией о происхождении нахских народов, установленной историко-архивными документами, наука не располагает, и это, конечно, досадное упущение. А ведь за последние десятилетия учеными-историками издано немало книг, доказывающих, что корни вайнахов уходят в Закавказье и в Переднюю Азию. Однако, несмотря на стройность и объективность данной точки зрения, у нее есть противники. Часть ученых, словно бы опасаясь чего-то, самоустранилась от обсуждения этой проблемы и занимает пассивную, наблюдательную позицию. Тем не менее вдумчивое изучение трудов на эту тему вынуждает согласиться с таким выводом: корни вайнахов, действительно, ведут в Переднюю Азию – Анатолию, Армянское нагорье, Северную Месопотамию. Туда, где в глубокой древности проживали предки почти всех коренных народов Северного Кавказа. В настоящее время исследователи – историки, лингвисты, антропологи, этнографы – фактически доказали, что входящие в одну языковую группу (иберо-кавказскую) вайнахо-дагестанские языки имеют глубокое родство с древними хуррито-ураритскими языками. Данные археологии подтверждают факт присутствия переднеазиатской группы населения и на территории Северного Кавказа. О том, что коренные кавказские народы имеют общие корни происхождения и в древности проживали в едином племенном союзе, писал еще в XI веке грузинский летописец Леонтий Мровели. Согласно его этногенетической концепции, народы Кавказа родственны между собой и ведут свое происхождение от одного предка Таргамоса. Указанный летописец в работе «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии») перечисляет имена восьми сыновей Таргамоса, от которых произошли кавказские народы. Картлос (самоназвание грузин) – прародитель грузин, Эгрос – адыго-абхазцев, Лекос – дагестанцев, Кавказос – протонахов (дзурдзуков)... Согласно Леонтию Мровели, пра-праправнук пророка Ноя (Ноха), мир ему, Таргамос разделил свою страну на землях Кавказа между сыновьями. Центральная часть Северного Кавказа – от Ломекской реки (Терека) вплоть до оконечности Кавказа, т.е. от впадения Терека в Каспийское море до Черного моря, досталась мифическому родоначальнику протонахов, Кавказосу, из протонахов позже выделились чеченцы, ингуши, бацбийцы, кистинцы, аккинцы, мялхи и другие.

Надо отметить тот факт, что построенная в общих чертах концепция единого происхождения, расселения и образования кавказских народов у Л. Мровели находит все большее подтверждение в выводах современных историков, археологов и лингвистов. Не противоречит этой концепции и высказывание немецкого ученого Иосифа Карста о том, что чеченцы – «перемещенный на Кавказ отпрыск великого гипербореико-палеоазиатского (переднеазиатского – Л.С.) племени, которое простиралось от Турана (Ирака и Ирана – Л.С.) через Северную Месопотамию (Северное Междуречье, Сирия – Л.С.) и в Ханаан... (Ближний Восток – Л.С.)». Рассмотрим некоторые факты.

В древности (II тысячелетие до нашей эры) в Малой Азии существовала «страна Тогарма – Торгома» (сравним с Таргимом вайнахов). Во II тысячелетии до н.э. в Передней Азии сложилось мощное хурритское государство Митанни, которое имело еще и второе название – Нахарина. По ассирийским источникам известно, что в Северной Месопотамии в эпоху Наири-Урарту (II – I тысячелетия до н.э.) существовала область Нахсуанна. Урартские письменные источники упоминают и город Нахариани-Нахриа. В верховьях Тигра, рядом с областью Диргуни, находилась область Бабанахи-Папанахи, название которой образовано от хуррито-урартских слов, означающих «горная страна». Обращают на себя внимание вторые части слов – нахи, что на современном чеченском языке буквально означает «люди, народ». Это значит, что Бабанахи-Папанахи в целом будет означать «люди горной страны». Компонент «нах», присутствовавший в перечисленных названиях, можно предположительно связать с именем «нахи» и отождествлять этих нахов Наири-Урарту и Нахсуанны с нахами Северного Кавказа, т.е. с современными вайнахами. О существовании Нахсуанны упоминается и в ассирийских источниках.

По данным греческих источников I-II веков, «Армянской географии» VII века на территории Северного Кавказа известны нахчаматьяне, соды (содойцы), аккисы (аккинцы), гаргареи. О них расскажем ниже. Отметим средневековое княжество Варанды в Арцахе (Карабах). В Чечне есть также село и крупное общество тайпа с названием Варанды. Одна из областей Арцаха называлась Кусти, что созвучно с грузинскими и армянскими названиями вайнахов – кусты, кистины. Столица княжества Варанды также именовалась Варанды, она была позже переименована в Чанахчи. Представляется, что это не случайность. А корень слова «Арцах» – арц – по-чеченски означает «гора». Не случайно и то, что у вайнахов сложилось выражение «арцах вала», что означает «перейти гору», «прийти на помощь».

В средневековой Армении находились княжества Нахчери, Сода, Аке. Сравним их с чеченскими обществами нашхой, садой, аккхий. Кроме фонетического сходства, здесь возможна и генетическая связь.

Термин «нахчаматьяне» понятен каждому, кто знает чеченский язык. Анализируя этот термин, ученые едины во мнении, что он состоит из двух частей – «нахча» и «мат», что означает «нахский язык» (нахоязычные люди). По мнению академика К.П. Патканова: «Для историков и географов должно представлять собой интерес название чеченского племени», – тем самым подтверждается факт соответствия термина национальному племени и его давность.

Нельзя не отметить предания о появлении вайнахов на современной территории проживания. В одном из таких преданий город Нахичеван в Закавказье называется исходным пунктом переселения чеченцев, потомков сирийского царя Саид-Али в 685 г. Примечательно, что в Малой Азии, на территории современных Ирана и Сирии, находятся также населенные пункты с названием Нахичеван. Считается, что этот термин означает «отечество».

В античном Маннейском государстве существовал город Дурдукка. По мнению академика Г.А. Меликашвили, автора монографии «Наири-Урарту», академика Б.Б. Пиотровского, И.М. Дьяконова, К.З. Чокаева, С.-Х. Нунуева, маннейцы – это хурриты, которые в свою очередь являются предками дзурдзуков, носящих название от имени Дзурдзук – наиболее могущественного и именитого «из всех сыновей Кавказоса», общепризнанного предка нахских народов. Древние грузины страну нахов называли его именем Дзурдзукетия.

Исследуя тему корней вайнахов нельзя рассматривать ее вне присутствия грузинского фактора.

По утверждению грузинского профессора И.А. Джавахишвили, а также академика Н.Я. Марра – почти все горские племена Грузии – сваны, мохевийцы, пшавы, бацойцы, двалы, тушины, кахи – это огрузинившиеся нахи. С ними согласны многие исследователи и представители самих этих этносов. В пользу указанного утверждения свидетельствует такой факт. Более двух тысяч лет назад первый царь Грузии Фарнаваз был женат на дзурдзучке. А их сын Саурмаг, второй царь Грузии, за оказание помощи в удержании его на престоле в борьбе с местными эриставами (князьями), родственникам матери – нахам, подарил земли Тушетии, Двалетии, Хевсуретии, Мохевии, Сванетии, Кахетии... Об этом свидетельствует Л. Мровели в «Картлис Цховреба». Утверждения маститых ученых подтверждает топонимика указанных областей, а также языковые элементы в языках указанных племен, их культура и уклад жизни. Многие горцы Грузии знают и признают это.

«Армянская география» VII века, автором которой считается Ананий Широкаци, перечисляет 53 народа, жившие на Кавказе. Среди них под №8 указаны нахчаматьяне, под №26 – канары, под №29 – кусты, под №23 – двалы, под №27 – туши, под №31 – цховаты. Грузинский ученый А. И. Шавхелашвили, признавая нахскими племенами нахчаматяян, кустов и цховатов, пишет о последних, что они «некогда переселились из горной местности в Кахетии (в Алвани)». Отметим племя канаров. Первоначально они занимали район на севере от Тбилиси – до горы Казбек. В I веке н.э., по сведениям римского историка Гая Плиния Секунда, канары (санары) расселялись в районе Дарьяльского ущелья и к югу от него, рядом с тушинами и двалами. Через земли канаров пролегали пути к перевалам Центрального Кавказа, открывались пути на север. Канары (санары) упоминаются в арабских источниках как племя, оказавшее упорное сопротивление арабам в VII – IX вв. В 843 г. у входа в Дарьяльское ущелье немногочисленные воины – канары, предки нынешних представителей тайпа ч1аьнтий, разбили 120-тысячную армию прославленного полководца Буш аль-Кабира. (Летопись Грузии. Перевод Г. Цулая, 1980, с. 49). «Цана» по-чеченски – это трава для покоса. Р – указатель места покоса. Термин «канары» означает «мужественные горцы с места покоса». (В.Ф. Минорский)

Согласно утверждению Л. Бабахяна, нахское племя двалов впоследствии (XI век н.э.) влилось в состав южных осетин. Указанные обстоятельства свидетельствуют не только о наличии нахского массива в составе аланской государственности, но и о воздействии на этногенез осетин этнических элементов нахов и их участия в формировании осетин (дигорцев) наряду с евреями-маздакитами. Об этом писали Л. Мровели, Лев Гумелев, К. Чокаев. Это признает и представитель осетинского народа, исследователь аланистики К.Е. Гагкаев (И. Сигаури). Об этом же свидетельствуют армянские и грузинские исследователи, подразумевая кавкасиан (нахов) и современных чеченцев преемниками аланской государственности.

Современная историческая наука считает осетин смешанным (кавказо-иранским) народом, по происхождению из местных протонахских племен дигорцев, иров (эров) и пришлых евреев-маздакитов. Однако сами осетины называют себя прямыми потомками алан.

Вокруг аланистики идут большие дискуссии, и нет единого мнения о наследниках. Аланы появились на Кавказе в первом веке н.э. и представлялись воинственным племенем, чего не сказано об осетинах. В составе Хазарского каганата они образовали Аланское царство (VI – XIII века), просуществовавшее вплоть до нашествия тюркских завоевателей. Оно представляло союз племен, основным субстратом которого был нахский этнос, и письменность в царстве велась на нахском языке. Л. Мровели в своем труде не упоминает об этом,

но указывает, что хазарский царь Урбанос своему сыну Уобосу, женив его на своей племяннице, подарил земли Кавкасиан, т.е. предков вайнахов. В сфере освещения данного вопроса важные сведения представляют рукописи «аланского представителя племени нохчий», как подписывался их автор Аздин Вазар. Вазар родился в 1395 г. в семье чеченца Аздин и в семилетнем возрасте был направлен в Египет изучать ислам. Его рукописи на арабском языке, как сообщалось в прессе, найдены в архиве мечети аль-Азхар в Каире. В рукописях описываются границы и земли расселения аланских вайнахов: к северу – от реки Куры и Тушетии, от реки Алазань и Азербайджана – до северных пределов Дарьяла и течения реки Терек, от Терека и Каспия – до реки Дон. Всю равнину от Каспия до Дона он называет Сатай. В рукописях упоминается 46 чеченских тайпов и некоторые населенные пункты Алании: Мажар, Дади-ков, крепость Баланжар, Балх, Малка, Нахиах, Макажа, Орга (Аргун) Терки, остров Чечень и т.д. Везде вайнахи и аланы для Аздин Вазара полностью тождественны, подобно тому, как немцы и германцы, дагестанцы и аварцы в современной исторической этнографии.

От пророка Адама до пророка Ноха (Ноя), мир им, человечество разговаривало на одном языке. На каком? В чеченском языке слово «адам» не только имя, но и обозначение людей, человека, человечества. Кроме того, внутреннее духовное состояние (человечность) также включается в спектр моральных, нравственных законов и обычаев этнических вайнахов (адамалла нахчалла), составляет их менталитет и национальную идеологию, некий кодекс нохчалла, который идентичен по духу человечности (адамалла), но шире его по содержанию. Не случайно, что чеченское слово «къамел» (разговор, речь) состоит из двух частей: «къа» (грех) и «мел» (воздаяние, награда за добродетельность). Действительно, при разговоре человек часто допускает грех или приобретает основания для вознаграждения Творцом, который подарил нам великое счастье общаться между собой, зарабатывать в повседневной жизни своего рода багаж для потусторонней жизни. «Творите добро и живите по совести!» – завещал великий пророк Ноха, мир ему. У кого совесть чиста, тот «думает хорошо и мысли его созревают в добрые поступки». Носитель такой сильной, красивой и устойчивой идеологической совести угоден Богу. Такую идеологию пророк Ноха, мир ему, проповедовал своему народу 950 лет. Но этот народ, погрязший в грехах и неугодных Богу делах, не внял его наставлениям, и Творец решил его наказать. Для спасения своего посланника и его послушников Он дал указание построить большой Ковчег (корабль), на котором пророк Ноха, мир ему, вместе со своими сторонниками спасется от потопа, найдя пристанище в Араратских горах Кавказа. Араратом называлась гористая местность всего Кавказа. Арара Латта на чеченском языке означает «внешняя земля, страна». Сыновья Ноя (Ноха) – Сим, Яфет и Хам – множась семьями, расселялись на землях Кавказа, занимались земледелием, скотоводством. От них пошли все языки мира – семитические, яфетические и хамитические. Несомненно, в прошлом эти языки не имели значительных расхождений, ибо были от единого языка – языка пророков Адама и Ноя, мир им. Но более близкими к праязыку являются яфетические. Чеченцы являются яфетидами, а их язык более близок к праязыку. Сравнивая схожесть нравов, уклада жизни, традиций нахов и языковые параллели с адамовыми детьми до и после Великого Потопа – с заветами пророка Ноха (Ноя), мир ему, исследователи отмечают, что это не простая случайность или фонетическое сходство. Напротив, это обстоятельства, позволяющие считать чеченцев главной генетической ветвью потомства Нохи (мир ему), при этом слово «нахи» производно от его имени. В пользу такого утверждения и кораническое о том, что нет народа, к которому

не являлся бы посланник с увещеванием от Аллаха на их языке. Кроме того, многие шумерские и кавказские топонимы и гидронимы находят объяснение с помощью нахских языков. Например, город Хой на северо-западе Ирана, как и село, и родовое общество (тайп) в Чечне, обозначает «стражи, стражники». От них отделились хевсуры (войско стражников). Населенный пункт Гергер и одноименный этнос означает «родственный». Арин Берд на равнине близ Еревана (Эребуни) означает «Холм на равнине». Эребуни – это «Свободное жилище», построенное 3 тысячи лет назад предками нахов, эрами. Об Арцахе, Аранцахи и Эрасхи сказано выше. Хурритский город у озера Урмия, называемый Дурдукка, образовался от нахских слов «дурьа дукъ», означающих «соленое место». Связано это с тем, что вода в Урмии была соленая, и из нее добывали соль.

Потомки выходцев из долины между двумя реками Тигр (Аранцахи) и Евфрат (Эрасхи) образовали новую цивилизацию, в состав которой входили и предки нахов. После наступления стабилизации и подходящих условий яфетические нахи постепенно вернулись в исходное место, в Междуречье. Там, впервые в истории современной цивилизации (на 500 лет раньше китайцев), они образовали государство, известное из Библии как Шумер. Жителей этой страны называли шумерами, а сами они разговаривали на хурритском языке, ибо коренным субстратом народов этого государства были хурриты. Долину между двумя реками они называли Сеннаар, что означает «Синяя долина». Следует обратить внимание на то, что чеченцы, несмотря на зеленый цвет травы, подчеркивая плодородность местности, называют ее «сийна бай», то есть «синяя трава». Вероятно, произошло такое выражение в древнем Междуречье (в Шумерии) в результате того, что зеленая, плодородная, изобильная равнина, долина между реками Тигр и Евфрат, первоначально носившая нахское название, была центром государства. В результате частых и обильных дождей над реками поднимался пар, превращавшийся в туман, в свете которого долина казалась синей, и поэтому была названа так – Сенаар.

Неграмотные и не подверженные чуждой идеологии старики, наши деды, говорили: «Вай Шемара сьха даьхкина» (Мы пришли из Шема). Эта страна располагалась на территории современной Сирии, восточной Турции, Ирака и западного Ирана. Место своего прибытия и проживания они называли Декъаста. Слово «Декъаста» состоит из двух частей – «дакъа» (удел, часть, доля) и «йист» (край). Уделом земли предков считали «страну солнца» Шумерию (Шема), его краем – гору Кавказ, включая территорию Северного Кавказа. Это свидетельствует о том, что под словом Декъаста (не ДегIаста, как называют некоторые ошибочно) наши отцы подразумевали не собственно территорию современной Чечни и не Дагестан (схожий термин), а территорию почти всего Северного Кавказа.

Шумерское (Ассирийское) государство также известно тем, что там, с 1792 по 1750 годы до н.э., правил царь Хаммурапи, известный своими знаменитыми законами, изложенными на большом камне клинописью. Просуществовав почти две тысячи лет, Шумерия (Месопотамия, Междуречье, Ассирия) под натиском кочевых племен запада распалась. В результате этнических передвижений (миграционных процессов) в верховьях Тигра и Евфрата с XVI по XIII века до н.э. образовалось хурритское государство Митанни. После Египта оно играло главную роль в политической жизни Передней Азии. Его первым царем становится Шуттарна I. В конце XV века при царе Артадаме происходит сближение Митанни с Египтом. Затем дочь царя Тушратты Нефертити – знаменитая «Грядущая красавица» – выходит замуж за фараона Аменхотепа IV, который известен своими оригинальными реформами, критикой пролития

крови в войнах и введением новой религии единобожия (поклонение Солнцу) со сменой своего имени на Эхнатон, что означает «угодный Богу (Солнцу)».

В IX веке до н.э. в Закавказье, на Армянском нагорье, в районе озера Ван появилось мощное хурритское государство Урарту (библейский Арарат). Первоначально его столицей была Арзашку. Впоследствии она была перенесена в город Тушпа (современный город Ван у озера Ван). Сами урартийцы называли свою страну Биайна, а их самоназвание было биайнили (сравним с созвучным чеченским термином беной). Кроме того, южнее современной Армении существовала область Андиа-Бена. Восточно-хурритские племена Урарту-Биайна, называемые матиенами, проживали у озера Урмия.

Наибольшего расцвета государство Урарту-Биайна достигло при царе Аргишти I (Сравним с чеченским названием села Агишты). В клинописных текстах в 500 строк, выбитых по его указанию в 776 г. до н.э. на скале, повествуется его походе против скифов (ашкалаши) страны Диауэхи, в которой было «разрушено 105 крепостей, сожжено 453 города...взято в плен много врагов».

Базируясь на данных историков, лингвистов и археологии, исследователи Н. Арутюнян, И. Мандян, Г. А. Меликашвили, А. Чикобава, И. Браун, Г. Климов, К. Чокаев, Ю. Дешериев, С.-Х. Нунуев и ряд других кавказоведов утверждают, что урартийский язык находит объяснение с помощью нахских языков и самым близким к урартскому-хурритскому является чеченский язык. Это свидетельствует о том, что урартийцы-биайнили являются протонахами, а не протоармянами, как кажется некоторым. Армяне, как установили ученые, пришли на Кавказ миграционной волной с Балканского полуострова, и их широкое распространение на территории Армянского нагорья происходит только в VI веке до н.э. после распада Урарту (С.Л. Николаев). Самоназвание армян – хайя. В их языке есть слова, заимствованные у хурритов-урартийцев (И.М. Дьяконов). «Нет никакого сомнения, что армяне не аборигены Кавказа и заняли современную Армению, воспользовавшись удобным временем...», – писал исследователь Кавказа А. Н. Грен. Армянские ученые, хотя и считают армян коренным народом Кавказа, не претендуют на то, что урарту-хурритская цивилизация принадлежит их прямым потомкам. Они признают, что наследие урартов вошло в национальную культуру армян в качестве слагаемого. Армянский язык хайя относится не к кавказской, а к индоевропейской языковой группе. Их письменность сложилась на основе нахской морфологии. К.М. Туманов еще в 1913 г. в работе «Доисторический язык Закавказья» писал, что в доисторическую эпоху языком народов Передней Азии, Закавказья был хурритский язык, в котором много параллелей и сходств с чеченским (нахским) языком.

После падения государства Урарту на его территории существовала обширная область Нахчерия, в которой выпускались деньги с надписью «Нахч». Это тоже не случайное совпадение. Затем в VI веке до н.э. появилось государство Кавказская Албания, охватывавшее территории современных Северо-Восточной Грузии, Западного Азербайджана и юга Чечни и Ингушетии. Оно просуществовало до VII века н.э. Слово «албан» древние греки произносили как «алван». Юнус Дешериев название страны Албания (Алвания) связывает с современным названием сел в Ахметовском районе Грузии Верхнее и Нижнее Алвани, где проживает нахское племя кистинов. Греческий путешественник и географ Страбон (I в. до н.э.) писал, что «в этом государстве есть 26 племен со своим отдельным языком и вождем». Среди них самым большим и мощным этносом является племя гаргареев, «живущих рядом с амазонками». Известно, что амазонки во главе с Мардуком («маар» – нос, «дукъ» – горбинка носа) жили

южнее Дона, на побережье Черного моря. Римский историк Гай Плиний Секунд (I век н.э.) подтверждал сведения Страбона, но указанное им племя называл гегарами. Исследователи К. Чокаев, Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, Н.Г. Волкова и др. считают, что гаргареи и гегары – одно и то же племя, имеющее название от нахского слова гергара, обозначающее «близкий, соседний, родственный». В грузинских источниках это племя обозначено эрами (герами). Их именем называлась река современной Грузии Арагва – Эрасхи, что значит «река эров». Это свидетельствует, что в данной местности проживали в древности предки вайнахов. Одни из них, под влиянием христианства и по другим причинам, огрузинились. Другая же часть – через Дарьяльское, Джейрахское и Аргунское ущелья, в поисках лучшей жизни – переместились к северным склонам Большого Кавказа. Предания об этом передаются из поколения в поколение, отражены во многих устных и письменных источниках Грузии, Армении, России и Европы. В данное время чеченцы являются коренными жителями Кавказа, составляют нахский этнос. Нет никаких материалов, указывающих, что прежде них здесь жили другие народы и что чеченцы захватили чужие земли. Около трех тысяч лет проживания в регионе – срок достаточный, чтобы считаться коренным (автохтонным) народом Кавказа. Однако надо отметить, что тезис об автохтонности чеченского народа некоторыми учеными рассматривается и понимается ошибочно, игнорируя миграционные процессы нахов из Передней Азии и Закавказья, считая, что такой факт лишает их автохтонности. А какие аборигены Кавказа не подвергались миграции? Надо знать момент ее начала и исходный пункт. Американский ученый Захарий Ситчин пишет: «Существующие данные позволяют предположить, что хурриты, которые во втором тысячелетии до нашей эры являлись северными соседями Шумера и Аккада, в предшествующем тысячелетии обитали на одной территории с шумерским народом. На данный момент обнаружены следы жизнедеятельности хурритов на территории Шумера, предположительно в третьем тысячелетии до н.э.; похоже, представители этой народности занимали важное место в период расцвета государства, т.е. в период правления третьей династии Ура. Существует также доказательства того, что хурриты были заняты на управленческих должностях. И есть основания полагать, что самые известные купцы Ура также были хурритского происхождения. В XIII столетии до н.э., под давлением мощной миграционной волны и вторжений завоевателей (включая исход израильтян из Египта в Ханаан), хурриты вынуждены были переселиться в северо-восточную область их владений. Основав новую столицу у озера Ван (первоначально им был Арзашку – Л.С.), они назвали свое царство Урарту (Арагат)...»

Такова краткая гипотеза исторических корней и образования нахского этноса.

Несмотря на то, что она основана на трудах всемирно известных и объективных исследователей, ее сторонников некоторые оппоненты называют «мифотворцами, желающими возвысить свой народ за счет чужой истории». Им следовало бы ознакомиться с трудами К.М. Туманова, Г. А. Меликашвили, Р. А. Автандиляна, И.М. Дьяконова, В.В. Бунака, Н.Я. Марра, Л. Бабахяна, Ю. Дешериева, К. Чокаева, Х. Бакаева, А. Милитарева, С. Старостина и других антропологов, лингвистов, историков-кавказоведов, этнографов и т.д., а также с гидронимией и топонимией региона. Рассматривая «Чеченский вопрос по-новому», армянский ученый Р.А. Автандилян писал: «Чеченцы всегда отличались динамичностью, обладали мобильной военной силой и были лидерами среди горских народов в борьбе с врагами». Последнее соответствует высказываниям и русских исследователей Кавказа, воевавших

с ними – М.Н. Покровского, Н. Дубровина, А. Фадеева, А. Ипполитова, А. Бестужева-Марлинского и других. Однако следует отметить, что чеченцы были нерадивыми учениками истории и не извлекли надлежащего урока из нее в свою пользу. К сожалению, предки современных вайнахов, древние нахи, не смогли сохранить свою письменность и подарить миру оригинальную систему письма. Ведь в нахском языке существуют слова, свидетельствующие, что в прошлом их предки пользовались клинописью (зайл-йоза). Слово «зайл-йоза» означает «клин, письмо». Клинописью написаны законы Хаммурапи, надписи царя Аргишти I. Слово «кехат» (бумага) является материалом для письма, состоит из двух частей: «ке» (в ладони) и «хат» (глина). Вместе эти части означают «материал для письма в руках».

Таким образом, все вышеизложенные источники свидетельствуют о том, что вайнахи – одна из генетических ветвей общего этнического дерева, сохранившая себе жизнь и имеющая глубокие древние корни.

Литература:

1. Акаев В. Шейх Кунта-Хаджи. – Грозный, 1994.
2. Баксан Д. След сатаны на тайных тропах истории. – Грозный, 1999.
3. «Вайнах». Литературно-художественный журнал ЧР. – Грозный, №5 2009 г., № 3 2004 г.
4. Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни. – М., 1997.
5. Газеты «Вести Республики» № 159 от 14.08.09. г. 26.09.09.
6. Газета «Комсомольское племя» от 7 марта 1991 г.
7. Дауев С. Чечня: коварные таинства истории. – М., 1999.
8. Духаев А. Плеяда шайхов из Надтеречья. – Л/Невре, 1997.
9. Джавахишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. – Грозный, 1963.
10. Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. – Грозный, 1991.
11. Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. – Грозный, 1973.
12. Мунаев И. Чечня и чеченцы. – Элиста, 1990.
13. Нашхоев Р.М. Загадка Пхъармата. – Грозный, 2002.
14. Нунуев С.-Х. Нахи, пророки, судьба. – Грозный, 1996.
15. Нунуев С.-Х. Ноев Завет. – Грозный. 2009.
16. Полевой материал автора.
17. Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Грозный, 2006.
18. Чеченцы. История. Современность. – М., 1996.
19. Чеченский архив, вып. I. г. – Грозный, 2008.
20. Чокаев К.З. Нахские языки. – Грозный, 1992.
21. Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. – Грозный, 1963.
22. Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа, 1996.

Время созидать

Вахид Итаев – поэт, более известный любителям поэзии за пределами нашей республики, возможно, потому, что он пишет на русском языке и большую часть своей творческой жизни провел в различных областях бывшего Советского Союза и нынешней Российской Федерации. В последние два десятилетия Вахид живет и трудится в Москве. Со столицей связаны и годы его учебы в знаменитом Литературном институте имени А.М. Горького, в который он поступил в 1970-ом году.

Вахид Итаев – человек нележкой, но духовно наполненной, романтической судьбы – судьбы поколения вайнахов, в раннем детстве познавших депортацию и все связанные с ней лишения: потерю родителей, братьев, сестер, несправие. Разнообразен его жизненный путь: он перепробовал много профессий, служил на Черноморском флоте. Будучи взрослым человеком, ему пришлось наверстывать упущенное в образовании – ведь в Семипалатинской области Казахской ССР он смог окончить только начальную школу.

После Литературного института восемь лет он проработал в Узбекистане, в Ташкентском книжном издательстве. Вернувшись на родину, устроился на работу в Чечено-Ингушское книжное издательство, где трудился в течение пяти лет в редакции художественной литературы. Всегда и везде его отличали твердая гражданская позиция и патриотическая стойкость во взглядах на жизнь.

Вахид Итаев – автор нескольких поэтических сборников, вышедших в Москве и других городах страны. А в 2007 году состоялся его дебют как прозаика: в издательстве Общества дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами вышел его роман «Майдан предков». Автор пытается ответить на вопросы, волнующие не только его, но и всех, переживших годы лихолетья: две разрушительные войны, предшествовавшие им времена революционного хаоса.

Предлагаем вниманию читателей беседу, в которой писатель делится своим видением национально-культурных, морально-этических и других проблем современности.

– Вахид, бесспорно, что детские годы, семья и место, где прошло детство – все это в совокупности определяет творчество писателя, поэта, художника. Жизнь Вашего поколения была нележкой: депортация, голод и холод на чужбине, возвращение на родные пепелища. Потом – трудное время восстановления республики, возрождения культурно-исторического наследия нации. Как формировалось Ваше мировоззрение, как проходило детство, отрочество, какие впечатления оставили наиболее яркий след в памяти?

– Я благодарен Всевышнему за все, что он мне послал. Судьбу, как и родителей, не выбирают. Я не помню отца – он проходил срочную службу в Красной Армии уже четыре месяца, когда получил вест о рождении сына. Я родился 25 мая 1940 года в высокогорном ауле Итум-Кале, на берегу бурного Чанты-Аргуна.

Потом началась война, и отец погиб, защищая Сталинград. Я смутно помню

холодные, ужасные дни выселения. Но одна картина навсегда осталась в моей памяти: офицер, который жил у нас, держа меня на коленях, приговаривает: «не все виноваты, не все виноваты...». И слезы капаят мне на голову... Еще одно смутное видение в памяти: мой дядя вырубает в полу вагона отверстие для нужды. Конвоиры молчали, уважая его фронтовые заслуги, и даже топор ему достали. Потом были годы детства недалеко от города Урджара в Семипалатинской области, рядом с китайской границей.

Меня будили в четыре утра, и я шел пешком на кошару – дядя по матери работал чабаном в колхозе с символическим или, если хотите, с ироничным названием «Красные горные орлы». Бабушка по матери, как могла, оберегала меня от мороза, перетягивала мои одежды ремнем, чтобы не задувал ветер. Она приговаривала, кутая меня: «Не снимай ремень, а то надорвешь живот...» Мне приходилось целый день ухаживать за скотиной, носить сено, таскать воду из колодца.

И так весь день, до четырех часов вечера, когда можно было поесть чего-нибудь. Это был и завтрак, и обед одновременно.

Как я мог, мальчишка, справляться со всем этим? Без какой-то опеки извне это было бы невозможно. Я был милосерден ко всему живому, и, наверное, Всевышний помогал мне... Даже волки не трогали меня. Они часто нападали на овец, особенно в зимнее время. Бывало, в отчаянии я бросался отбивать бедное животное, а волк только ощерится своими страшными клыками, но меня не трогает. Не раз это бывало.

– У Вас есть трогательные строки об этом времени и стране детства, я бы их процитировал:

Тот край,
Где прозвенело мое детство.
Зимой там было столько снега,
Как будто
На возах со всей земли
Туда его свозили.
А летом сеном пахло так,
Что чудилось,
Душистый запах тот
Рассеивали с неба тучи.
А весна...
Так неожиданно она слетала с неба,
Как будто непоседы-воробьи
Все разом превращались в ручейки
И продолжали свой проворный бег.
Как много нынче дал бы я
За яркий бисер красных маков,
Которым вышита была
Степь детства моего.

Вахид, но в Ваших стихах не сквозит упрек судьбе, жалоба или сожаление. Не замечаешь и попыток вызвать у читателя восхищение «героической судьбой», что нередко бывает у иных авторов. Вы принимаете жизнь, судьбу какой она есть, без сожалений и сослагательного наклонения?

– Говорят, что Всевышний возлагает на каждого столько, сколько тот сможет вынести. Конечно, никому не пожелаешь сиротской доли, расти без материнской ласки и отцовской опеки, к тому же выселение, голод, сибирские морозы...

Великий француз Антуан де Сент-Экзюпери так сказал: «Не всякому дано родиться сиротой...». И еще я прочитал, тоже у французского писателя: «Сирота знает кожей больше, чем другой – головой...»

– Вы, наверное, давно вынашивали идею написать роман с научно-фантастическим сюжетом. В нем много оригинальных идей, интересной, увлекательной информации. Чувствуется, что Вы освоили немало знаний из области древней истории, философии, астрономии, физики и др. Вы пытаетесь связать мотивы преданий, легенд, сказаний нашего народа с темой сюжета Вашего романа...

– В прошлые, «отсталые времена» люди были ближе к восприятию того, что мы сегодня все еще считаем фантастикой. Мы, сегодняшнее «продвинутое» общество со всемирной паутиной-интернетом, с полетами на Марс, считаем себя передовой цивилизацией XXI века. Еще не так давно, до выселения, люди могли видеть по ночам игрища джиннов вокруг костров, с их плясками, застольями и т.п. И воспринимали все это вполне реально и естественно.

Есть сколько угодно свидетельств и подтверждений в пользу существования внеземных цивилизаций – начиная от наскальных изображений по всему миру и рисунков на древнеегипетских стелах (всех этих стилизованных изображений космических кораблей и космонавтов) – и до современных свидетельств. А Кавказ всегда был магнетической точкой притяжения всех интересов земных цивилизаций, я уверен, и внеземных также. Начиная от Ноева ковчега, причалившего к одной из вершин Кавказа, и Прометея, прикованного к скале, и до преданий о похищении ангелами младенцев из чрева беременных женщин, бытовавших еще до нашего выселения, – все это не выдумки народа, народ не может ошибаться.

Еще бы я хотел дополнить ответ выдержкой из моего романа: «Вот пробилась на арену светлого сознания мысль одного древнего грека: «Как невозможно представить, чтобы Творец соткал Вселенную, чтобы жизнь была только на одной планете Земля...»

– Вахид, как Вы смотрите на современный литературный процесс в Чечне? Скажем, в настоящий, поствоенный период. В какой мере отражаются в литературе прошедшие события, их последствия, перемены, произошедшие в характерах людей и т.д.? Жизнь нашего общества до смуты и войн и после – это две разорванные части одного целого?

– Сегодня, как обычно это происходило в мировом литературном процессе, идет художественно-психологический, политический и прочий анализ прошедших событий. Вышло и продолжает выходить много кинопродукции, откровенно порочащей образ народа, искаженно показывающей прошедшие события. Сознательно и преднамеренно настраивается мировое и российское общественное мнение против чеченского народа, чтобы как-нибудь оправдать сотворенное здесь зло. И на книжном рынке то же самое – пестрит в глазах от боевиков на тему чеченских войн.

Конечно, наши чеченские авторы по-другому подходят к этой теме – как пережившие эту трагедию, потеряв близких, кров над головой.

Я рад, что за поколением писателей, поэтов, поднявших литературный процесс после восстановления республики в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века, идет литературная молодежь со своими новыми, современными методами и взглядами на жизнь и литературу. То, что пишут и на русском языке – это давление глобальных процессов, влияющих не только на наш, но и на многие другие языки и творчество писателей и поэтов постсоветского пространства.

– А как все же выходить из этой языковой (и не только) зависимости? Это давление Большой культуры Большого государственного образования, этот «каток» подминает под себя, не спеша, национальный облик: традиции, психологию, мышление, обычаи и т.д. Вот и графа «национальность» исчезла из паспорта: еще один шаг к добровольно-принудительной ассимиляции малых народов: мол, мы россияне. Сегодня. А завтра,

глядишь – и русские... Вот приведу выдержку из диалога главного героя Вашего романа «Майдан предков» Дени и Хаси:

– Сволочную смуту России надо было переждать.

– Не выходя из России?

– Да, не выходя. Чего выходить из океана в пруд? Да и с другой стороны, Россия уже никогда не сможет стать тоталитарным государством, если, конечно, цивилизация не рухнет... Да и планета вся превратилась в коммунальную квартиру. Все сидят друг у друга в гостях. Телевизор, радио, мобильная связь поставили крест на многое, многое. Африканец сидит у телевизора и видит меня, китайца, японца, немца, и я вижу, не выходя из дома, весь мир. Весь мир сидит у меня в гостях. Бог дал нашему народу великую энергию. Прежде она уходила на меч, по-другому наши предки не могли, такова была теснина их истории, приходилось вечно защищаться. А теперь выпал шанс эту энергию переплавлять в интеллект. И мы могли сотворить чудеса. Смотри, начав с нуля, за тридцать лет после депортации, что мы сделали, и это притом, что власть не жаловала нас. И шанс мы упустили, столько людских и материальных потерь. Умом, интеллектом пора удивлять, а не мечом...

– О чем говорит Дени, о каком шансе?

– Это спор двух близких родственников и друзей, разделенных идейными противоречиями, позициями. Это было типичное явление того периода, не только в семьях был раздор, но и весь народ, в основном, был расколот на два лагеря: сторонников и противников борьбы за независимость и джихад.

А шанс был в том, чтобы мы, не дав себя обмануть призрачными идеями, сохранили республику, ведь мы только что встали на ноги после возвращения из ссылки и восстановления республики. Нация росла, культурно, духовно, росло благосостояние населения. Республика была многонациональной и все со всеми уживались и трудились, и рабочих мест было хоть отбавляй. Перед развалом Советского Союза мы стали третьей по численности нацией Российской Федерации, достигнув миллиона. А какой зеленой, многолюдной была наша столица – самый богатый во всех отношениях город.

Нам нужно было только принять это наследие – республику с самой развитой в стране нефтяной, нефтехимической промышленностью и сельским хозяйством. Принять и развивать, а не разрушать, не растаскивать.

– Вахид, спасибо за интересную, увлекательную беседу. В конце нашего с Вами разговора что бы Вы хотели посоветовать, пожелать читателям, особенно молодежи?

– Хотелось бы, чтобы молодежь не забывала литературу, соблазняясь всяческими виртуальными развлечениями. Помните, что мы теперь должны показать себя как нация возрождающаяся, созидаящая. Ищите свою богатую историю во всех уголках Земли, теперь все границы открыты. Берегите свои традиции, обычаи, язык. А начинающим, пробующим себя в прозе, поэзии, желаю таланта и признания.

Беседовал Иса ОКАРОВ

Абдулла Гапаев

«Я веду себя на расстрел»

И в соловьином горле кляп властей,
И глупость в облаченье мудреца,
И праздник лжи над правдою страстей,
И честь добра под пяткой подлеца.

Эти строки великий Шекспир написал почти 500 лет назад. А вот строки нашего современника Абдулхамида Хатуева:

Я сегодня хвалил
Все, что ненавидел,
Оттого и веду я
Себя на расстрел!

Я сегодня начальству
Стихи сочинил,
Славословил ему,
Будто в бане, вспотев,

Заикался, как раб,
И о чем-то просил...
Оттого и веду я
Себя на расстрел.

Сильное слово, яркий образ. Абдулхамид люто ненавидел подлость, раболепие, ложь, лесть. На эту тему у него целый ряд произведений. Его гордое сердце было истерзано болью. Его совестливое сердце не прощает себе низости и потому ведет себя на расстрел. Как созвучны два этих стиха, как они более чем актуальны и сегодня. Только разница между ними в том, что Шекспир лишь констатирует это вселенское зло, а Хатуев сражается с ним. И начинает эту борьбу с себя.

В сознании обывателя поэт представляется человеком, в ком слились воедино лирика, доброта и милосердие, это мягкое и светлое существо с восторженным взглядом. Обыватель ждет, что поэт и внешне выглядит так. Хатуеву не подходил ни один из этих признаков: его смуглое лицо было высечено грубо. Однако за ним скрывалось легкоранимое сердце. Думаю, что его лицо было своеобразной защитой от жестокой действительности. Вместе с тем поэт излучал добро, это излучение не зависело от настроения, не вызывалось никаким внешним воздействием, оно было присуще ему изначально.

Абдулхамид ушел из жизни неожиданно, смерть всегда приходит неожиданно. Он умер 17 января 2011 года, не выдержало сердце. 60 лет ему исполнилось бы 1 сентября 2012 года.

Назар – а мы все именно так его называли – мой родственник. Его отец Арби, жгучий брюнет со смуглой кожей, красавец двухметрового роста, был глубоко верующим мусульманином. Он самостоятельно изучил арабский язык, свободно читал религиозную литературу. В его самообразовании я принял участие тем, что подарил ему русско-арабский словарь – такой толстый том в зеленом переплете.

Как-то Арби пожаловался на сына: мол, кропает какие-то стихи, тратит время попусту, его надо бы от этого отвратить. Это было в самом начале творческого пути Абдулхамида, он был еще школьником. Ко мне Арби, думаю, обратился, потому что у меня за спиной был гуманитарный институт и специальность,

связанная с литературой и искусством. Не верю, что Арби действительно хотел отучить сына «кропать стихи», ведь сам читал Коран, а он писан стихами. И ко мне он обратился для проверки своих смутных надежд. Я еще не читал ни одной строки молодого поэта, но сказал, примерно, следующее: «Арби, оставь его. Или он сам бросит писать, или мы когда-нибудь будем им гордиться». Думаю, Арби ждал именно такого ответа: я видел, что его глаза посветлели.

Поэты не просто стихи пишут, не просто слагают песни. Устами поэтов с нами говорит мировое сердце, космическая душа сообщает нам свои самые сокровенные мысли. Потому тот, кто умеет слышать, так близко принимает слова поэта, сопереживает их вместе с ним. Умение слышать – это талант, который дается не всем. Такой слушатель не обязан быть литератором, но он обладает чутким слухом и отзывчивым сердцем. Осип Мандельштам говорил, что такие читатели-слушатели занимаются сотворчеством с поэтом. Кто-то очень точно заметил, что самостоятельные и вдумчивые слушатели в России, как правило, занимают невысокое социальное положение. Это на Западе они – президенты и министры, кардиналы и ректоры университетов. Горькое, но справедливое замечание.

Чеченская мудрость гласит: «Страшнее всего нехватка людей». Это мой неуклюжий перевод. По-чеченски фраза звучит так: «Уггара халаниг адамиин кьиелла ю». Ее смысл, по-моему, следующий: для человека нет ничего страшнее одиночества. Читай: отсутствие рядом людей, умеющих слушать и понимать. От сотворения мира люди жаждут, чтобы их слышали и понимали, в этом их радость и счастье, в этом смысл их жизни.

И Назар искал друзей. Поэт знал, что мир людей разнообразен, что идеальных людей нет и что у каждого человека своя слабость. Поэтому в стихотворении «Я пью за тех...» писал в интонациях Владимира Высоцкого:

Я пью за тех, кто падал, но вставал,
Кто для друзей собою рисковал,
Кто в самый трудный день, беря свой перевал,
Друзей плохих не проклинал!..

Но высшее проявление настоящей дружбы – это готовность к самопожертвованию, готовность положить на алтарь дружбы собственную жизнь. В стихотворении речь идет о третьем лице, но это личная максима поэта.

Я пью за тех, кто горькой правде рад,
Кто от чужой беды не отворотит взгляд,
Кто днем иль ночью, в дождь иль снегопад,
Смеясь, за друга может выпить яд!

Эта тема приоритета «горькой правды» проходит через все творчество Абдулхамида. У него был прямой характер, лишенный всяких компромиссов, он терпеть не мог ложь даже во благо. Так, в стихотворении «Накъосташка» («Товарищам»), написанном еще в 1973 году, он требует к себе от них предельной честности, реальной оценки своей личности.

Доцург алий, со ма хаставелаш,
Дерг дадаккхий, со ма вожаве.
Бакъдерг алий, сан дог Ювжаделаш,
Бакъдерг алий, сан дог деладе.

Къайлах-къулах со ма кхайкхавелаш,
Шалхадовлий нах ма кхардабе.
Дуьхьал алий, сан дог Ювжаделаш,
Дуьхьал алий, сан дог деладе.

Стихи написаны двадцатилетним юношей, но содержат они мудрость многоопытного мужа. Автор знает, что ложь не просто искажает реальную картину, она, как ничто другое, дискредитирует ее, разрушает объект. Именно потому требует от друзей горькой правды о себе.

Родина, Отечество – это основа основ любой личности, независимо от национальности и цвета кожи. И любовь Гражданина к Родине не зависит от ее правителя в данное время. Странно было бы, если бы любовь к Родине Александра Пушкина зависела от императора Николая I.

Есть такая притча. Царь Соломон (Сулима-пайхамар) обратился к зверям и птицам – он знал их язык, – чтобы они покинули лес, который будет сожжен. Звери и птицы ушли, лес сожгли. Но из пожара выползла полубогоревшая змея. Соломон говорит ей: «Я же просил вас покинуть лес!» И змея ответила: «Как мне покинуть его! Это же моя родина!» Война выжила из Чечни многих ее детей. Но поэт покидать родную землю не согласен, он не поменяет ее ни на какие блага:

Не зови, не хочу улететь
Я в заморские дали.
Ни на север, ни на юг
Я искать доброты не пойду.

Эти горы, и реки, и песни
Мне в сердце запали.
На вершине земли
Среди братьев я счастье найду.

Чеченцев выживают со своей родины огнем, мечом и обманом, начиная с XVIII–XIX веков. И тогда никто не уходил в Турцию и далее на Ближний Восток за счастьем и богатством, они спасались от поголовного истребления. Вот и снова они вынуждены покидать родные очаги и могилы отцов. Это тоже вынужденный шаг, чтоб спасти не столько себя, сколько детей от физического уничтожения. Поэт не зовет их оставаться дома. Вот его горянка. Это драгоценное достояние народа покидает родину. Но идет она как на эшафот. («Уходит горянка», 2005 г.).

По трапу уныло шагая,
Как будто на свой эшафот,
Уходит горянка простая
В печальный прощальный полет.
Пусть люди чужие, далекие,
Тебя обогреют теплом,
Пусть горы родные, высокие,
Любя, вспоминают добром.

Но родина и там не отпустит ее, и это будет не банальная ностальгия.

За океаном ты будешь страдать и грустить,
За океаном придется без родины жить,
За океаном ударит в душе летний гром,
За океаном приснится тебе отчий дом.

Он даже наказ дает горянке.

Запомни, блуждая в чужбине,
И в памяти вечно храни
Из детства шальные картины
Отвергнутой миром Чечни.

Стихи написаны в разгар войны. И поэт верит, что его родина поднимется из хаоса.

Твой край, небесами хранимый,
Восстанет из пекла огня...

У настоящих поэтов чувства более обостренные, чем у людей обычных, потому у них и ответственность выше. Абдулхамид просит прощения у всех, кому не отдал должное. Одно Отечество имеет право не прощать его, если он не любил его больше жизни.

Поэт испытывает подлинную любовь к своему Отечеству, она локализована, ограничена определенной территорией. Со временем Абдулхамид чувствует, что ему этого мало, его чувство ответственности возрастает до глобальных масштабов, распространяется на всю планету, и тогда рождаются стихи «Геч ма де, латта!» – «Не прощай, Земля!»

ХИай, Латта, ахь гечдийр дуй,
Хьо эрна хьоьшушболчарна,
Хьешана дАкьовлуш гIуй,
Гиллакхаш дицделлачарна?

ХИай, Латта, ахь гечдийр дуй,
Атта некъ лохушволчунна,
Хьан цIарах ша биъна дуй,
Эхь доцуш къарбиначунна?

Хатуев имеет право задать такой вопрос, потому что его сердце отдано своему народу, Родине и всей Земле полностью, без остатка.

Абдулхамид обладал обостренным чувством чести и достоинства. По его мысли честь и достоинство, совесть и благородство должны быть главными качествами настоящего чеченца и определять его характер. Впрочем, как представителя любого другого народа.

В период военных действий центральные телеканалы показывали нам кровавые сцены, как с несвойственной для чеченцев жестокостью резали пленных солдат. Недостойный и вопиющий акт шокировал всех своей бессмысленностью. И поэт не прошел мимо этого факта, в 1997 году появилось стихотворение «Аьрзуна илли». Свободный человек не может быть бессмысленно жестоким. Жестокость, как правило, присуща рабу, рабу не только по реальному положению, но и по внутреннему состоянию.

Аьрзунаш ламанийн кортошкахь еха,
Мел лекха ду церан сий!
Деригге дуьне ду яхьйолчун меха:
Вайн лаьмний гIиллакх ду и.
ГIеман кIур гIиттинчохь, хьаргIанаш хьийза,
Ма дарье вожначун чов.
Осала гIиллакх ду йийсарца кьийсар,
Аьрзунехь куралла тов!

Стихотворение «Бусалба сан Нохчийчохь» звучит как молитва, и появилось оно в очень нужный момент – 1997 год. Идет страшная кровопролитная война, каждый день Чечню методично бомбят самолеты, не умолкая, бьет артиллерия всех систем, особо страшны ракетные обстрелы. Каждая минута уносила драгоценные жизни мирных людей – детей, женщин, стариков. Народ унижен, подавлен нагрянувшей бедой, помощи ждать неоткуда, народ пал духом. И тут это стихотворение, которое выразило чувства и мысли каждого, и напомнило

чеченцам, что покорить их никому еще не удавалось и что ее солнце никогда не потускнеет:

Къарйна, хЮгтор яц гора,
 Кур оллабойтур бац хьоь.
 Йиш яц хъан дашо малх кхола,
 Бусалба сан Нохчийчоь.

Когда Али Димаев положил эти слова на музыку и спел их, слушатели не смогли сдержать слез, восприняли их как призыв к борьбе за жизнь, к преодолению страшной депрессии. Я вначале думал, что это слова нового чеченского гимна. Действительно, примерно таким и мог бы быть наш национальный гимн.

Абдулхамид чувствует неразрывную связь со всем миром и свою причастность ко всему и свой долг перед народом:

Кровь стынет, а жилы горят
 И снова судьбой я наказан,
 Когда мне друзья говорят:
 Никто никому не обязан.

Сажусь на отцовский порог.
 Ведь с ним я судьбою повязан...
 Всем лучшим, что в жизни я смог,
 Народ мой, тебе я обязан.

В предисловии к сборнику стихов Хатуева «Я веду себя на расстрел» Абу Уциев приводит слова русского журналиста, сказанные им, когда по внутренней трансляции штаба ИТАР-ТАСС прозвучали стихи Абдулхамиды, в том числе и «Я пью за тех...»: «Нам не хватает информации друг о друге. Я и не ведал, что чеченец может написать на русском такие хорошие стихи. Только так можно заставить замолчать пушки». Человек говорил искренне, в этом нет сомнения. И все же это имперское мышление, ростки тех зерен, которые посеяла в нем многовековая имперская пропаганда, начиная со времен барона Услара: чеченец (не только чеченец) не может писать хорошие стихи на русском языке. И вообще, он не может писать стихи: он же разбойник, бандит, у него на уме только воровство, грабежи и убийства, вот и все! Смотрите Инструктивное письмо Оперативной Группы информационного обеспечения второй чеченской войны под руководством Эмиля Паина. Оно написано для журналистов, пишущих о чеченской войне, которые должны руководствоваться его указаниями. Там, в частности, есть такие пункты: «Чеченцы, проживающие на этой российской территории, являются в большинстве своем незаконно послушными, вследствие своих общенациональных качеств: аморальности и генетической предрасположенности к преступным деяниям» и «Данная вырождающаяся народность из гуманных побуждений искусственно поддерживалась Россией от вымирания на протяжении столетий». Ни больше и ни меньше. Сегодня Эмиль Абрамович почти оппозиционер.

Родина и мать – две темы, неразрывно связанные между собой. Какой поэт не пел им вдохновенных строк! Родина Хатуева состоит из отцовских вершин, материнских песен, дружбы друга и улыбки любимой. Им он посвятил не просто отдельные стихотворения, а целые поэтические циклы. В сборнике на русском языке «Я веду себя на расстрел» – это раздел «Песни матери я сышу». А в сборнике на чеченском языке «Бусалба сан Нохчийчоь» сгруппированы такие стихи, как «Ненан дог», «Ненан аз», «Ненан куьг», «Нене» и др.

В них выражено культовое, почти религиозное отношение к понятиям Родины и матери, но выражена эта любовь чисто земными чувствами. Если вслушаться, читатель услышит гулкое биение сердца поэта, переполненного

благодарной любовью к женщине, родившей его. Это не благодарность за дарованную ему жизнь, а вселенский поклон женщине за ее великий подвиг, поклон праматери человечества.

В конце XX века нам стали навязывать проблему национальной идентичности. Поэт чутким сердцем уловил опасность политической пропаганды на эту тему. Но именно в трудную минуту для своего народа, когда некоторые даже фамилии меняли на русские, Абдулхамид подчеркивает свою национальность. И это не банальный национализм, поэт гордится не собой, чеченцем, а своей принадлежностью к этому народу. Чеченский народ всегда боролся за национальную независимость и личную свободу каждого. И никогда за счет независимости другого народа и свободу другого человека.

Культурные акции чеченцев, бежавших от войны в Россию – спектакли и концерты, художественные выставки и издание газет – были полезными мероприятиями, которые хоть как-то смывали грязь с этого народа, которой его обливал российский истеблишмент. В таких акциях лично или своими стихами участвовал и Абдулхамид. В те дни его стихи и по содержанию, и по эмоциональной насыщенности звучали крайне актуально, и всегда вызывали слезы у своих слушателей.

Абдулхамид еще превосходно рисовал, даже в книжной миниатюре. Еще он чеканил, лепил, создал произведения в керамике, он был мастером национального орнамента.

В одной, даже большой, статье не охватить всей поэтической палитры Абдулхамида, для этого требуется специальное исследование – настолько она у него разнообразна. Думаю, специалисты, его друзья и коллеги о нем сказали бы много лучше, чем я. У меня скромная задача: отдать запоздалую дань уважения поэту-Философу, поэту-Гражданину, поэту-Патриоту и Человеку за его творчество и покаяться перед ним, что мало читал его, не оценил его по достоинству при жизни. К сожалению, так всегда: не умеем хранить то, что имеем, оцениваем это только после того, как потеряем. Не учимся на предыдущем опыте.

Абдулхамид рано ушел из жизни, но оставил глубокий след в чеченской литературе, особенно в поэзии. И он счастливый поэт, его стихи пошли в народ, многие из них стали песнями, многие его слова – крылатыми.

Тауз Исс

Слово о поэте

Языком поэзии разговаривает душа...

Из великого таинства Божественного слова, сотворившего мир, жажда человека о слове... Слово воплощается в образ, необъяснимо преображая человеческую душу. Слово хранит нас, живит, возвышает.

Знакомство с творчеством поэта пробуждает дремлющую в нас прапамять. Так было, когда много лет назад из уст Апти Бисултанова я услышал стихи незнакомого мне поэта. До сих пор помню волшебство этих строк, словно пришедших из сказочного далека: «Из глины мною сотворится птица... И крылья обретет моим дыханьем...» В них звучала неподражаемая, сказочная музыка чеченской речи, таилась бессмертная душа народа. Так состоялось мое знакомство с творчеством Косума Оспанова, а чуть позже познакомившись с ним, убедился в полном соответствии автора и его поэзии. В миру и в творчестве он абсолютно индивидуален. Бесспорно, это говорит о предельной искренности его души и творчества. «Белым днем... И лунной ночью... Я стократ... Сражен судьбою...»

Оспанов не спешил печататься и писал, судя по всему также, с аскетической требовательностью к себе, заключая в слове сложность и многообразие мира. Его поэзия глубоко исповедальна и этим, пожалуй, интересна. Центральной фигурой в ней является человек, его душа, судьба, жизнь. Этот единичный образ в своем художественном движении превращается в колоссальный образ народа, в его коллективное сознание. В итоге, в чеченской поэзии произошло редчайшее явление: народ выразил себя в слове и этим обрел второе рождение.

Язык поэта прост и сложен, целен и философичен, тих и громок, он взят у народа и доведен до степени прозрений и, можно сказать, что в своей неустанной работе над словом и образом Оспанов достиг уровня сакрального чеченского языка, за порогом которого открывается нечто большее... таится плодоносная тишина. «Я снова шлю послание к себе... Себя коря, себе же в назиданье... И храню в ответ молчанье... Ночь сгорает. Вновь светает...»

Творчество Оспанова драматично и лишь отчасти в нем пробивается тончайший лиризм... Может быть, для этого и живет народ, чтобы родить поэта... а поэт ищет, находит, рождает слово, в коем проявляется душа народа. Поэтика Оспанова чрезвычайно насыщена национальным духом и можно сказать, что он создал в чеченской поэзии свой образ, дыхание, ритм, тем самым выводя ее в мировой круг. Ярко и красноречиво его поэзия говорит о том, что поэзия, литература не ремесло и звание, а творчество и призвание...

Когда читаешь Оспанова, невольно приходит мысль: «А так ли развивалась и развивается чеченская литература?» И потом, ведь до сих пор ее место и значение в мировом контексте не определено. Между тем эта тема сегодня основная не только в чеченской поэзии, но и во всей чеченской литературе.

Именно сегодня, когда мир находится на великом распутье, крайне необходимо (после стольких лет «измов», изломов и неведения) найти, угадать и предугадать платформу художественного сознания, его истоки и его будущее. Это крайне важно в пору глобализации сознания. И редкие художники могут противостоять этому нашествию.

Первая книга Оспанова под названием «1ожалий 1индаг1ехъ» («В тени смерти») вышла прошлой осенью, в канун пятидесятилетия поэта, оставшегося

незамеченным в череде избирательно-меркантильных юбилеев. Так и должно было быть. Поэзия не терпит фанфар и дежурных, затверженных слов. Она рождается в тишине и в тишине приходит к людям. И еще, наверное, потому что поэзия Оспанова полна юношеского пыла и мудростью старца. Трудно назвать поэзию Оспанова обычной лирикой... скорее, это сплошная драма... драма чеченской судьбы и души... «Как странен мир сей, полный горя... Явился в свет я с ним не споря... Сияет в небе солнце неустанно... Смеются, плачут люди беспрестанно...»

Оспанова можно назвать создателем своей поэтики, своего глубоко индивидуального творческого пространства и своей тематики в чеченской поэзии. Поэт, трансформируя слово из народа, преобразует и воплощает его в яркие запоминающиеся образы. Основная тема поэта – человек, чеченский характер, его мировидение, поэта можно назвать выразителем чеченского характера во всей его полноте, сотканного из полярностей. Уязвимым, пожалуй, является лишь некоторое увлечение поэта крайней гиперболизацией состояний и образов. Но даже и это проявление своеобразной крайности говорит о силе его глубоко индивидуальной поэтики, черпающей силу из народного поэтического сознания и образов. Несомненно, именно эта неразрывная связь, преобразовываясь в личное, глубоко прочувствованное состояние души, рождает в его творчестве незабываемые метафоры и яркие картины.

Безусловно, книга Косума Оспанова состоялась и явилась неординарным событием в современной чеченской литературе, из которого можно сделать обнадеживающий всех нас вывод: чеченское слово живо, оно находится в постоянном движении, сообразно всеобщему движению мира и если, не дай Бог, слово угаснет, тогда-то и разорвется вечный, пульсирующий круг...

Судьба поэта в большей степени сродни судьбе народа. Время определит, кто и что останется жить в его жизни и сознании. Сегодняшний мир чрезвычайно увлечен мирским и это, надо полагать, преходящее явление. Безмерное материальное насыщение чреват самозабвением. Придет и то подлинное время, когда слово обретет в миру свое должное место.

Сегодня, когда со всей обнаженностью стоит проблема сохранения чеченского языка, должно родиться спасительное произведение, равное мировым шедеврам слова. Возможно, оно уже написано и хранится в рукописи или же таится в сердце одного из поэтов. Рано или поздно оно придет из народа, чтобы обессмертить его бессмертную душу. Ведь словом Единым...

Тамила Ахмадова

Привлекательность инвестиционной деятельности в Чеченской Республике

Большие позитивные изменения в стабилизации общественно-политической ситуации и социально-экономическом развитии Чеченской Республики могли бы способствовать повышению интереса как российских, так и иностранных потенциальных инвесторов к инвестиционным возможностям Чеченской Республики.[1]

До недавнего времени в экономической науке еще не было сформировано четкое целостное представление об анализе инвестиций как самостоятельном направлении исследований в рамках экономического анализа. В ходе постановки и решения комплекса задач, относящихся к проблемам реализации долговременных капиталовложений, возникает необходимость аналитического обоснования одновременно финансовых, инвестиционных и операционных решений. [2, 21 ст.]

Для определения приоритетных отраслей экономики республики необходимо уточнить ресурсный потенциал региона, включая промышленно-производственные, интеллектуальные и экономико-социальные составляющие, и на основе комплексного анализа определить конкретный оптимальный путь развития на долгосрочную перспективу. [3]

Цель инвестиционного анализа состоит не только в объективной оценке целесообразности осуществления кратко- и долгосрочных инвестиций, но и в разработке базовых ориентиров инвестиционной политики компании. [2, 22 ст.]

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ СВЯЗАНЫ:

- с ростом мирового энергопотребления и увеличением интереса к региону со стороны иностранных инвесторов;
- со стабильно высокими темпами роста внутреннего спроса;
- с реализацией приоритетных национальных и межрегиональных проектов и региональных стратегий крупного бизнеса, способствующих росту капитализации региона; интеграцией транспортной и энергетической систем республики как в общероссийскую сеть, так и в глобальную;
- с ускоренным развитием «городского узла» – Грозного и близлежащих городов, с акцентом на инновационные кластеры, образование и технологически сложные производства;
- с увеличением степени переработки природных ресурсов и развитием соответствующих кластеров (включая увеличение доступа малых и средних компаний к сырьевым ресурсам и продукции первичной переработки);
- с развитием специализированного образовательного кластера, с использованием имеющегося потенциала образовательных и научных учреждений (г. Грозный);
- с развитием кластеров и секторов, связанных с производством продукции и услуг для ресурсодобывающих и перерабатывающих секторов (включая поставщиков оборудования комплектующих и связанных услуг);
- с развитием новых секторов и кластеров, связанных с технологиями охраны окружающей среды и энергосбережением;

- с развитием кластеров и секторов, связанных с потребительскими товарами и услугами (например, пищевой промышленности, строительных материалов и др.);

- с развитием туризма на Юге России.

Слабыми сторонами Чеченской Республики являются:

- значительный износ сохранившихся зданий, коммуникаций, инженерной и социальной инфраструктуры;

- дефицит квалифицированных кадров, высокий уровень безработицы, низкая добавленная стоимость продукции, значительные издержки производства (в т. ч. обусловленные высокими тарифами на электроэнергию и высокой долей транспортных затрат в себестоимости продукции);

- высокий уровень износа основных фондов промышленного комплекса, низкое качество производственной инфраструктуры (прежде всего, транспортной);

- неразвитость финансовой инфраструктуры, низкий уровень инновационной активности, диспропорции территориального развития. [1, 72 ст.]

Основными ограничениями развития Чеченской Республики выступают:

- повышение конкуренции на мировом рынке углеводородов;
- возможность высокого уровня инфляции в национальной экономике в связи с мировым финансово-экономическим кризисом,

- структурный дисбаланс рынка труда, высокая дифференциация уровня жизни населения, рост теневой экономики. [1, 74 ст.]

В Республике сформирован пакет приоритетных инвестиционных проектов с объемом инвестиций более 149 млрд. рублей, а также определен перечень наиболее приоритетных инвестиционных площадок.

Приняты нормативные правовые акты, которые гарантируют инвесторам максимальную защиту прав инвесторов и реальную поддержку со стороны государства, в числе которых:

- Закон Чеченской Республики «Об инвестициях и гарантиях инвесторам в Чеченской Республике»;

- Постановление Правительства Чеченской Республики «О залоговом фонде Чеченской Республики». [1, 59 ст.]

В 2008 году объем инвестиций в республике на душу населения составил 30,8 тыс. руб., что на 17% превышает показатели 2007 года.

Ведется активное позиционирование республики на ведущих мировых площадках по продвижению инвестиционных проектов и привлечению инвестиций.

Инвестиционную деятельность на территории Чеченской Республики активно ведут естественные монополии. В 2008 году подразделениям ОАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги», РАО «ЕЭС России», НК «Роснефть» было предусмотрено инвестирование в экономику Чеченской Республики 7133,0 млн. рублей, в том числе в производственную сферу – свыше 5700 млн. рублей.

Одним из ярких показателей нормализации общественно-политической ситуации в Чеченской Республике является строительство нового жилья за счет внебюджетных источников.

Как полноправный субъект Российской Федерации Чеченская Республика уделяет особое внимание развитию межрегионального сотрудничества. На сегодняшний день Чеченская Республика имеет договорные отношения с 44 субъектами России. Укрепление межрегиональных интеграционных связей стимулирует взаимовыгодные для всех сторон инвестиции, внедрение

инноваций, более эффективное разделение труда и рост его производительности, повышение уровня жизни населения.

В феврале 2008 года между Правительством Чеченской Республики и южнокорейской фирмой «Ко-Чен» заключен инвестиционный контракт на реализацию инвестиционного проекта по строительству и эксплуатации модульного кирпичного завода мощностью 35 млн. штук условного кирпича в год, с ориентировочным объемом инвестиций 15 млн. долларов США.

В соответствии с инвестиционным контрактом завершение строительства было намечено на конец первого полугодия 2009 года. [1, 62 ст.]

В целях дальнейшего развития инвестиционной деятельности руководством Чеченской Республики проводится работа, направленная на налаживание взаимовыгодных отношений с представителями власти и деловых кругов России и зарубежья. В частности, реализованы два совместных инвестиционных проекта: предприятие «Электропулт – Грозный» по производству современного высоковольтного и низковольтного оборудования, а также организация совместного производства на базе ГУП «Электромеханический завод» по производству лифтов.[1]

В последние годы наблюдается значительный рост объема инвестиций в регионы СКФО, тем не менее, объем частных инвестиций на душу населения остается самым низким среди федеральных округов России.

Распределение инвестиций по регионам очень неравномерное, например, Республика Дагестан, Чеченская Республика и Ставропольский край по этому параметру вполне сравнимы с регионами Центрального федерального округа, тогда как остальные регионы сильно отстают.

Доля государства в структуре инвестиций в регионы СКФО очень существенна, в среднем она составляет примерно 40-50% от общего объема (при среднем показателе по РФ около 30%). В ЧР этот показатель превышает 90%. [3, 79 ст.]

При этом важно отметить, что они идут не на развитие «реального» сектора экономики, а на социальные проекты и мероприятия.

В основе аналитического обоснования процесса принятия управленческих решений инвестиционного характера лежат оценка и сравнение объема предполагаемых инвестиций и будущих денежных поступлений. Общая логика анализа с использованием формализованных критериев состоит в сравнении величины требуемых инвестиций с прогнозируемыми доходами. Поскольку сравниваемые показатели относятся к различным моментам времени, ключевой становится проблема их сопоставимости. [2, 23 ст.]

Низкий показатель частных инвестиций в СКФО связан с несколькими причинами, среди которых:

- высокие риски, недостаток инфраструктуры и стимулов для инвесторов (прежде всего, внешних);
- отсутствие крупных игроков (потенциальных инвесторов) на внутреннем рынке;
- недостаток компетенций и средств на проработку проектов у предприятий и предпринимателей регионов СКФО;
- неразвитый сектор предпринимательства.

Наибольшая доля инвестиций в СКФО приходится на транспорт и связь. На втором и третьем местах – производство и распределение электроэнергии, газа и воды, операции с недвижимым имуществом. В целом, структура инвестиций по регионам СКФО похожа. Однако стоит отметить Республику Ингушетию, в которой инвестиции в сферу государственного управления составили 58%,

при этом доля инвестиций в промышленность и сельское хозяйство меньше 2,5 %. [3, 80 ст.]

Традиционно под инвестиционной привлекательностью понимается наличие таких условий инвестирования, которые влияют на предпочтения инвестора в выборе того или иного объекта инвестирования. Объектом инвестирования может выступать отдельный проект, предприятие в целом, корпорация, город, регион, страна. Нетрудно выделить то общее, что ставит их в один ряд: наличие собственного бюджета и собственной системы управления. Объект каждого уровня (и соответственно, его инвестиционная привлекательность) обладает собственным набором значимых свойств. [2, 158 ст.]

Основными преимуществами при создании благоприятного инвестиционного климата на территории Чеченской Республики являются:

- наличие в структуре потребления населения высокой доли продукции, ввозимой из-за пределов республики (по экспертным оценкам – до 90%), делает потенциально конкурентоспособными практически любые инвестиционные проекты, связанные с импорт-замещением и направленные на удовлетворение местного спроса;
- ресурсно-сырьевая база позволяет осуществлять проекты в области нефтедобычи и нефтепереработки, добыче и переработке попутного газа, многих строительных материалов;
- лесной фонд Чеченской Республики характеризуется высокой долей ценных пород древесины, что может быть использовано для организации деревоперерабатывающей и мебельной промышленности;
- климатические условия в Чеченской Республике способствуют развитию многих секторов агропромышленного комплекса;
- невысокая стоимость рабочей силы делает более конкурентоспособной реализацию на территории республики проектов сторонних инвесторов. [1]

Таким образом, грамотное проведение политики инвестиционной привлекательности как экономической категории, характеризующейся эффективностью использования имущества предприятия, его платежеспособностью, устойчивостью финансового состояния, способностью к развитию на базе повышения доходности капитала, технико-экономического уровня производства, качества и конкурентоспособности продукции, является востребованной в настоящее время, а также будет применимо в будущем в экономике республики.

Литература:

1. Программа стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 года (проект) г. Грозный 2009 г.
2. Колмыкова Т.С. Инвестиционный анализ. Учебное пособие. – М.: ИНФРА – М, 2009.
3. Программа комплексной стратегии социально-экономического развития Северокавказского федерального округа до 2025 г. (проект). – М., 2010 г.
4. Косиков И.Г., Досикова Л.С. Социально-экономический справочник. – М., 1999.

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Новогодний бал-маскарад

Афоризмы

Новый год – это стерилизация старых стереотипов!

Господа, это зима приходит неожиданно-негаданно, а мы ее ждем и вечно гадаем на бобах и кофейной гуще!

Хорошо, что год Змеи – говорят, змеиный яд – панацея.

Конечно, мороз и солнце – день чудесный, если спросить поэта, а прозаические причуды начинаются с издержек ЖКХ.

– Простите, вы кобра? – Нет, гадюка со стажем!

Сколько бы ни Дед Мороз с холщовым мешком за спиной, лишь бы в мешке не было подарков судьбы.

«К топору!» – призвала пила, увидев красавицу-елку.

Глупо в новогоднюю ночь бросать валенки через штатетник и ворожить на мыльных пузырях, когда есть готовый сонник и розовые очки.

Согласитесь, джентльмены, в год Змеи мы все, как один, искусители.

Патриархальность Деда Мороза компенсируется продвинутостью Санта Клауса.

– Простите, вы Снежная баба? – А что, я похожа на Дездемону?

– По щучьему велению, по моему хотению требую на Рождество шведский стол с японской или китайской кухней!

Змею, как зодиакальный знак, не грех и пригреть на груди!

Холод был собачий: Дед Мороз и Снегурочка сидели возле буржуйки и грелись.

Если муж, не дойдя до дома, в новогодние праздники утонул в сугробе – ничего страшного, простится.

Ветер дует, карнавал идет!

Чем больше шампанского льется рекой, тем чаще гостям море по колено.

Если в карнавальную ночь по вашей физиономии плачет маска, значит на вас и лица-то нет.

Часы отбили ровно двенадцать – хорошо, что не почки!

«Нет, это ж надо так нажраться!» – говорили о Деде Морозе и Снегурочке пришедшие с детьми на елку.

Новогоднюю ночь муж провел по старой заведенной традиции – под столом.

Сколько бы ни елки зеленые, лишь бы не палки в колеса.

Если в новогоднюю ночь выбрасывать из окна все старые вещи: шифоньер, торшер, самовар – то не забудьте включить в список и тещу!

Дед Мороз был на елке по традиции, а Снегурочка по... вызову.

Такова жизнь: как привыкнешь с детства с горок на санках вниз, а потом и вовсе по жизни.

Было бы мясо, а гости нарастут.

Из тезисов: в 2013 году каждому ипотечному Дон Кихоту – отдельную ветряную мельницу.

Где елочный разбор, там, как правило, шапочные разборки.

Батюшки, кого только на бал-маскараде нет: короли, регенты, а шутов – пруд пруди!

Да, и еще, политику в новогодний ажиотаж не впутывать! (Администрация).

Терпи, Санта Клаус, это тебе не Бремен!

Мечта скупого дворника – загребать снег лопатой.

Снегопад – это инфляция зимы.

Аксиома: Где с Новым годом, там и с новым счастьем.

Мечты сбываются...

В последнем выпуске уходящего года редакция журнала «Вайнах» возвращается к прерванной традиции публикации читательских писем, отзывов и комментариев на произведения, представляющие, по их мнению, наибольший интерес или, напротив, вызвавшие негативную реакцию. Такие отклики также можно оставить, зайдя на страницу одноименного сайта – что, кстати, многие пользователи Интернета уже оценили, прислав следующие сообщения (оригинальный стиль, орфография и пунктуация авторов сохранены).

***Гость:** «Хорошо, что есть этот сайт. Спасибо за его организацию. Респект редакции».

***Таиса:** «Спасибо за хороший и перспективный сайт. Доброго пути тебе «Вайнах»!»

Гость сайта: «Спасибо авторам сайта за содержательные публикации. Респект и авторскому коллективу журнала».

Как уже отмечалось выше, письма приходят в редакцию и на сайт журнала самые разные, но, о чем бы читатель ни писал нам, в одном он может быть абсолютно уверен: ни одно письмо и сообщение не останутся незамеченными. Как, например, вот это письмо от девушки, по имени **Айхьант**:

«Здравствуйте, газета Вайнах. Я очень люблю читать и узнавать новое, и ваша газета для меня предел мечтаний и, как известно каждый человек стремится к своей мечте, вот и я стремлюсь к вам. Хоть у меня нет образования журналиста, но я люблю узнавать новое, я отличный психолог и философ с рождения, умею давать правильные советы, я понимаю, что таких как я много, но если у вас предложения ко мне я буду рада. По жизни я студент медицинского факультета ЧГУ, мне 21 лет, буду ждать...» – там же отправитель прилагает номер контактного телефона.

Редакция:

Уважаемая Айхьант! Наше издание является литературно-художественным журналом, но получить от Вас такой теплый отзыв все равно очень приятно. В свою очередь, мы обещаем, в случае большой необходимости в «правильных советах», обязательно воспользоваться Вашим опытом и умениями.

***Зарема Т.:** «Моим родителям очень нравится ваш журнал. Они всегда читали его, что называется, «от корки до корки». Но с тех пор, как материалы в публицистическом отделе стали печататься мелким шрифтом, читают только прозу и поэзию, потому что они уже старенькие и у них слабое зрение».

Редакция:

Зарема, спешим обрадовать твоих родителей и всех тех читателей, кто испытывал подобные неудобства: ваши замечания были учтены, и со второй половины этого года все информационные материалы в жанре публицистики представлены в нашем журнале более крупным 11 кеглем.

***Залина:** «Уважаемая редакция, в вашем журнале с большим интересом читаю материалы, посвященные истории нашего края и народа. Единственная просьба: чаще публиковать статьи профессиональных историков, в которых бы происхождение чеченского народа от первого человека Адама и допотопного

пророка Ноя доказывалось не гипотетическим образом, а еще какие-нибудь реальные факты-артефакты в качестве доказательств приводились бы».

Редакция:

Залина, как же мы хорошо понимаем тебя! Вот и гость нашей интернет-страницы ***Afrikakorps** тоже ерничает. Правда, по поводу совсем другой статьи, но тоже на историческую тему (Саламбек Гунашев. «Репрессии являются необходимым элементом наступления» – о сталинских репрессиях 30-х гг. в советской армии):

«Просто смешно! Прочитав только второй абзац, уже можно все понять о статье! Какие 43000? Где документы, подтверждающие такое заявление? На самом же деле их было 36000 (в число 40000 эту цифру округлил Хрущев), из них больше половины были реабилитированы! Это подтверждают архивные данные!»

Редакция:

Господин Африкакорпс! Вот если бы миф о том, как «чеченцы подарили Гитлеру белого коня» (что стало главной причиной их депортации в Среднюю Азию, поскольку территория ЧИАССР не подвергалась оккупации со стороны немецких захватчиков), не преподносился все послевоенные годы советскими историками как факт, подтвержденный «архивными документами», нам было бы тоже «просто смешно». Однако умные люди знают, кто и как пишет историю. А еще Шекспир устами героя литературного заметил: «Все дело соус – как подать». И вполне может стать так, что самые «достоверные» в Вашем понимании архивные данные на деле – тот же «соус».

Роман чеченского поэта и писателя Тауза Исса «Имя Родины», написанный на русском языке и изданный в этом году, в литературном (и не только) обществе республики вызвал неоднозначное отношение: от самых восторженных откликов и признания романа выдающимся событием в чеченской русскоязычной литературе – до полного его неприятия. Не остался в стороне от всеобщей полемики известный чеченский поэт и писатель, автор фантастического романа «Майдан предков» **Вахид Итаев**, приславший в редакцию такой отзыв:

Несколько слов о романе Тауза Исаева

Я прочел его роман «Имя Родины» и не жалею, что прочитал, и никто не пожалеет, кто прочтет. В романе родина, чеченская земля, показана не в отрыве от человечества, а в соединении с ним, то есть как часть планеты, как часть человечества. Одним словом, масштабно. И это всегда симпатично, когда в романе есть масштаб. Вот главный герой романа, носитель зла, Гадамож. Он мечтает о мировом господстве. О мировом господстве мечтали многие – Чингисхан, Тамерлан и другие. Но вот Тамерлан, большой любитель строить пирамиды из человеческих черепов, как это ни парадоксально, любил поэзию. А Гадамож не страдает подобными слабостями, он плевал на поэзию и прочую эстетику, он мечтает проще: всю землю застроить банками и засыпать свои крома золотом.. Гадамож – мечтатель повыше Тамерлана. Да и век другой.

Гадаможу в романе противостоит другой герой, простой парень Анси. Он любит цветы, говор родников, трели соловьев, рокот моря, одним словом, любит жизнь в ее главных проявлениях. Анси то работает в театре, то учителем. То пастухом, то долбит камень в Средней Азии, словом, живет по своей судьбе. И мечтает уберечь землю от зла, от Гадаможей. По задумке автора, он и избран

Богом стражником добра. Именно поэтому он и не собирается отдавать гору, под которой кроются несметные богатства, Гадаможам.

Это двуглавные линии романа Исаева. Разумеется, ткань романа многообразна. Много поэтических страниц, раздумий и т.д. Есть и симпатичные герои и несимпатичные, то есть служители добра и зла. Есть и напоминания, что Кавказ, как ни крути, родина человечества, потому что Ной со своим ковчегом остановился на Кавказских горах. Это напоминание крайне неприятно для тех, кто ругает лица кавказской национальности. Но ничего не поделаешь, таков факт. Ковчег Ноя после потопа остановился на Кавказе, а конкретно, по моему убеждению, в Аргунском ущелье, а еще конкретнее, в Итум-Кале. Впрочем, Итум-Кале и есть ковчег Ноя. Кто хоть что-то способен разглядеть, поднявшись на хребет и взглянув сверху на Итум-Кале, вскрикнет: «Это же ковчег Ноя!»

Разумеется, Исаев Таус не согласен, он утверждает, что ковчег Ноя находится в Зонах; Муса Ахмадов утверждает, что в Варандах, а Муса Бексултанов клянется, что в Хильдеха. Они ошибаются. Ковчег Ноя – в Итум-Кале. У меня есть доказательства... Итак, читатель, прочти роман Исаева Тауса «Имя Родины» – не пожалеешь. Лучше поймешь свою Родину, да и мечты новые загутятся в тебе.

Редакция:

А вдруг ковчегов было несколько? Помните, в знаменитом голливудском блокбастере «Катастрофа 2012» (тьфу-тьфу, не к 21 декабря будет помянуто!) на казенные и «миллионерские» деньги построили, на случай второго Великого потопа, четыре или шесть суперсовременных ковчегов?.. Очень даже возможно, что на Ноевом ковчеге находился летописец, который черным по белому и увековечил официальное место причала – Арарат. А на других ковчеггах (тех самых, что пристали в Зонах, Варандах, Хильдеха и в Итум-Кале) этих самых летописцев-хронистов, к нашей сегодняшней досаде, попросту не оказалось... Но все же как прав Вахид Итаев: мечты – великая вещь!

Он – не Хайям!

Не зря говорят: рыбак рыбака видит издалека. Так и молодой чеченский поэт ***Ваха Докаев**, настоящий дока (каламбур невольный) в сочинении стихов в восточном жанре рубаи, приветствует товарища по причудливым играм разума и влюбленного сердца Ислама Сайдаева на страницах нашего сайта: «Молодцом, Ислам! Очень понравились (твои) работы. Особенно работа, связанная с названием всей серии стихов».

Редакция:

Ты, конечно, помнишь, читатель, эти нетленные строчки в 8-ом номере журнала за текущий год:

Я не Хайям – вино я ненавижу,
Одну лишь женщину, как пьяница, люблю:
Прекрасный стан когда ее увижу –
Душа зовет к чернилам и перу.

Все верно, парни, вы другие – и льются строчки (неплохие!): я не Хайям, не Байрон, я ДРУГОЙ...

А вот какие отклики пришли к нам на имя Аси Умаровой, молодой художницы и писательницы, чье творчество (как изобразительное, так и литературное) известно уже далеко за пределами нашей республики.

***Амина:** «Ася, поздравляю тебя с публикациями в журнале! Молодец! Я всегда знала, что ты многого добьешься в этой жизни. Дай Аллах тебе помощи во всех начинаниях. Не знаю, помнишь ли ты меня или нет, мы с тобой вместе работали в государственном ансамбле «Нохчо». Ты тогда пела, а я танцевала. Пусть Аллах поможет тебе».

***Наталья:** «Познакомились с Асей на отдыхе в г. Пятигорске. Милая, симпатичная, скромная девушка. Я даже не подозревала, насколько она талантлива и способна. Ася замечательно поет, в рисунках – загадка, сказка, волшебство. Все опубликованные рассказы перечитаю в ближайшее время. Огромных успехов тебе, Ася, на любом творческом поприще, которое тебе по душе. Ты талантлива во всем. Будь счастлива, а я с удовольствием буду наблюдать за твоей деятельностью и, как могу, поддерживать. Богатырского здоровья, кавказского долголетия, чтобы еще долго могла радовать людей своим творчеством».

***Ольга Кочеткова:** «Ася – очень талантливая и одаренная девушка. Я впервые познакомилась с ее рисунками в Фэйсбуке. С тех пор с нетерпением жду каждого нового рисунка от нее. Я очень надеюсь, что ее признают во всем мире. Эти рисунки – бесценное творение. От них невозможно оторваться. Удачи и здоровья тебе, Ася. Ольга».

Признаемся нашим читателям – для нас стало полной неожиданностью обнаружить в себе... потенциальных конкурентов известного сайта «Одноклассники», телепрограммы «Жди меня», «К барьеру!», всероссийского Справочного бюро (наверное, есть такое) и специалистов по антиквариату. А иначе как объяснить вот такие письма, просьбы и реплики?

***Дмитрий Колесников** на имя Ларисы Бадаевой после публикации ее материала «Детство мамы, или Ненаписанное школьное сочинение»: «Здравствуй, Лариса! Очень тронул твой рассказ! Помню нашу школу... Не знаешь ли что-нибудь о Нахлупиной?»

***Денис** откликнулся на статью Мусы Багаева «Одежда XIX – начала XX вв.»:

«5 или 6 лет назад купил у скупщиков серебро: пряжки, бляшки, наконечники. Думал это от збруи, а показал товарищу (догилстанцу), он мне сказал, что это остатки поясного ремня, судя по арнаменту (волк и полумесяц) чеченский, судя по клеймам (царским) 18-19 вв. Хотел восстановить нет образцов. Нет ли какой либо информации?»

Следующее сообщение следует понимать как выражение поддержки группы друзей и коллег по работе поэта-воина Асламбека Тугузова:

***Арсанов Муслим:** «Лучший друг, хороший товарищ и отличный поэт».

***Бажиев Халид:** «Отличный боец спецназа, отличный поэт».

И, наконец, «гвоздь программы», то бишь сайта, под грозным ником **Чир** (Мечь). По счастью, к редакции журнала сей мистер Икс и Фантомас в одном лице настроен вполне миролюбиво – клинки и стрелы Мстителя направлены в адрес лишь одного автора нашего журнала. Однако, дабы не накалять виртуальную (да и реальную) атмосферу, имя злосчастной жертвы останется в тайне:

Итак, **Чир** о лирических миниатюрах автора о родном крае: «... не тебе писать о РОДИНЕ».

Чир об очерке того же автора, посвященном истории Чечни 18 века: «Надерганный из разных источников плагиат. Мыслей – ноль. Впрочем, нечего было ожидать иного от «попугая», твердящего одни и те же заученные слова.

И все же, когда речь заходит о Даме – поэтессе Марьям Нохчиевой, **Чир** обнаруживает в себе сердце рыцаря: «Марьям – супер! Ваши стихи – украшение «Вайнаха!»; «Ты лучшая среди наших поэтов, бесподобная Марьям!»

А вот реверанс в адрес редакции после публикации пьесы Ахмада Сулейманова «Материнские слезы» в переводе Алвади Шайхиева: «Великолепно! Спасибо «Вайнаху» за минуты прочтения этого произведения».

Ну и, наконец, закончить обзор ваших писем-откликов, дорогие читатели, хотелось бы отрывком из письма девушки по имени **Хадиджа**, которое она назвала «Моя исповедь»:

«Эта история началась в далеком 98 году. Моя младшая сестра в свои неполные 16 лет вышла замуж и не куда-нибудь, а в Чечню, в село Ведено. Наши родители и я очень переживали. Письма от сестры приходили редко, и мы их зачитывали до дыр. Но ни в одном письме она не отзывалась плохо о чеченцах и ее новой семье. Я так мечтала поехать к ней в гости и увидеть все своими глазами. Через год моя мечта осуществилась. С первого взгляда я влюбилась в Чеченскую Республику и народ, который здесь живет... Я прожила в гостях у сестры три месяца. Потом уехала в Ростов, устроилась на работу, и жизнь пошла своим чередом. Проходили дни, недели, месяцы и года, а я все мечтала о Чечне... Прошло 10 лет... И вот представился случай пожить в Ведено у сестры. Я, не раздумывая, рассчиталась с работы и, бросив все, уехала... в свою мечту. В Ведено я устроилась на работу. Я полюбила людей, которые здесь живут, полюбила местные законы и обычаи. Мне хотелось быть такой, как они. На протяжении двух лет я все чаще задумывалась о том, чтобы принять ислам. Читала исламскую литературу. И вот, накануне месяца Рамадан, все хорошо обдумав и попросив разрешения у родителей, я приняла ислам. Так из девушки Наташи я превратилась в Хадиджу... На душе было весело, радостно, легко. И почему-то очень хотелось плакать... от радости.

Я продолжала работать в Ведено, там познакомилась с очень хорошим парнем, он тоже был русский... Мы с ним много разговаривали об исламе и мусульманах... И вот в один день он мне сказал, что хочет принять ислам и жениться на мне. С того времени прошел год, он принял ислам, теперь его зовут Мухаммед. Нас поженили в Грозном в главной мечети – в тот день, когда была привезена чаша, из которой кушал Пророк... Мы живем теперь в Грозном, он здесь и работает, мы очень счастливы. Я люблю смотреть на утренний город, – и глаза и душа радуются этой чистоте и красоте. Большое спасибо Главе Чеченской Республики Рамзану Ахматовичу, да хранит его Аллах...

Вот я рассказала, как одна за другой сбывались мои мечты. Чего же еще можно хотеть? Родить здоровых детей, растить их, приобрести свое жилье... Но это, я думаю, исполнимо. Теперь я знаю, Аллах меня не оставит. С любовью и уважением к вам, Хадиджа.

Редакция: Большое тебе спасибо, Хадиджа, за такое теплое и душевное письмо. А нам, в свою очередь, остается только пожелать, чтобы твои мечты, такие простые и понятные, сбылись как можно скорее – ну хотя бы, в наступающем Новом 2013 году! Впрочем, того же мы желаем всем читателям журнала «Вайнах» – исполнения мечтаний!

Подготовила Роза Межиева

Содержание журнала «Вайнах» за 2012 год

Память

Мадина САКАЕВА. Хийрачу махкахь. Хилларг. III – 15

Черный февраль 44-го. Отрывки из школьных сочинений. III – 19

Горский характер. Алвади Шайхийев о Шайхи АРСАНУКАЕВЕ. IV – 2

Шайхи АРСАНУКАЕВ. Наступит день... Стихи. IV – 3

Мастер невидимой вселенной. Мадина Хакуашева о Леониде ТЕРАКОПЯНЕ. IV – 77

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. Во имя консолидации общества. V – 2

Мусульманские реликвии в Грозном. VIII – 2

Зайнди ДУРДИЕВ. Чеченский характер. Очерк. V – 12

Махьмуд КУЗАЕВ. Вайнах махках бахар. Хилларг. V – 36

Насрудин ДАБАЧХАДЖИЕВ. Благодарность в письмах. И в аул пришла беда. V – 68

Асвад ИРЗАХАНОВ. Судьба старшего сына. V – 72

Увайс ЛОРСАНУКАЕВ. Летчик-орденоносец из Гехов. V – 76

Хазимат ДЕРБИШЕВА. Первому Президенту Чеченской Республики. Стихи. VIII – 6

Ислам ХАМУРЗАЕВ. Чеченская нана, не сломленная судьбой. X – 87

Ко дню города

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. Город героической судьбы. X – 2

Юбилей

Макалов ШАМСУДДИ. Ас стенна сагатдо? Стихаш. I – 19

Алвади ШАЙХИЕВ. В стремительной скачке... Стихи. IV – 10

Мастер философской лирики. Увайс Лорсанукаев о поэзии Алвади ШАЙХИЕВА. IV – 14

Шамсудди ИБРАГИМОВ. С днем ангела! Стихи-посвящения. IV – 16

Ахмад СУЛЕЙМАНОВ. Конах. Стихи. V – 4

Шима ОКУЕВ. Лайн тӀехь цӀен зезагаш. Сахуьллш. XI – 20

Гадиз КУСАЕВ. Шима волчохь... Стихаш. XI – 23

Муса АХМАДОВ. Адам хила Ӏамош. XII – 2

Хьамзат САРАКАЕВ. «Аполлонан йишин клант», я Декхаделла гӀан. XII – 4

25 апрель -
Нохчийн меттан де

Мохьмад СУЛАЕВ. Хазалла кхуллург безам бу. Стихаш. IV – 7

Муса АХМАДОВ. Сай. Поэма. IV – 31

Муса БЕКСУЛТАНОВ. Кехат. Дийцар. IV – 17

Арби ВАГАПОВ. Уменьшительные суффиксы в чеченском языке. IV – 70

Проза

Муса БЕКСУЛТАНОВ. Сирота. Перевод с чеч. Микаила Эльдиева. I – 2

Этого он не знал. Дорога, спускающаяся в село. Старый тулуп. Рассказы. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ. X – 8

Шаран ДАШАЕВ. У костра. Рассказ. I – 25
Подарок. Летите, ласточки. Рассказы. VII – 14

Вендетта. Рассказ. XII – 21

Элита ДАДАКАЕВА. Тетя Малика. Рассказ. I – 40

Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. Оцу дийнахь. Дийцар. I – 42

Адам АХМАТУКАЕВ. Образ солнца золотой. Перевод с чеч. автора. I – 45

Сулиман МУСАЕВ. Запах подснежника. Рассказ. I – 51

Вкус айвы. Рассказ. II – 2

Гулч. Дийцар. IV – 67

Седа. Рассказ. VI – 23

Доьхна де. Дийцар. VII – 36

Охота. Рассказ. XII – 45

Ийса ОКАРОВ. Нехан махкахь некъаш. Дийцар. I – 55

Мохьмад АЛИЕВ. Кха. Дийцар. II – 8

Даьгна нур. Дийцар. V – 21

Йишина гӀортот. Дийцар. IX – 22

Хожбауди БОРХАДЖИЕВ. Стена. Повесть. II – 18

Магомед ЦУНЦАЕВ. Жаживо погребенные. Рассказ. II – 55

Ваха БУГАЕВ. Ланд краузер. Шачул дика. Дийцарш. III – 34

Иса ГУНАЕВ. Доза. Повесть. III – 39; IV – 59; V – 41; VI – 46

Хеда САЙДУЛАЕВА. ГӀан. Дийцар. IV – 37

ОТЗЫВЫ О РОМАНЕ «Украденная Родина». IV – 38

Тауз ИСС. Украденная Родина. Главы из романа-светологоса. IV – 44

Алвади ШАЙХИЕВ. Дом со слепыми окнами. Рассказ. V – 7

Новоявленный нувориш, или Несостоявшаяся карьера. Рассказ. IX – 62

Мухтар БАКАЕВ. Последняя улыбка. Рассказ. V – 30

Эльбрус МИНКАИЛОВ. Дагахьбаллам. Дийцар. VI – 5

На изломе. Повесть. IX – 42

Халим БУРЧАЕВ. Абитуриент Йага. Дийцар. VII – 4

Зу. Дийцар. XI – 13

Аслан ШАТАЕВ. Голос за стенкой и блуждающие башни. Рассказ. VII – 21

Приключения Читы. Рассказ. XII – 50

Асламбек ДАУДОВ. Декъаза Юнус. Дийцар. VIII – 8

Муса АХМАДОВ. Море оказалось жестоким. Рассказ. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ. VIII – 20

Сайд-Хасан КАЦАЕВ. Миниатюры. VIII – 30

Бана МАГОМАДОВА. Трудности любви. Рассказ. Перевод с чеч. Субар ИНАРКАЕВОЙ. VIII – 53

Шамсуддин МАКАЛОВ. Чужой у своего

отечества. Рассказ из цикла «Записки врача». IX – 29

Мовла ГАЙРАХАНОВ. Мы не верили. Рассказы, эссе, притчи. IX – 42

Аминат ТАПАЛАЕВА. Юноша на белом коне. Рассказ. Перевод с чеченского Субар ИНАРКАЕВОЙ.....56

Леча ЯСАЕВ. Интересный. Рассказ. XI – 4

Марем НОХЧИЕВА. Рассказы. XII – 36

Поэзия

Алвади ШАЙХИЕВ. Берега. Стихи. I – 15

В горах желают девять благ. Стихи. X – 5

Ма къахкаейша Гуйре! Стихи. XI – 31

Руслан ЮСУПОВ. Вдвоем. Стихи. I – 22

Матери. Стихи. III – 2

Бросая вызов мрачной суете... Стихи. VI – 30

Красивой девушке. Стихи. IX – 26

Малика ГАЗИХАНОВА. Какие мне найти слова. Стихи. I – 33

Султан МАРГОШВИЛИ. Шовда. Стихаш. I – 48

Малика МУСАЕВА. Байташ. I – 54

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Сага о депортации. Стихи. II – 6

Сольфеджио для любви. Стихи. V – 29

Марем НОХЧИЕВА. С именем – Нохчийчоь. Стихи. II – 15

Когда наступит тишина... Стихи. V – 10

Хлеб Родины моей. Стихи. IX – 41

Адиз КУСАЕВ. Из цикла «Новые стихи». II – 48

Из цикла «Этюды Чечни». Стихи. IV – 34

Шамиль ХАДЖИМУРАДОВ. Даруй нам, Господи, смиренность! Стихи. II – 52

ТАМИЯ. Бойн гуьйре. Стихаш. II – 60

Супьян ХАЛИДОВ. Боданашкахь ойланаш. Стихаш. III – 29

Асламбек ЯКУБОВ. Прощальный жест. Стихи. III – 36

Слова, как бравые полки. Стихи. IX – 53

Малика ГАЙСУЛТАНОВА. Твои глаза. Стихи. III – 54

Камета САТУЕВА. Эрна дац яхар! Стихаш. IV – 57

Хьянта ИСАБАЕВА. Нохчо. Стихаш. V – 19

Роза ТАЛХИГОВА. А я все живу в ожидании нового дня... Стихи. VI – 2

Тауз ИСС. Вокзал. Верлибры. VI – 43

Хьусайн ДЖЕБИЕВ. Ойланаш къоналле кхийда. Стихаш. VI – 56

Валид ДОКАЕВ. Песнь осени. Золотой император. Стихи. VII – 2

В ракурсе отчаяния. стихи. XI – 10

Насрудин ЯРЫЧЕВ. Восток. Стихи. VII – 12

Майрбек ЛУЛУЕВ. Сердечная зарисовка. Стихи. VII – 18

Пленник красоты. Стихи. XII – 33

Муса ШАМСАДОВ. Ас муха хьаста хьо, Нохчийчоь? Стихаш. VIII – 13

Руслан УМАЕВ. Запоздавший гость. Стихи. VIII – 16

Леча ЯСАЕВ. Спаси меня, Всевышний, от гордыни. Стихи. VIII – 29

Малика ХАМИДОВА. Нана. Стихаш. VIII – 51

Михаил ЛЕРМОНТОВ. Валарг. Гочдар КУСАЕВ Иадизан. IX – 18

Шамсуддин МАКАЛОВ. Сан илли. Стихаш. X – 23

Бахид ИТАЕВ. Поблагодари планету. Стихи. XI – 2

Докка КАГЕРМАНОВ. Байинчу вайнехан чевнаш, я Исана тIехь дисина моьнаш... Стихаш. XII – 13

Адам АХМАТУКАЕВ. Пусть стоит это древо! Стихи. Перевод с чеч. Розы АГОЕВОЙ. XII – 18

Абдулла ПЕШХОЕВ. ЭхIа-хIай Стихаш. XII – 43

Марьям БИБИЕВА. Лайн чимаш. Стихаш. XII – 48

Голоса друзей

Башир ТИМУРЗИЕВ. Загубленный талант. Рассказ. I – 34

Джамиля МАМАЕВА. Не о том. Стихи. I – 38

Кристина ЕЛЕКОЕВА. Где же ты... Стихи. I – 50

Дарья ШОМАХОВА. Рассказы. Из цикла «Цветы». I – 58

Гарий НЕМЧЕНКО. Лезгинка для смертельно больных. (Из цикла «Газыри»). Рассказ. III – 6

Вячеслав АР-СЕРГИ. Без тебя. Стихи. III – 10

Муса БАРКИНХОЕВ. Батальон уходит на рассвете. Рассказ. V – 26

Милена ТЕДЕЕВА. Бабушка. Стихи. VII – 34

Виктория КАНТАРИЯ. Спасибо, жизнь. VIII – 36

Лаврентий СОН. Внутреннее сопротивление. Рассказ. VIII – 38

Наргиса КАРАСАРТОВА. Согрей же, сказка. Стихи. IX – 59

Мустафа БЕШИЕВ. Постой, оглянись в это время утрат... Стихи. XI – 19

Исмаил ГАДЖИЕВ. Техник. Рассказ. XI – 50

Александр ТАРАСЕНКО. Осенние дороги. Стихи. XI – 54

Магомет КУЧИНАЕВ. Когда стадо поворачивает назад. Рассказ. XI – 55

Мухамед НЗОВАФЕД. У каждой мечты свой способ осуществиться. Рассказ. XII – 54

Драматургия

Муса АХМАДОВ. Встреча с избирателями. Комедия. V – 51

У родника. Комедия. Перевод с чеченского Сулимана МУСАЕВА. IX – 64

Тауз ИСС. Звезда Кавказа. Драма. XI – 59

У Совещание молодых писателей Кавказа

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Проза. NEXT. X – 34

Зураб БЕМУРЗОВ. Нун. Стихи. X – 39

Милена ТЕДЕЕВА. Центр одного мироздания. Из цикла «Цхинвальцы». X – 41

Хава ГАГАЕВА. Я тоже раньше была парусом... Стихи. X – 52

- Дарья ШОМАХОВА. Пыль. Рассказ. X – 53
 Алан РАМОНОВ. Напиши. Стихи. X – 56
 Сулиман МУСАЕВ. Письмо. Рассказ. X – 57
 Жанна АППАЕВА. Я в раздумьях. Стихи. X – 60
 Алексей КОЗЛОВЦЕВ. Самолет. Рассказ. X – 61
 Елена МИЛОСЕРДОВА. Окись хрома. Стихи. X – 69
 Айгюн МАМЕДОВА. Платок. Рассказ. X – 70
 Марина ГАДЖИЕВА. Бессонница. Стихи. X – 74
 Багдат ТУМАЛАЕВ. Баку глазами начинающего путешественника. Из путевых очерков. X – 76

ХII Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья

- Саламбек АЛИЕВ. Липкинский дневник. XI – 34.
 Родион ПРИЛЕПИН. Камни. Стихи. XI – 45
 Александр ЕВСЮКОВ. Контур легенды. Рассказ. XI – 48

Дебют

- Анзор ЭЛМУРЗАЕВ. Милость. Стихи. II – 57
 Элиза КУРКАЕВА. Предвкушение мечты. Рассказ. II – 58
 Асет ЕСАУЛОВА. Твой дом опустел. Стихи. III – 55
 Башир ВИСАТАЕВ. Знаки, препинания. Стихи. IV – 54
 Хава ГАГАЕВА. Стихотворения. V – 39
 Ася УМАРОВА. Спокойной ночи, Марисабель. Рассказ. VI – 10
 Мадина АБДУЛВАГАПОВА. Спасибо, мам. Птица-синица. Рассказ. VI – 32
 Адам ТУМЧАЕВ. Ойланаш. Кегий дий-царш. VI – 58
 Арби АРСЕМИРЗАЕВ. Свобода. Стихи. VI – 63
 Зезаг ХАМЗАТОВА. Письмо другу. VI – 64
 Сайдик ЗАЙТЕМИРОВ. Нана. Стихи. VII – 39
 Мансур ГЕЛАГАЕВ. Сиреневый запах единственной любви. Рассказ. VII – 40
 Ислам САЙДАЕВ. Я не Хайям... Стихи. VIII – 56
 Марьям ХАДЫСОВА. На перепутье. Стихи. XII – 53
 Анна Хадиджа ВЯТКИНА. Твой путь к спасению... Стихи. XII – 60

Публицистика

- Саид-Альви ЛУЛУЕВ. Слово о достойных людях. Очерк. I – 75
 Кати ЧОКАЕВ. О военном лихолетье. II – 64
 Саламбек АЛИЕВ. Двадцать третье. II – 70
 Магомед ДАДУЕВ, Мааз ЮСУПОВ. Чечня в контексте геополитических процессов. IV – 89
 Ширвани ЮСУПОВ. Истоки коррупции и перспективы борьбы с ней. V – 84

- Малика ЕЖИЕВА. По лабиринтам памяти. Хлопок. VI – 75
 Муслим ГАПУЕВ. Фартовый борец. Очерк. VI – 83
 Тамила АХМАДОВА. Привлекательность инвестиционной деятельности в Чеченской Республике. XII – 81

Культура

- Абдулла ГАПАЕВ. ...И родился театр. II – 83
 ...И родился театр. III – 74
 Муслим ГАПУЕВ. Актер благородного образа. Очерк. III – 83
 Курчалоевский соловей. IX – 88
 Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Храбрый Берс и красавица Жовхар. III – 93
 Малика ГОРТИКОВА. Вечные ценности музейного мира. VI – 70
 Магомед ЯСАЕВ. Философские аспекты культуры и времени. XI – 92

Критика и литературоведение

- Исмаил МУНАЕВ. Магомед Дикаев – поэт и гражданин чеченского народа. VI – 67
 Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Плохо умирать наощупь. VII – 59
 Гилани ИНДЕРБАЕВ. Писатель глубокого гражданского порыва. XI – 84

Фольклористика

- Исмаил МУНАЕВ. Сказитель-илланча. II – 77
 Мохьмад ГАКАШЕВ. Лейчана илли. II – 78

История

- Мусейп ВИСЕНГЕРЕЕВ. Викинги на Кавказе. I – 64
 Адиз КУСАЕВ. История села Шуани и шуанинцев. I – 67
 Саид-Альви ЛУЛУЕВ. Чермоев Абдул-Межид (Тапа): воин, политик, дипломат, предприниматель. III – 56
 Корни чеченцев. XII – 61
 Вахит АКАЕВ. Чеченский алим Магомед-Башир-хаджи Арсанукаев: духовное возвышение и поиск истины. V – 59
 Вахит АКАЕВ, Хамид ХУСАИНОВ. Становление и развитие общественной мысли чеченцев. VIII – 63
 Сулиман МУСАЕВ. Оздемир Цацан-Юртовский и его потомки. VIII – 78
 Тамара ЭЛЬБУЗДУКАЕВА. Развитие литературы и просветительства в Чечне в 20–30-е годы XX века. X – 83
 Юсуп ЭЛЕМБАЕВ. Сальмирза из Дады-Юрта. XI – 75
 Малика ГОРТИКОВА. Зарождение и развитие предпринимательства в Чечне. XI – 79

Наше интервью

- Иса ОКАРОВ беседует с Кати ЧОКАЕВЫМ «Сохраним самое дорогое...» III – 70

с Ямлиханом ХАСБУЛАТОВЫМ. «Если бы я был птицей, я полетел бы домой...» V – 79
с Сайд-Магомедом ХАСИЕВЫМ. «Ищите камень...» VIII – 58

с Вахидом ИТАЕВЫМ. XII – 69
Халим БУРЧАЕВ беседует с Саид-Хамзатом НУНУЕВЫМ. «Мечты о Нахистане». IV – 81

Имран ИСМАИЛОВ беседует с Таузом ИС-СОМ. «Горная тропа к дому солнца». VII – 73

Аскер ДОДУЕВ беседует с Магомедом КУ-ЧИНАЕВЫМ. «Не по велению времени, но по велению совести». X – 89

Гочдар

Важа ПШАВЕЛА, Николоз БАРАТАШ-ВИЛИ, Вахтанг ОРБЕЛИАНИ. Дийцарш. Стихаш... Гуьржийн маттера гочийнарг МАР-ГОШВИЛИ Султан. X – 27

Корней ЧУКОВСКИЙ. Кегари. Гочдина Хатаев Хьусайна. XI – 52

Свидетельства очевидцев

Малика ЕЖИЕВА. Все это было. II – 72

Рецензия

Лиза АДМИСИЕВА. Актуальные проблемы истории Чечни. I – 90

Чеченский язык

Арби ВАГАПОВ. К происхождению некоторых чеченских названий рыб, земноводных и связанных с ними понятий. I – 82

Англо-чеченские лексические параллели. IX – 71

Юсуп АМАЕВ. Чеченский язык: краткие тезисы о происхождении и значении. VII – 84

Абдулла АРСАНУКАЕВ. Актуальные проблемы формирования чеченско-русского двуязычия в контексте этнопедагогических взглядов П.К. Услара. VIII – 73

Ислам САЙДАЕВ. Об этимологии слова «Маршо» и названии города Урус-Мартан. IX – 84

Хроника культурной жизни

Омар ИСАЕВ. «Чеченец я, чеченец». I – 92

Малика ГОРТИКОВА. Старинное оружие – в дар музею. VII – 56

Лидия МАХМУДОВА. Переполюх в театре «Серло». VII – 93

Саламбек АЛИЕВ. Фабулаты и мемораты Тауза Исса. Дорогу молодым – на Пушкина, 6. VIII – 89

И в шутку, и всерьез

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Метафоры от Санта-Клауса. Афоризмы. I – 88

Харизма инсталляций. Афоризмы. VII – 91

Диалог на эсперанто. Афоризмы. X – 93

Новогодний бал-маскарад. Афоризмы. XII – 85

Обратная связь

Роза МЕЖИЕВА. Мечты сбываются. XII – 86

Книжные новинки

Роза МЕЖИЕВА. Молитва. I – 95

Избранное. Мой путь. Обет. VI – 95

Иллюзии величия. X – 95

Брелок. XI – 95

Щ «МЕМОРИАЛ». Судьба неизвестна. II – 95

Роза БЕРСАНОВА. Фрагменты истории в фольклоре и лексике чеченцев. III – 95
Женские голоса в мировой поэзии....94

Сулиман МЕЖИЕВ. Девушка моего брата. IV – 95

Малика ГОРТИКОВА. Освободительная борьба чеченского народа: новое слово ученых. V – 94

Малика ДЫШНИЕВА. Новая книга о культуре чеченцев. VII – 95

Лидия МАХМУДОВА. Гулдина йозанаш. Безмолвное эхо. VIII – 94

Бег от времени. XII – 95

Алвади ШАЙХИЕВ. Поэзия высокой пробы. IX – 94

К нашим иллюстрациям

Сацита ИСРАИЛОВА. Молодой талант. I – 95

Источник вдохновения. V – 95

Одержимые красотой. VII – 95

Мир художника в графическом измерении

С любовью к своим предкам. XII – 95

Танса ТЕРЛОЕВА. Творчество для души. II – 95

Путь художницы в большое искусство. X – 95

Роза МЕЖИЕВА. Расширяя границы. III – 95

Неопалимая купина Ахдана Озниева. IV – 95

Вызов для художника. IX – 95

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Карандашом и ручкой о мире и себе. VI – 8

Танса ИСРАИЛОВА. Молодой талант. VIII – 95

Сведения об авторах и переводчи- ках

I – XII – 96

Содержание журнала «Вайнах» за 2012 год.

XII – 89

Книжные новинки**Бег от времени**

В нальчикском издательстве «Тетраграф» вышел сборник молодых прозаиков и поэтов нашей республики «Бег от времени», объемом в 398 страниц. Это проект Союза писателей ЧР и его председателя Канты Ибрагимова. Цель книги – поддержать молодые дарования, а также дать возможность читателям увидеть срез современной литературы чеченцев, начинающих свою художественную биографию. В сборнике собраны произведения, созданные на русском языке, хотя среди авторов есть и литераторы-билингвы.

Представленная проза и поэзия разнообразна по своему тематическому выражению, по уровню мастерства авторов, среди которых есть и уже состоявшиеся писатели, профессионально занимающиеся литературой, как, например, Сулиман Мусаев – участник многих Форумов молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья, публикующийся в литературных журналах Москвы, Владикавказа, Нальчика, Грозного. А есть и те, кто делают первые робкие шаги в литературе, выступив пока лишь в рубрике «Дебют» литературного журнала «Вайнах».

Различны и жанрово-стилистические предпочтения: Аслан Шатаев выбрал мистическое самовыражение, экшн, Муслим Гапуев и Мовла Гайраханов выстраивают миниатюрные сюжеты на историях из собственной жизни, Саламбек Алиев в емком высказывании сочетает элементы пронзительного лиризма с публицистической остротой...

Однако и тех, и других объединяет любовь к слову, жажда творчества и уважение к писательскому труду.

Лидия Махмудова

К нашим иллюстрациям**С любовью к своим предкам**

В этом году на одной из встреч в Санкт-Петербурге я познакомилась с удивительной женщиной, художницей Светланой Наймушиной, которая до 1994 года проживала в городе Грозном. Встреча была теплой: Светлана вспоминала художников, с которыми училась: Султана и Лечу Абаевых, Арби Рассуханова. «Мы никогда не делились по национальности. Моя мастерская была рядом с мастерской ингуша Эсмурзиева и чеченца Магомед Абдурашидова. Война многое изменила в моей жизни. Я считаю себя грозненкой. Я русская, но Грозный – мой город. В нем жили мой дед и прадед, родилась моя мама».

Ее дед, потомственный гребенской казак, проживал в ст. Воздвиженской. Когда Светлане было 4 года, семья Наймушиных переехала в Грозный. По окончании средней школы девушка поступила в Краснодарское художественное училище, а в 1987 году продолжила образование на отделении книжной графики Академии художеств им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург). В 1988 году в Грозном она была принята в члены Союза художников СССР. Последние 15 лет художница проживает в Екатеринбурге.

В Грозном она участвовала в различных коллективных выставках, а персональные – неоднократно проводились в Москве и Екатеринбурге. Работы С. Наймушиной находятся в музее Академии художеств (г. Санкт-Петербург), Екатеринбурге, частных собраниях в Германии, Канаде. К сожалению, картины, хранившиеся в Чечено-Ингушском музее образительных искусств им. Петра Захарова и Грозненском краеведческом музее, были уничтожены во время военных событий.

Светлана Наймушина принимала участие в иллюстрации книг в советском издательстве «Малыш» – это «Снегурочка», «Русские народные сказки» и др. Большим успехом пользовалась серия иллюстраций к сказкам «Тысяча и одна ночь». Одна из лучших работ Светланы – иллюстрация книги «Терек вспышный. Песни гребенских казаков».

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Чертополох», 2 стр. – «Лето», 3 стр. – «Станица Гребенская. Баба», 4 стр. – «Вечер».

Сацита Ибраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Адам Ахматукаев (1961). Родился в с. Алхан-Юрт Урус-Мартановского района. Писать стихи и печататься начал в школьные годы. Его стихи вошли в коллективные сборники: «Час рассвета» (1986), «Затмение» (1990), «Возвращение» (1990), «Какой долгой была та зима» (1991), «Антология чеченской поэзии» (2003), «Все – для тебя» (2006), «Огонь неугасимый» (2006). Издал три собственных сборника стихов: «Печаль ночных мелодий» (2005), «Когда-то, потом...» (2005), «По соседству...» (2007). Активно печатается на страницах журнала «Орга». Пишет на родном языке. В последнее время пробует себя и на русском языке – пишет и переводит свои стихи. Член Союза писателей России.

Абдулла Гапаев (1941). Театровед. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии в 1964 году. Пишет театроведческие статьи. В советской центральной и республиканской печати публиковался с 1964 года (в газете «Правда» и многих других). Автор более 200 театроведческих публикаций.

Ахмет Денисултанов (р. 1953). Окончил филологический факультет ЧГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Грамофон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился 10 ноября 1951 года в Казахстане. В 1988 году окончил Литературный институт имени М. Горького в Москве. Работал учителем, актером в драмтеатре им. Х. Нурадилова, сотрудником газеты «Ленинец» Советского района. Писатель, поэт. Автор книг: «Пространство душ», «Горсть», «Грани», «Путешествие в полдень», «Линии», романа «Имя Родины» (2011г.). С 1995 по 2008 годы проживал в Абхазии. Преподавал в Абхазском госуниверситете культурологию. Один из создателей общественной организации «Академия культуры Кавказа». Член Союза писателей Абхазии, России и Чеченской Республики.

Майрбек Лулуев (в 1956). Родился в Казахской ССР. В 1983 году с отличием окончил Чечено-Ингушский госуниверситет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в журнале «Орга», в районной газете «Колхозная жизнь». С 1993 года проживает в Саратовской области. Там же печатается в местной периодической печати.

Иса Окаров (1952). Родился в Семипалатинской области Казахской ССР. В 1990 г. окончил Литературный институт им. Горького (семинар художественного перевода). Член Союза журналистов СССР (РФ). Работал на республиканском телевидении, в редакциях газеты «Заветы Ильича», журнала «Стелалад».

Марем Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская» (2006), «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», газете «Вести республики».

Сулиман Мусаев (р. 1972). Окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 году. Редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 года. Пишет на чеченском и русском языках. Публикации – в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», сборник «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (М., 2009).

Участник семинара молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик, май 2008 г.), VIII, IX и X форумов молодых писателей России в Липках (2008-2009, 2010). Магистр малой прозы по итогам Всероссийского форума молодых литераторов в 2009 году.

Саид-Альви Лулуев (1954). Родился в Киргизии, в поселке Хайдаркан. В 1987 году окончил Свердловский юридический институт, факультет правоведения. Работал в МВД СССР с 1980 по 1992 годы. С 1992 года по 2003 г. – в судебной системе, судьей. В настоящее время судья в отставке, работает консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека в ЧР. Пишет публицистические статьи с 1972 года. Публиковался в свердловской газете «На смену», «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», а также в республиканских СМИ: в газете «Вести республики», «Молодежная Смена», «Зори ислама», «Гумс», «Терская новь», «Слово народа» в журнале «Нана». Автор трех книг: «Геноцид чеченского народа», г. Махачкала, 1996 г., «Чечня: былое и думы», Гудермес, 2005; «Конец двадцатого», г. Хасав-Юрт, 2008 г. В журнале «Вайнах» публикуется впервые. Член Союза писателей России.

Шаран Дашаев (1940). Родился в с. Урус-Мартане ЧИАССР. Окончил Чечено-Ингушский пединститут, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1960 по 1965 год работал учителем русского языка и литературы, чеченского языка и литературы, завучем, с 1965 года – корреспондентом радио, с 1966 года – в районной и республиканской газетах завотделом, замредактора, редактором. С 1999 по 2006 год – начальник отдела, заместитель и 1-й заместитель главы администрации г. Урус-Мартана. Его статьи, очерки, рассказы публиковались на страницах республиканских газет, журналов «Вайнах», «Орга».

Тамила Ахмадова (1976). В 1999 окончила финансово-экономический факультет ЧГУ по специальности «коммерция». С 2006 года работает в Чеченском государственном университете на кафедре экономического анализа в должности старшего преподавателя. Автором опубликован ряд научных статей, посвященных экономике Чеченской Республики.